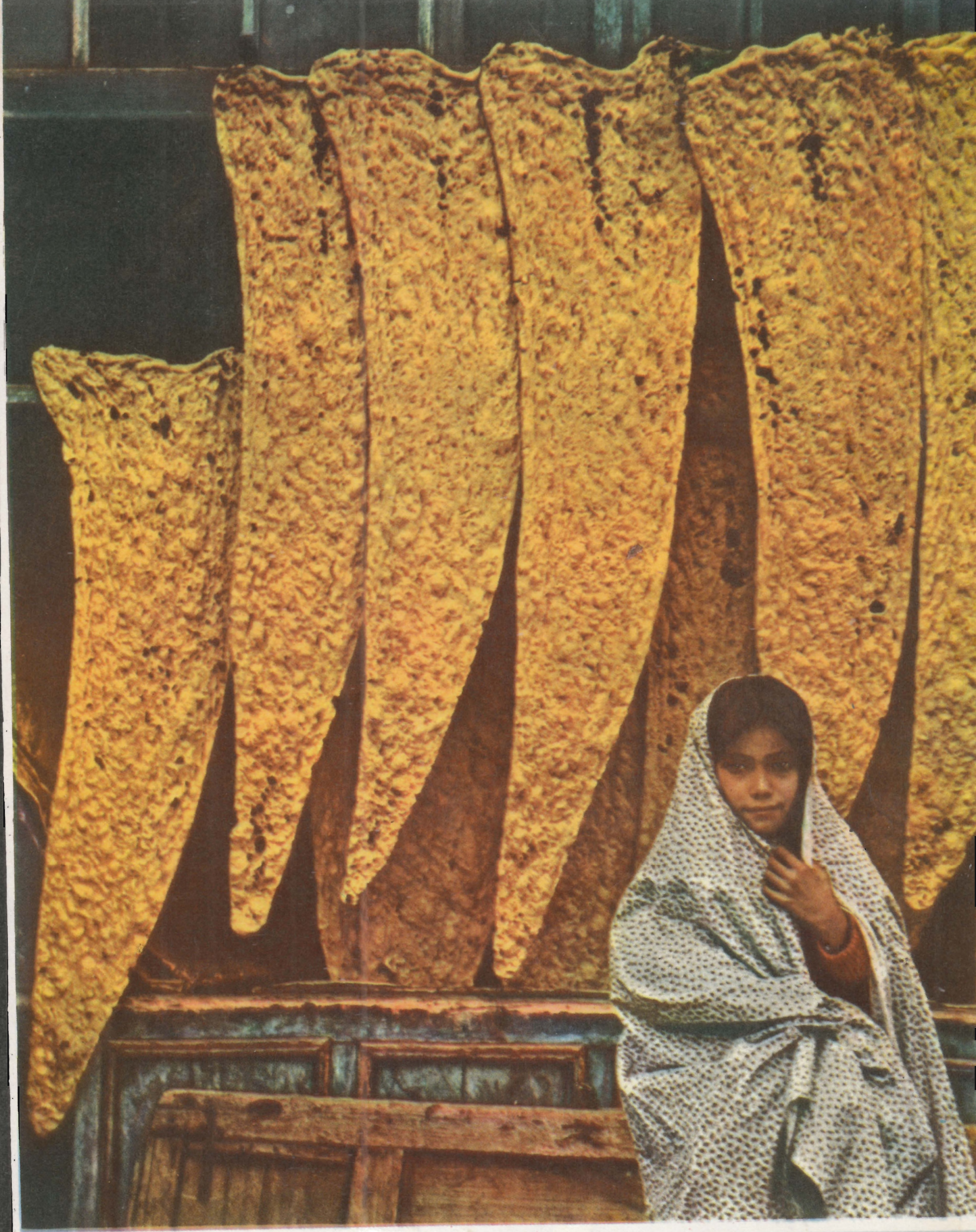
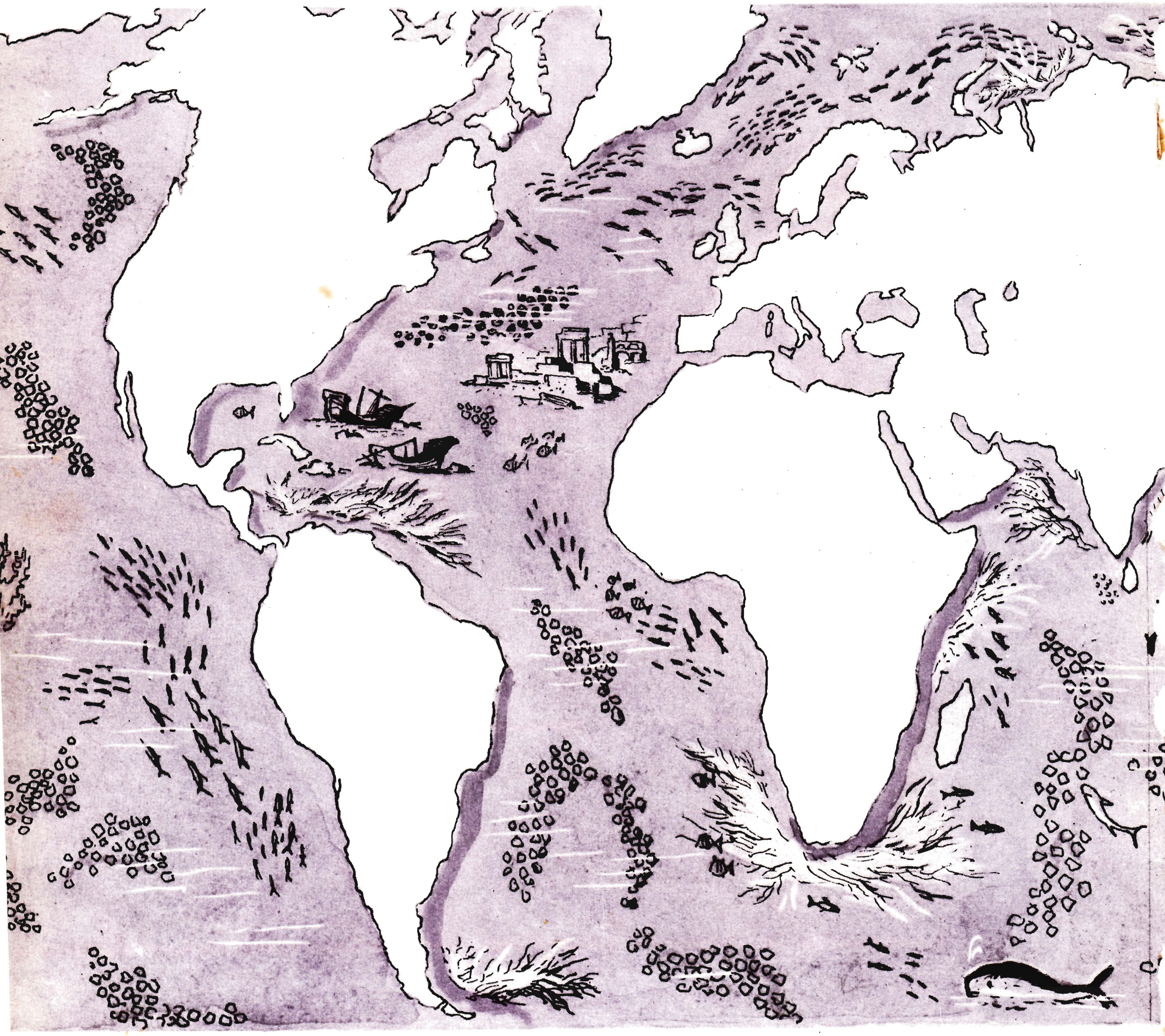

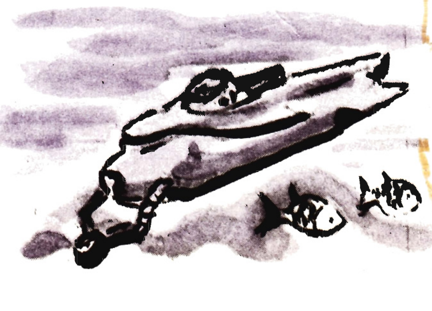

ВОКРУГ СВЕТА

10 1965
ОКТЯБРЬ

1965

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10
ОКТЯБРЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

НА СТРАНИЦАХ НОМЕРА:

Сегодня в нашей Кают-компании — Лев Александрович Зенкевич, известный советский исследователь. В 1965 году за свою книгу «Биология морей СССР» ученый был удостоен Ленинской премии. Имя члена-корреспондента АН СССР Л. А. Зенкевича вписано в Золотую книгу выдающихся исследователей океана, которая хранится в Океанографическом институте в Монако.

Беседу с Л. А. ЗЕНКЕВИЧЕМ записала наш корреспондент Е. МИЛЮТИНА.

КЛАДЫ СОЛЕНОГО КОНТИНЕНТА

В трудный 1921 год, когда мы, океанологи, лишь мечтали о планомерном изучении морей и океанов, вышел знаменитый ленинский декрет. В нем говорилось: «В целях всестороннего и планомерного исследования северных морей, их островов и побережий, имеющих в настоящее время государственное значение, учредить при Народном Комиссариате просвещения Плавучий Морской Научный Институт с отделениями: биологическим, гидрологическим, метеорологическим и геоминералогическим».

Каким размахом, смелостью мысли надо было обладать, чтобы поддержать дело, которое могло принести серьезные практические результаты лишь через десятилетия!

Плавучий морской научный институт сразу же занялся созданием своей плавучей базы: научно-исследовательское судно «Персей» стало отличной школой для многих наших ученых. Белое, Карское, Баренцево, Гренландское моря — где только не побывал «Персей» за долгие годы своей службы.

Сейчас «потомки» нашего «Персея» — «Витязь», «Михаил Ломоносов», «Заря» и другие — бороздят воды Тихого, Индийского и Атлантического океанов, воды Арктического и Антарктического бассейнов.

Главная цель этих многолетних плаваний — познать жизнь самого большого — водного — «континента» нашей планеты. Что и говорить, задача не из легких. Решить ее может лишь комплексная наука, так как в океане невозможнс разделить физические, химические и биологические процессы.

В 50-х годах мне довелось возглавлять экспедиции на «Витязе». Многочисленные наблюдения, собранные во время плаваний, дали возможность обосновать учение о биологической структуре океана.

Возникновение жизни — это синтез, требующий «стройматериалов» и «строителей». Роль строительного материала в океане играют химические вещества, растворенные здесь в несметном количестве. «Строитель» — солнечные лучи, благодаря которым совершается таинство фотосинтеза. Но солнечные лучи проникают лишь на 100—200 метров, и все, кто населяет толщу океана, питаются тем, что «проросло» в верхнем слое. Этот слой называют «плодородным». И кстати сказать, он довольно выгодно отличается от плодородного слоя почвы. Он в 200 раз толще земного. К тому же питательные вещества, необходимые для развития растений, расходуются в почве довольно быстро. И если почву не удобрять, она истощается. Океан же — это гигантская кладовая удобрений. Здесь образуются и скапливаются — главным образом в морских глубинах — грандиозные запасы их. Естественно, что «урожай» на каком-нибудь участке будет высоким только в том случае, если здесь происходит циркуляция вод и нижние слои, поднимаясь, «удобряют» слой поверхностный. Но циркуляция в разных районах различная, и это является одной из причин того, что жизнь в океане распределена неравномерно.

Попробуем мысленно пересечь океан по меридиану. Вот мы с вами близ Северного полюса. Мне посчастливилось участвовать в работе экспедиций СП-3 и СП-4 и изучать жизнь подо льдом в этих районах. Там она еле теплится: и животных мало и разнообразие видов невелико.

Двинемся на юг. В водах Гренландии, Шпицбергена, Исландии жизнь буквально кипит. Это один из самых рыбных районов. Южнее мы оказываемся в Саргассовом море. Говорят, что если погрузить в него Страсбургский собор, то все дивные линии собора можно увидеть сквозь прозрачную толщу воды. Эта необыкновенно чистая вода мертва, она не перемешивается с холодными глубинными водами. Саргассово море недаром называют морской Сахарой. Ближе к экватору теплый поверхностный слой воды гонят пассаты и противопассаты; здесь проходят три течения и перемешивание захватывает более глубокие слои, богатые «удобрениями». Не вызывает удивления, что животный и растительный мир здесь богат.

В южном полушарии, удаляясь от экватора, мы опять попадем в зону «морской пустыни», а у берегов Антарктиды жизнь снова активизируется.

Поверхностные воды океана более или менее уже знакомы человеку, а вот жизнь на глубине — это для исследователей еще «белое пятно». Не так давно некоторые ученые утверждали, что на глубине 6—7 километров жизнь невозможна. Но вот люди исследовали дно глубочайшей Марианской впадины и обнаружили там... живое существо. А океанологи с «Витязя» добыли в Японской впадине рыбу с глубины 7000 метров! Конечно, с глубиной жизнь беднеет, и все-таки она имеется на всех глубинах. Поэтому выяснить, какова роль глубоководных обитателей в биосфере океана, — вопрос немаловажный. Верное понимание того, как распределяется жизнь в океане, помогает в поисках районов, благоприятных для промысла рыб. А изучение взаимосвязи между организмами открывает путь к увеличению продуктивности моря. Сейчас поясню мысль.

Занимаясь изучением вод Каспийского моря, мы обнаружили, что здесь очень бедная реликтовая фауна. Осетрам и севрюгам не хватало корма. Мы предложили переселить сюда червя нереиса и ракушку синдесмию, которыми эти рыбы питаются в Черном море. Перевезли оттуда несколько килограммов живого груза и пустили его в Каспий. Это было перед войной. На несколько военных лет мы оставили опыты, а когда в 1945 году вернулись к работе, то обнаружили, что в Каспии осетры и севрюги буквально «пируют», так как синдесмия и нереис размножились и килограммы корма превратились в сотни тысяч тонн.

Этот опыт натолкнул на мысль о трансокеанских акклиматизациях. Например, в южном полушарии нет некоторых рыб, которые водятся в северных морях: треска, сельдь, лососевые и другие, а условия жизни для них прекрасные. Но рыбы сами не могут перебраться через сильно нагретые воды экватора. Что, если перевезти сюда их икру на самолетах? Ведь это всего несколько часов. Так прекрасно прижилась в Баренцевом и Белом морях горбуша, доставленная с Дальнего Востока.

Конечно, пока нечего опасаться, что мы исчерпаем биологические ресурсы океана, хотя из всех морских богатств они используются наиболее широко. По самым грубым подсчетам, живой мир океана исчисляется огромной цифрой — 16—20 миллиардов тонн! И все-таки нужны международные соглашения об охране морских недр, чтобы не уничтожить ценные породы рыб. Не допустимо грабить океан, не думая о воспроизводстве его богатств. Тут могут помочь и трансокеанские акклиматизации, о которых мы говорили, и хозяйства по выращиванию рыбы в закрытых или полузакрытых водоемах, и опыты по созданию необходимой для ценных пород среды, и удобрение поверхностного слоя. Кстати, чтобы повысить плодородие поверхностного слоя, ученые предлагают поднимать воду на поверхность с глубины 500—600 метров, то есть искусственно перемешивать слои. Технически сегодня это осуществимо.

В задачу ученых и промысловых работников входят также поиски новых районов лова и новых сортов промысловых рыб. В этом отношении любопытен пример Перу. Эта страна обогнала сейчас многие страны по промыслу рыбы. Кто мог думать, что малюсенький анчоус кого-то заинтересует? А в Перу из него приготовляют прекрасную кормовую муку. В результате США, которые покупают эту муку в огромных количествах, начали так быстро и дешево выращивать цыплят, что возникла даже «куриная война» с Европой.

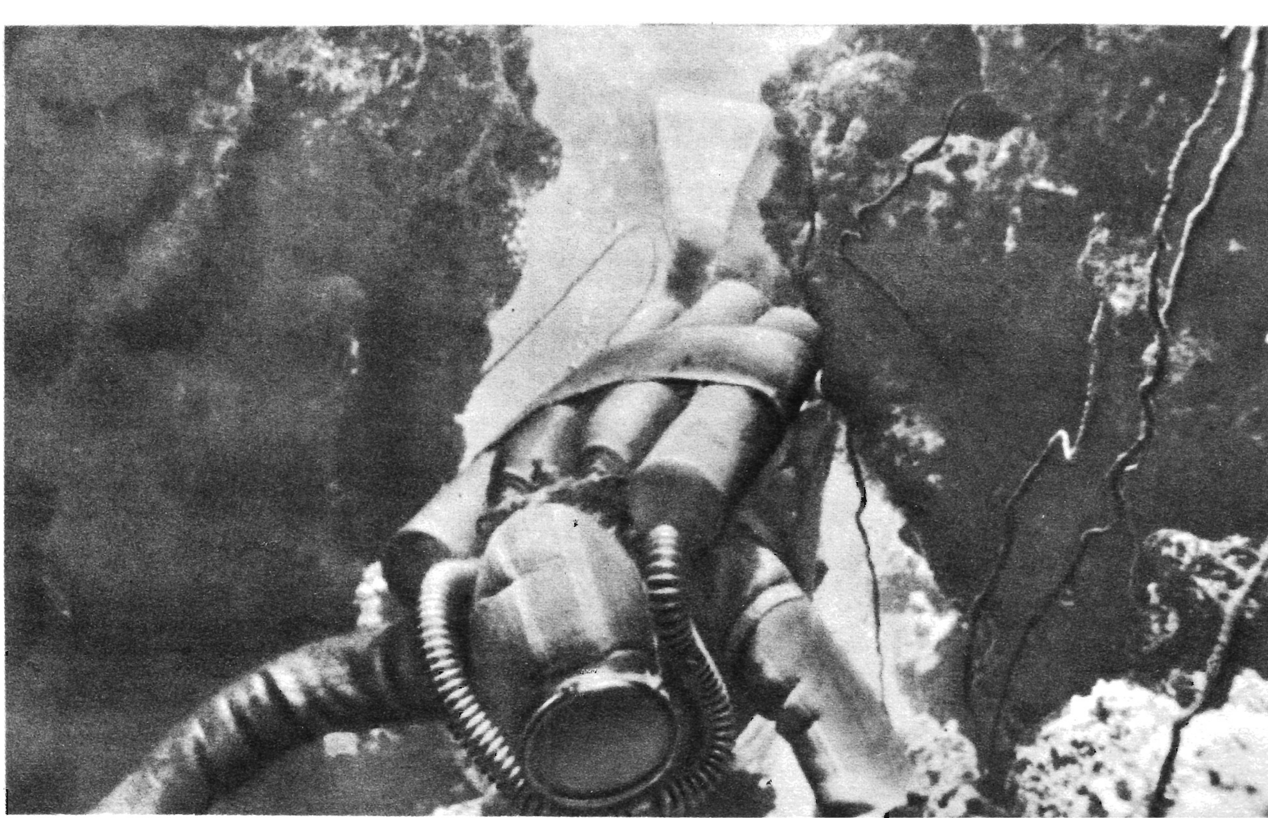
Огромны и минеральные ресурсы моря, но они сейчас почти не используются человеком.

В материковых отмелях сосредоточены большие запасы нефти и газа, например на атлантическом и тихоокеанском побережье США, в Балтийском и Северном морях, в Черном море около Болгарии; на отмелях близ Индонезии, Японии, Западной Африки. По общим подсчетам, на материковых отмелях обнаружено вдвое больше нефти, чем на суше, а открытие новых месторождений все продолжается. Примером «морской» добычи нефти могут служить знаменитые каспийские промыслы.

В Канаде из-под воды добывают железную руду, в Японии — уголь.

Очень ценны прибрежно-материковые россыпи, содержащие такие тяжелые минералы, как ильменит, цирконий, титан и т. д. В россыпях близ берегов Южной Африки содержится много золота, платины, алмазов. Возможности использования рос-

КЛЮТ-КОМПАНИЯ „Вокруг света"

сыпей очень велики, так как запасы их пополняются практически после каждого сильного шторма.

Немалые запасы ценных редких элементов растворены непосредственно в морской воде. 8 миллионов тонн золота, 80 миллионов тонн никеля, 164 миллиона тонн серебра, 800 миллионов тонн молибдена — такими цифрами, по подсчетам исследователей, исчисляются богатства океанских вод. Советский ученый А. Даванков получил с помощью ионитов золото из морской воды. Получил, конечно, крохотные доли. Но нельзя забывать, что это лишь начало. Быть может, биологи в недалеком будущем выведут растения, способные конденсировать золото, титан, ванадий, подобно тому как ламинарии конденсируют йод.

Это пока что мечта, но кое-какие соли из морской воды человек добывает уже сегодня.

Так, Япония черпает из моря половину всей потребляемой соли, причем соль эта дешевая и очень высокого качества. Английские и американские заводы перерабатывают соли магния.

Океан — неисчерпаемый источник энергии. Первые попытки обуздать ее уже делаются. Так, во Франции, в Бретании, где очень пологий берег и приливная волна несется с такой скоростью, что всадник не в состоянии уйти от нее, построены приливные электростанции. Энергия, которую они дают, очень дешева. Строится приливная станция и в СССР, на Баренцевом море.

Очень интересен проект, предлагающий использовать разность температур на поверхности океана и на глубине 300 метров. Если с помощью труб поднять холодную воду на поверхность, то можно построить термоэлектростанцию, которая будет давать почти бесплатную энергию.

Океан хранит ключи от многих земных тайн. Не так давно у берегов Юго-Восточной Африки был пойман целакант — рыба, которая, по предположениям ученых, вымерла еще в палеозойскую эру. Целакант — живое ископаемое... Находка этого реликта — выдающееся событие в биологии века. Сколько гипотез будет подтверждено или, напротив, опровергнуто, если мы еще встретим живых, не окаменелых представителей древности!

Или еще пример. В один из рейсов «Витязя» на борт были подняты погонофоры, живущие в тонких трубках. До сих пор исследователи не встречались с этим типом животных, близким к типу хордовых. Это очень интересная находка: ведь погонофоры — наши дальние родственники (как известно, позвоночные тоже относятся к типу хордовых).

Восстановлено еще одно звено в общей цепи эволюции.

Очень интересен океан и для геологов, геофизиков, геохимиков: ведь осадки океана — это своего рода летопись геологической истории Земли.

Освоение «голубого континента» — новый этап в познании человеком своей планеты.

Сейчас это освоение только-только начинается. Я считаю, что все те, кто изучает сейчас возможность существования человека под водой, в частности Ив Кусто, делают большое дело.

Не думаю, что люди будут постоянно жить под водой, но находиться там какое-то время для научных исследований, поисков и разработок ископаемых, наконец, для отдыха вполне возможно.

Океан будет освоенным «континентом».

РОБЕРТ ШЕКЛИ

Пид-Пилот уменьшил скорость корабля почти до нуля. С волнением всматривался он в зеленую планету.

Не оставалось сомнений: во всей системе эта планета, третья от Солнца, была единственной, где возможна жизнь. Планета мирно проплывала в дымке облаков. Она казалась совсем безобидной. И все же было в ней нечто такое, что заставляло тревожиться участников экспедиции.

Прежде чем бесповоротно устремиться вниз, Пид на мгновение заколебался. Сейчас он и двое его подчиненных готовы. Компактные Сместители хранятся в сумках их тел, бездействующие, но тоже готовые.

Пиду захотелось что-нибудь сказать экипажу, но он не знал, как построить свою речь.

Экипаж ждал. Ильг-Радист уже отправил последнее сообщение на планету Глом. Джер-Индикатор следил за циферблатами шестнадцати приборов. Он доложил: «Признаки враждебной деятельности отсутствуют». Поверхность его тела беспрерывно струилась.

Пид отметил про себя эту текучесть. Теперь он знал, о чем говорить. С той поры как они покинули Глом, Дисциплина Формы непростительно расшаталась. Командующий Вторжением предупреждал его, что низшие касты, к которым относятся Радисты и Индикаторы, приобрели дурную славу своей наклонностью к Бесформию.

— На нашу экспедицию возлагаются великие надежды, — начал Пид. — Мы далеко от родины.

Джер-Индикатор кивнул, Ильг-Радист вытек из предписанной ему формы и комфортабельно распластался на стене.

— Однако же, — сурово сказал Пид, — расстояние не служит оправданием безнравственному Бесформию.

Ильг поспешно влился в форму, подобающую Радисту.

— Несомненно, нам придется прибегать к экзотическим формам, — продолжал Пид. — На этот случай нам дано особое разрешение. Но помните: всякая форма, принятая вне связи со служебной необходимостью, есть ухищрение Князя Бесформенного!

Джер тотчас прекратил текучую игру своего тела.

— У меня все, — закончил Пид и заструился к пульту. Корабль пошел на посадку так плавно, экипаж действовал настолько слаженно, что Пид ощутил прилив гордости.

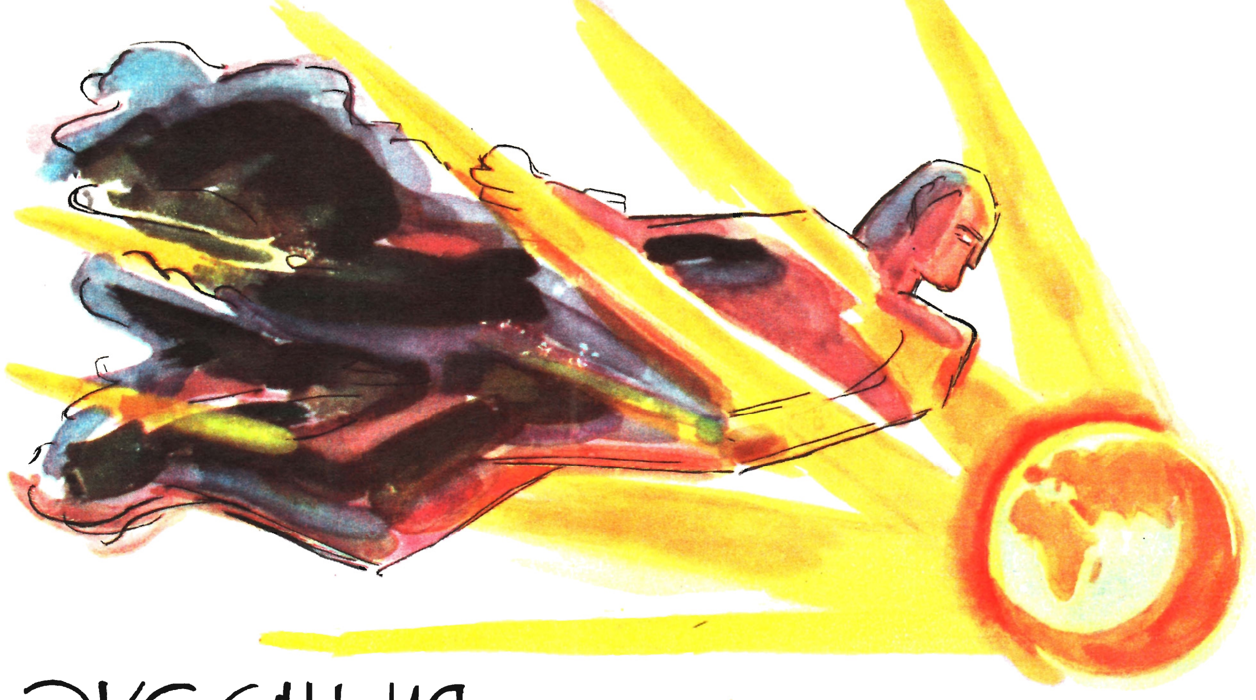
«Хорошие работники, — решил он. — Нельзя же, в самом деле, надеяться, что их формовое сознание окажется столь же развитым, как у Пилота, принадлежащего к одной из высших каст».

То же самое говорил ему Командующий Вторжением.

— Пид, — сказал Командующий Вторжением во время последней беседы, — эта планета нужна нам позарез.

— Да, повелитель, — ответил Пид; он стоял, вытянувшись в струнку, ни малейшим движением не отклоняясь от Парадной формы Пилота.

— Один из вас, — с усилием проговорил Командующий, — должен проникнуть туда и установить

Экспедиция с Глома

Рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

Сместитель вблизи источника атомной энергии. На нашем конце будет сосредоточена армия, готовая к операции.

— Мы справимся, повелитель, — ответил Пид.

— Экспедиция непременно должна достигнуть цели, — сказал Командующий, и облик его на мгновение расплылся от неимоверной усталости. — Доверю вам сведения высшей секретности: на Гломе сильные смуты. Бастует каста горняков. Она требует новой формы для земляных работ. Утверждает, будто старая неудобна.

Пид выразил должное негодование: «Горняцкая форма установлена пращурами пятьдесят тысяч лет назад, так же как и остальные формы. А теперь эти выскочки хотят изменить ее!»

— Это не все, — поведал ему Командующий. — Мы обнаружили еще один культ Бесформия. Взяли почти восемь тысяч гломов, но неизвестно, сколько их еще гуляет на свободе.

Пид знал, что Бесформие — это соблазн самого зловещего дьявола, какого только может представить себе разум жителей Глома. «Но как случается, — недоумевал он, — что гломы поддаются его искушению?»

— Пид, — спросил Командующий, — ответь мне, нравится ли тебе Пилотировать?

— Да, повелитель, — ответил Пид просто. (Нравится ли Пилотировать? Да в этом вся его жизнь! Без корабля он ничто.)

— Не все гломы могут сказать то же самое, — продолжал Командующий. — Мои предки были Командующими. Поэтому и я хочу быть Командующим Вторжением. Это не только естественно, но и закономерно. Однако низшие касты испытывают совсем иные чувства. — И он печально покачал телом. — Я сообщил тебе это не зря, — пояснил Командующий. — Нам, гломам, необходимо больше пространства. Неурядицы на планете объясняются только перенаселением. Так утверждают психологи. Получи мы возможность развиваться на новой планете, все раны будут исцелены. Мы на вас рассчитываем, Пид.

— Да, повелитель, — ответил Пид не без гордости.

Командующий было поднялся, желая показать, что разговор окончен, но неожиданно передумал и снова сел.

— Придется следить за экипажем, — сказал он. — Ребята они верные, спору нет, но родом из низших каст. А что такое низшие касты, ты и сам знаешь.

Пид это знал.

— Вашего Индикатора, Джера, подозревают в тайных Реформистских тенденциях. Однажды он был оштрафован за то, что неправомочно имитировал форму Охотника. Против Ильга не выдвигали ни одного конкретного обвинения. Однако до меня дошли слухи, что он пребывает неподвижным в течение подозрительно долгого времени. Не исключено, что он воображает себя Мыслителем.

— Но, повелитель, — осмелился возразить Пид, — если они хоть незначительно запятнаны Реформизмом или Бесформием, зачем отправлять их в эту экспедицию?

Командующий поколебался, прежде чем ответить.

— Есть множество гломов, которым я могу доверять, — медленно произнес он. — Но эти двое наделены особыми качествами — воображением и находчивостью, которые в этой экспедиции

пригодятся. — Он вздохнул. — Право, не понимаю, почему эти качества обычно связаны с Бесформием. Надо только следить за ними.

— Да, повелитель, — сказал Пид и отсалютовал, поняв, что беседа пришла к концу. В сумке своего тела он чувствовал тяжесть компактного Сместителя, готового преобразовать вражеский источник энергии в мост через космическое пространство — мост, по которому хлынут с Глома победоносные орды.

— Желаю удачи, — сказал Командующий.

Корабль бесшумно несся к поверхности вражеской планеты. Джер исследовал плывущие внизу облака и ввел полученные данные в блок маскировки. Блок заработал, и если бы кто-нибудь вскоре посмотрел на корабль со стороны, то увидел бы только обыкновенные перистые облака.

Пид предоставил кораблю медленно опускаться к поверхности загадочной планеты. Теперь он пребывал в Парадной форме Пилота — самой эффективной, самой удобной из четырех форм, предназначенных для касты Пилотов. Он словно превратился в придаток пульта управления — все внимание было отдано тому, чтобы не обгонять высокослоистые облака, слиться с ними.

Джер оставался в одной из двух форм, дозволенных Индикаторам. Он ввел данные в маскировочный блок, и опускающийся корабль медленно превратился в большое кучевое облако.

На вражеской планете по-прежнему все было спокойно.

Ильг засек источник атомной энергии и сообщил данные Пиду. Пилот изменил курс.

Теперь корабль принял облик пухленького кудрявого кучевого облака. А сигнала тревоги все не было.

Пока Пид маневрировал над атомной электростанцией, на планету спустились сумерки. Сгустилась тьма, одинокая луна зеленой планеты скрылась за облачной вуалью. Только одно облачко упрямо опускалось все ниже, ниже... и приземлилось.

— Живо все из корабля! — крикнул Пид, отсоединяясь от пульта управления. Он еще раз изменил форму и пулей выскочил из люка. Ильг и Джер помчались за ним следом. В пятидесяти метрах от корабля все остановились и замерли в ожидании.

Внутри корабля замкнулась некая цепь. Корабль стал таять на глазах. Пластмасса растворялась в воздухе, металл съеживался. Вскоре корабль превратился в груду хлама.

Глядя на самоуничтожение корабля, Пид испытал внезапную беспомощность. Он был Пилотом и происходил из касты Пилотов. Пилотами были его отец и отец отца. Так повелось с того туманного прошлого, когда на Гломе впервые были созданы космические корабли. Все свое детство он провел среди кораблей; все зрелые годы провел на кораблях. Теперь, лишенный корабля, он был наг и беспомощен в чужом мире.

Через несколько минут там, где опустился корабль, оставался лишь холмик пепла. Ночной ветер развеял его по лесу.

Они ждали. Ничего не случалось. Вздыхал ветерок, поскрипывали деревья. Верещали белки, шевелились в своих гнездах птицы. С мягким стуком упал желудь.

Пид с облегчением вздохнул: двадцать первая экспедиция Глома приземлилась благополучно.

Пид стал разрабатывать план. Они высадились до дерзости близко от атомной электростанции. Одному из них необходимо пробраться в помещение реактора, чтобы привести в действие Сместитель.

Пид не сомневался в успехе: жители Глома — мастера по части изобретательности.

«Мастера-то мастера, — подумал он горько, — а вот радиоактивных элементов страшно не хватает. На всех подвластных Глому планетах почти не осталось радиоактивного горючего».

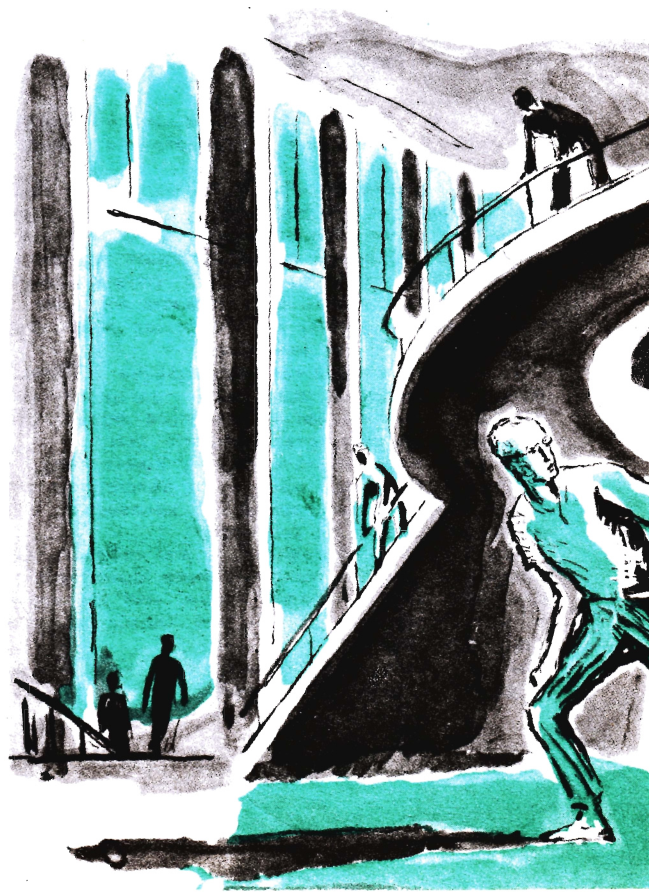
Глому постоянно нужны были новые миры.

Нужен был и этот, обнаруженный одной из разведывательных экспедиций. Он годился решительно во всех отношениях, хотя и был слишком отдален.

Но существовал простой путь к завоеванию планеты. В глубокой древности ученые Глома создали Сместитель — символ триумфа Техники Тождественности. Он позволял осуществлять мгновенное перемещение массы между двумя точками, определенным образом связанными между собой.

Стационарный конец установки находился на единственной атомной энергостанции Глома. Второй конец надо было поместить рядом с другим источником ядерной энергии и привести в действие. Благодаря Сместителю гломы могут переступать с планеты на планету, могут обрушиваться чудовищной, все затопляющей волной. Это делалось крайне просто. Тем не менее двадцати экспедициям не удалось установить Сместитель на Земле. Что помешало им, никто не знал. Никто не вернулся на Глом, чтобы рассказать об этом.

На рассвете, приняв раскраску окружающих растений, они крадучись пробирались сквозь лес.

Сместители слабо пульсировали, чуя близость ядерной энергии.

Мимо стрелой промчалось крохотное четвероногое создание. Джер мгновенно обрел четыре ноги, обтекаемое тельце и устремился вдогонку.

— Джер! Вернись немедленно! — взвыл Пид, забыв всякую осторожность.

— Джер!

Индикатор нехотя вернулся к Пиду.

— Я был голоден, — сказал он.

— Нет, не был, — неумолимо ответил Пид.

— Был, — пробормотал Джер, корчась от смущения.

Пид вспомнил слова Командующего. В Джере, безусловно, таятся охотничьи тенденции. Надо будет следить за ним в оба.

— Помни, — сказал Пид, — соблазн Экзотических Форм не санкционирован. Будь доволен той формой, которая тебе дана.

Джер кивнул и снова слился с подлеском. Они продолжали путь.

Атомная электростанция была хорошо видна с опушки. Невысокое длинное здание, обнесенное металлическим забором. У ворот стояли часовые.

Пид замаскировался под кустарник, а Джер превратился в старое бревно.

«Первая задача, — подумал Пид, — проникнуть в ворота». Он стал прикидывать пути и способы.

По отчетам разведывательных экспедиций Пид знал, что в некоторых отношениях раса Людей походила на гломов. У них, как и у гломов, имелись домашние животные, жилища, дети. Обитатели планеты были искусны в механике, как и гломы.

Однако различия между двумя расами были неимоверны. Людям была дана постоянная и неизменная форма, как камням или деревьям. А чтобы хоть чем-то компенсировать столь унылую непреложность, природа их планеты изобиловала фантастическим множеством родов, видов и пород. Это было совершенно не похоже на Глом, где животный мир исчерпывался всего лишь восемью различными формами.

«Люди, очевидно, искушены и подозрительны, — подумал Пид. — Жаль, мы не знаем, каким образом сорвались предшествующие экспедиции. Это намного упростило бы работу».

Мимо проковылял Человек на двух неправдоподобно негнущихся ногах. Он не заметил гломов.

— Придумал, — сказал Джер. — Я притворюсь Человеком, пройду через ворота в зал реактора и активирую Сместитель.

— Ты не умеешь говорить на их языке, — напомнил Пид.

— Я не стану ничего говорить. — Джер быстро принял облик Человека.

— Недурно, — одобрил Пид.

Джер сделал несколько пробных шагов, подражая походке Человека.

— Боюсь, что ничего не выйдет, — продолжал Пид.

— Это вполне логичный способ, — возразил Джер.

— Я знаю. Поэтому остальные экспедиции наверняка воспользовались им. И ни одна из них не вернулась.

Спорить было трудно. Джер снова перелился в форму бревна.

— Как же быть? — спросил он.

— Дай мне подумать, — ответил Пид.

Мимо проковыляло существо, которое передвигалось не на двух ногах, а на четырех. Пид знал, что это Собака — друг Человека. Он внимательно поглядел ей вслед.

Никем не остановленная, она прошла через ворота и улеглась на траве. Один из людей, проходя мимо, прикоснулся к ней. Собака высунула язык и перевернулась на спину.

— Я тоже так могу, — возбужденно выпалил Джер. Он уже переливался в форму Собаки.

— Нет, погоди, — сказал Пид. — Остаток дня мы потратим на то, чтобы все обдумать.

Джер угрюмо подчинился.

— Пора возвращаться, — сказал Пид.

В сопровождении Джера он двинулся было в глубь леса, но вовремя вспомнил об Ильге.

— Ильг, — тихо позвал он.

Никто не откликался.

— Ильг!

— Что? Ах, да! — произнес дубок. — Прошу прощения. Вы что-то сказали?

— Мы возвращаемся, — повторил Пид. — Ты уж случайно не Мыслил ли?

— О нет, — заверил его Ильг. — Просто отдыхал.

Пид примирился с таким объяснением. Забот и без того было достаточно.

Были, по-видимому, лишь две возможности: Человек или Собака. Дерево не могло пройти в ворота — это было не в характере Деревьев. Расхаживать под видом Человека казалось слишком рискованным. Порешили, что утром Джер сделает вылазку в образе Собаки.

— А теперь спать! — приказал Пид.

Оба члена экипажа послушно расплющились, мгновенно став Бесформенными. Пид долго не мог уснуть. Все казалось слишком уж легким.

«Почему так плохо охраняется атомная электростанция? Должны же были Люди выведать хоть что-нибудь у экспедиций, перехваченных ими в про-

шлом. Неужели они убивали гломов, не задавая никаких вопросов? Никогда не угадаешь, как поступит существо из чужого мира. Не были ли открытые ворота ловушкой?»

Он устало растекся по бугорчатой земле, но тут же поспешно привел себя в порядок. Он опустился до Бесформия!

«Комфорт не имеет ничего общего с долгом»,— напомнил он себе и снова принял Форму Пилота.

Однако Форма Пилота не была создана для сна на сырой неровной почве. Пид провел ночь беспокойно, ему снились корабли.

Пид проснулся усталый, в дурном расположении духа. Он легонько толкнул Джера.

— Надо браться за дело, — сказал он.

Джер весело излился в вертикальное положение.

— Ильг! — сердито позвал Пид. — Просыпайся.

Ответа не последовало.

— Ильг! — окликнул он.

И снова не получил ответа.

— Он должен быть где-то поблизости, — сказал Пид Джеру.

Они осмотрели каждый куст, каждое дерево в окрестности. Ильга нигде не было. Холодная волна паники захлестнула Пида: «Что могло случиться с Радистом?»

— Быть может, он решил пройти за ворота самостоятельно? — предположил Джер.

Пид обдумал эту возможность и счел ее невероятной. Ильг никогда не проявлял инициативы. Он всегда выполнял чужие приказы.

Наступил полдень, а Ильга все еще не было.

— Больше ждать нельзя, — объявил Пид.

Приходилось думать, что Радист погиб или захвачен в плен Людьми.

Их осталось двое.

На опушке леса Джер превратился в копию Собаки. Пид придирчиво оглядел его.

— Поменьше хвоста, — посоветовал он.

Джер укоротил хвост.

— Побольше ушей.

Джер удлинил уши.

— Теперь подравняй их.

Насколько Пид мог судить, Джер стал совершенством от кончика хвоста до мокрого черного носа.

— Желаю удачи, — сказал Пид.

— Благодарю. — Джер осторожно вышел из леса, передвигаясь дергающейся поступью Собак и Людей. У ворот его окликнул часовой. Пид затаил дыхание. Джер прошел мимо Человека. Он двинулся было к Джеру, но тот пустился бежать.

Пид приготовил две крепкие ноги, собираясь броситься на помощь, если Джера схватят. Однако часовой вернулся к воротам, а Джер спокойно побрел к входу в здание.

Пид вздохнул с облегчением.

Главный вход был закрыт. Пид надеялся, что Радист не сделает попытки открыть его: это было не в повадках Собак.

К Джеру подбежала другая Собака. Джер попятился от нее. Собака подошла совсем близко и обнюхала Джера. Потом обе собаки побежали за угол.

«Это хитроумно, — подумал Пид. — Там непременно отыщется какая-нибудь дверь».

Он взглянул на низкое солнце.

«Как только Сместитель будет активирован, сюда хлынут гломы. Когда Люди опомнятся, здесь соберется не менее миллиона войск с Глома. И это будет только началом!»

День медленно угасал, но ничего не происходило. Пид ждал. Если у Джера все благополучно, дело не должно так затягиваться.

Он ждал до поздней ночи. Люди входили в здание и выходили из него, а Джер все не появлялся.

Пид остался один.

К утру его охватило безысходное отчаяние. Он понял, что двадцать первая экспедиция Глома находится на грани полного провала. Он решил совершить дерзкую вылазку в облике Человека. Больше он ничего не мог придумать. Он видел, как большие партии рабочих проходят в ворота.

Пид стал отливаться в форму Человека. Мимо укрытия прошла Собака.

— Привет, — сказала Собака голосом Джера.

— Что случилось? — спросил Пид с облегчением. — Почему ты так задержался? Трудно войти?

— Не знаю, — ответил Джер, виляя хвостом. — Я не пробовал.

Пид онемел.

— Я охотился, — благодушно пояснил Джер. — Эта форма, знаете ли, идеально подходит для Охоты. Я вышел через задние ворота с другой Собакой.

— Но экспедиция... твой долг...

— Я передумал, — заявил Джер. — Вы знаете, Пилот, я никогда не хотел быть Индикатором.

— Но ведь ты родился Индикатором!

— Это верно, — сказал Джер, — но мне от этого не легче. Я всегда хотел быть Охотником.

Пид затрясся всем телом от досады.

— Нельзя, — начал он очень медленно, словно объясняя ребенку. — Форма Охотника для тебя запретна.

— Ну, не здесь, здесь-то не запретна, — возразил Джер, по-прежнему виляя хвостом.

— Чтоб я этого больше не слышал! — сердито приказал Пид. — Отправляйся на электростанцию и установи свой Сместитель!

— Не пойду, — ответил Джер. — Здесь мне гломы ни к чему. Они все погубят.

— Он прав, — произнес кряжистый дуб.

— Ильг! — ахнул Пид. — Это ты?

Зашевелились ветви.

— Да, я, — сказал Ильг. — Я все Мыслил.

— Но ведь... твоя каста...

— Пилот, — печально сказал Джер, — отчего бы вам не пробудиться? Большинство народа на Гломе несчастно. Лишь обычай вынуждает нас принимать кастовые формы наших предков.

— Пилот, — заметил Ильг, — все гломы рождаются Бесформенными!

— А поскольку они рождаются Бесформенными, все гломы должны пользоваться Свободой Формы, — подхватил Джер.

— Вот именно, — сказал Ильг. — Но он никогда этого не поймет. А теперь извините меня. Я хочу Поразмыслить. — И дуб умолк.

Пид невесело засмеялся.

— Люди вас перебьют, — сказал он. — Точно так же, как истребили остальные экспедиции.

— Никто из гломов не был убит, — сообщил Джер. — Все остальные экспедиции находятся здесь.

— Живы?

— Разумеется. Люди даже не подозревают о них. Собака, с которой я охотился, — это глом

из девятнадцатой экспедиции. Нас здесь сотни, Пилот. Нам здесь нравится.

Пид всегда знал, что низшим кастам недостает формового сознания. Но это... это просто абсурдно!

«Так вот в чем таилась опасность этой планеты — в свободе!»

— Присоединяйтесь к нам, Пилот, — предложил Джер. — Здесь настоящий рай. На этой планете есть формы на все случаи жизни!

Пид покачал головой.

«Но ведь люди ничего не знают о присутствии гломов. Подобраться к реактору до смешного легко».

— Вами займется Верховный Суд Глома, — прорычал он и обернулся Собакой. — Я сам установлю Сместитель.

Мгновение он изучал себя, потом ощерился на Джера и вприпрыжку направился к воротам.

Люди у ворот даже не взглянули на него. Он проскользнул в центральную дверь здания вслед за каким-то Человеком и понесся по коридору.

В сумке тела пульсировал Сместитель. Пид взлетел по какой-то лестнице, промчался по другому коридору. За углом послышались шаги.

Он затравленно огляделся, ища, куда бы спрятаться, но коридор был гладок и пуст. Только с потолка свисали светильники. Пид подпрыгнул и приклеился к потолку. Он принял форму светильника, надеясь, что Человек не станет выяснять, отчего светильник не зажжен.

Человек прошел мимо.

Пид превратился в копию Человека и поспешил к цели.

В коридоре появился еще один Человек. Он внимательно посмотрел на Пида, попытался что-то сказать и вдруг пустился наутек.

Пид не знал, что испугало Человека, но тоже побежал. Сместитель в сумке дрожал и бился, показывая, что критическая дистанция почти достигнута.

Неожиданно мозг пронзило сомнение: «Все экспедиции дезертировали! Все гломы до единого! — Он замедлил бег. — Свобода Формы... Какое странное, тревожащее понятие... Это козни Бесформенного», — сказал он себе и устремился вперед.

Коридор заканчивался запертой дверью. Пид уставился на нее. В дальнем конце коридора застучали шаги, послышались крики Людей.

«Что он сделал неправильно? Как его выследили?»

Он быстро осмотрел себя, провел пальцами по лицу: он забыл отформовать черты лица!

В отчаянии он дернул дверь. Потом вынул из сумки Сместитель, но пульсация была еще недостаточно сильной.

Он осмотрел дверь. Над полом была узенькая щель. Пид быстро стал Бесформенным и протек под дверью, едва-едва протиснув Сместитель.

С внутренней стороны на двери был засов. Пид задвинул его и огляделся по сторонам.

То была малюсенькая комнатка. С одной стороны — свинцовая дверь, ведущая к реактору. С другой стороны — оконце. Вот и все.

Пид бросил взгляд на Сместитель. Пульсация была такой, как надо.

«Наконец-то! Здесь Сместитель может работать, нужно только привести его в действие... Но почему все дезертировали, все до единого? — Пид колебался. — Все гломы рождаются Бесформенными. Это правда. Дети гломов аморфны, пока не подрастут настолько, что можно преподать им кастовую форму предков. Но Свобода Формы?..»

Пид взвешивал возможности.

«Без помехи принимать любую форму, осуществить любое честолюбивое желание... Он вовсе не будет одинок. И другие гломы наслаждаются здесь преимуществами Свободы Формы...»

Люди взламывали дверь, а Пид все еще был в нерешительности.

«Как поступить? Свобода... Но не для меня, — подумал он с горечью. — Легко стать Охотником или Мыслителем. А я Пилот. Пилотирование — моя жизнь, моя любовь. Конечно, у Людей есть корабли. Можно превратиться в Человека, отыскать корабль... Нет, невозможно. Легко стать Деревом или Собакой. Никогда не удастся мне выдать себя за Человека...»

Дверь едва держалась под тяжелыми ударами.

Пид подошел к окну, чтобы в последний раз окинуть взглядом планету, прежде чем привести в действие Сместитель, и чуть не потерял сознание от потрясения.

«Так это действительно правда! А я-то не мог понять, о чем говорил Джер... Все случаи жизни! Здесь может сбыться страстное желание касты Пилотов».

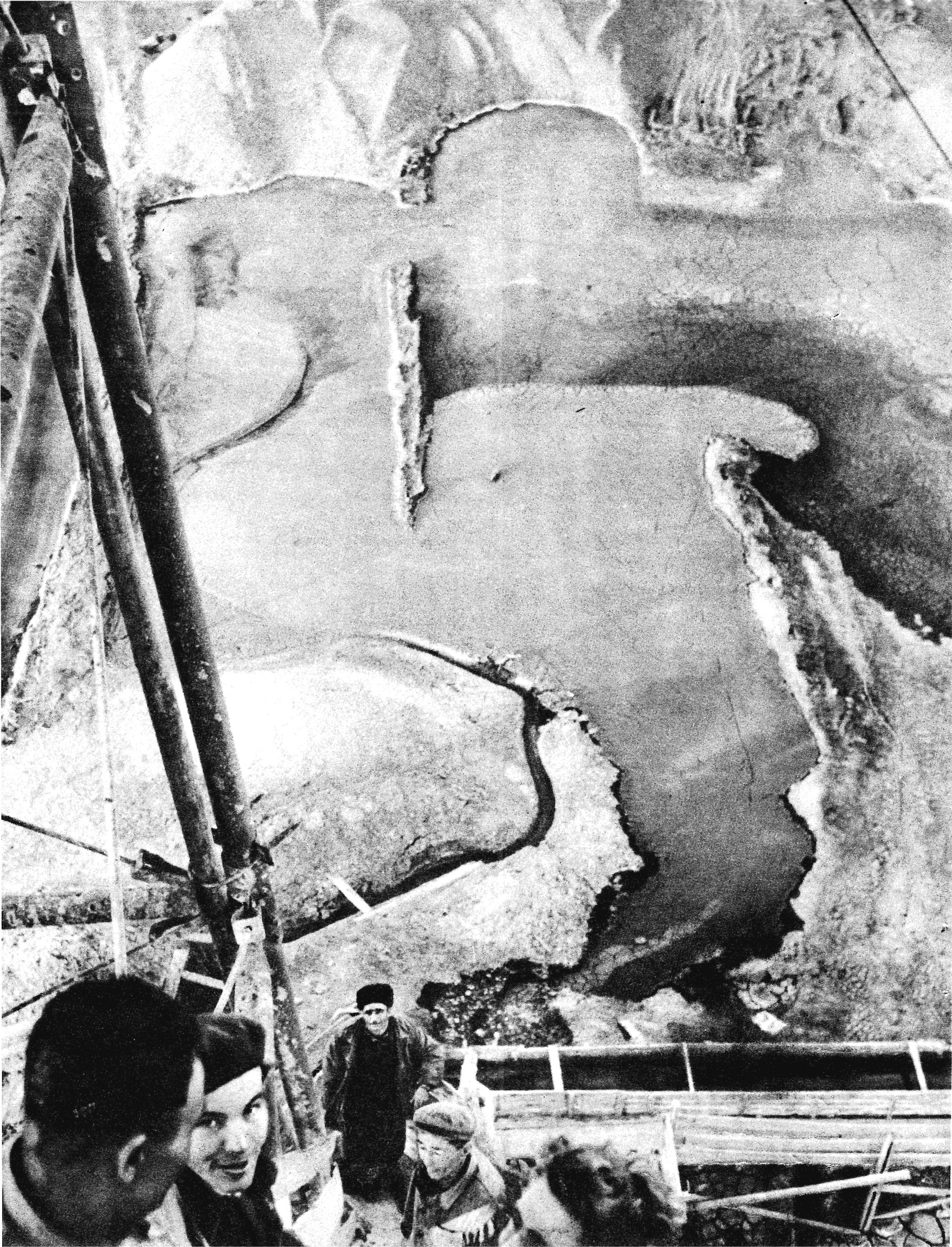
Он швырнул Сместитель на пол, разбив его вдребезги.

Дверь подалась, и в тот же миг Пид вылетел в окно.

Люди метнулись за ним. Они увидели, как вверх, к облакам, взмыла большая белая птица. Она неуклюже, но с возрастающей силой взмахивала крыльями, стремясь догнать улетающую стаю.

Перевели с английского Н. ЕВДОКИМОВА и Ф. ШИРОКОВ

ПОЛУОСТРОВ СОКРОВИЩ

Фотоочерк В. СМЕТАНИНА

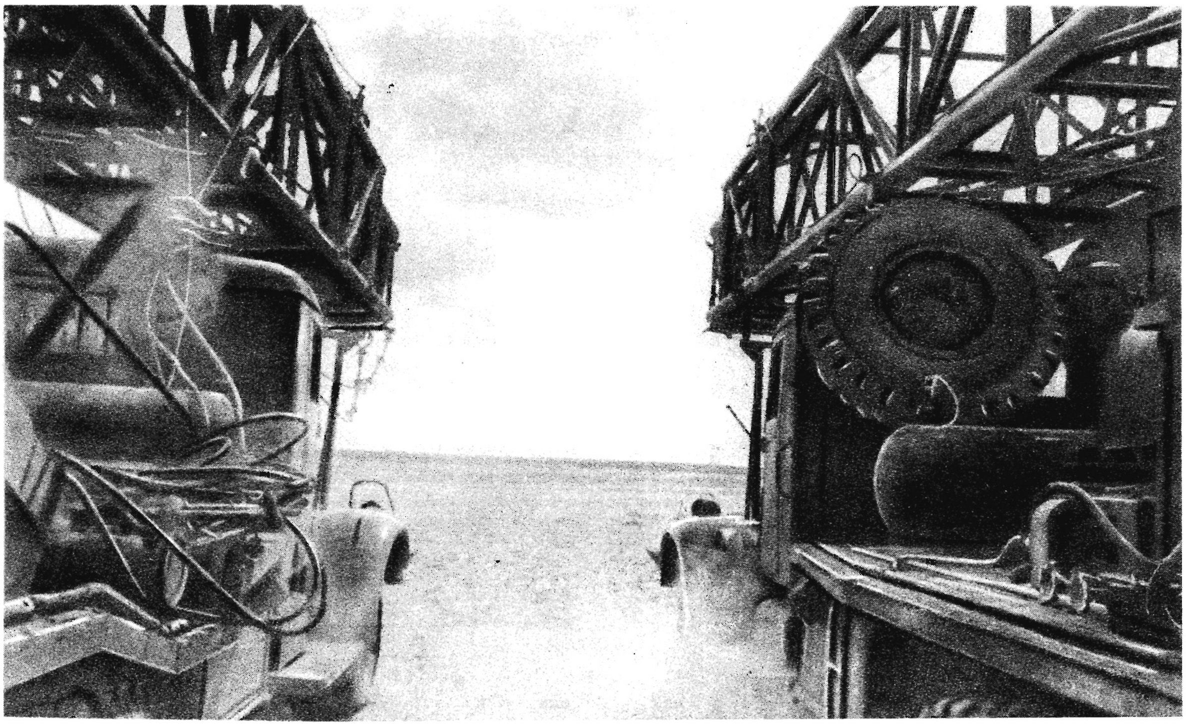

Мангышлак. «Пустыня, совершенная пустыня, без всякой растительности, песок да камень», — писал о нем Тарас Шевченко.

Ожил в наши дни безлюдный край такыров — высохших соленых озер. На это пустынное плато пришли молодые разведчики недр. Несметные богатства нашли они здесь — месторождения нефти, железных и медных руд, газа, фосфоритов.

Мангышлак стали называть полуостровом сокровищ. Со всех сторон сюда начали стекаться обветренные, загорелые парни и девчата — нефтяники, строители, химики. Это один из них — оператор по добыче нефти Назим Аджамов. Он прибыл из Баку.

Преобразилась пропитанная солью, продутая ветрами, иссушенная зноем земля. Рокочут буровые станки разведчиков нефти и газа. Передвижные буровые мастерские, мощные тракторы и автомашины бороздят пустыню. Строятся дороги, растут города. Уже около сотни буровых вышек взметнулось в знойное небо полуострова. Пройдет немного времени, и кладовые Мангышлака станут достоянием народа.

МАНУЭЛЬ ГАССЕР

САМУЙ — ОСТРОВ КОКОСОВЫЙ

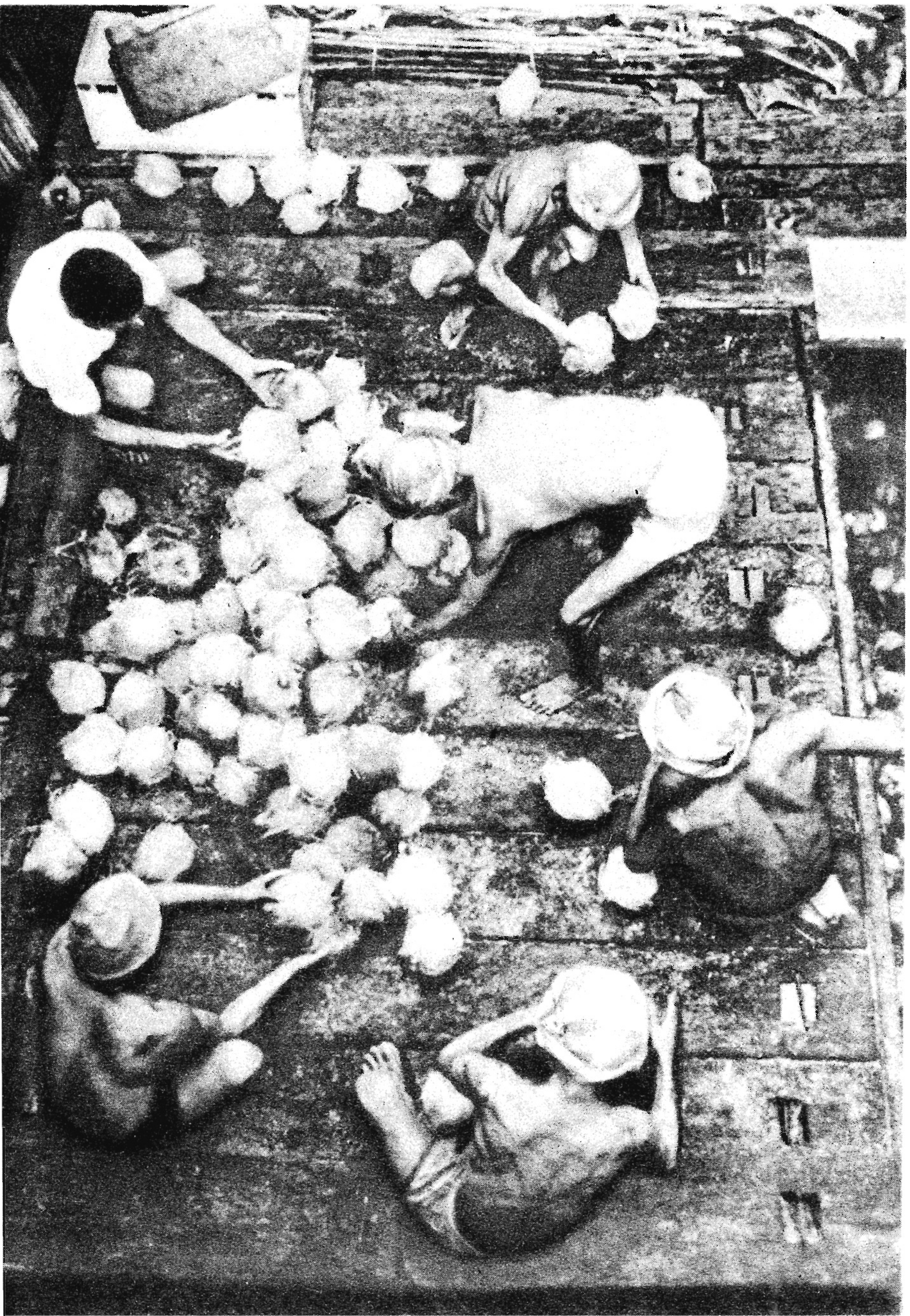

Не сразу заметишь на карте эту точку, этот крошечный клочок суши, притулившийся к востоку от узкой кишки полуострова Малакка. Всю ночь тащится пароходик от таиландского порта Сурат-Тани до гавани острова Натон. Утром, когда все однотонно-серое, как на проявляющейся фотографии, суденышко бросает якорь у отмели. Разувшись, пассажиры бредут к берегу.

Несколько деревянных домиков, лавки, аптека и заросли, заросли, подступающие к домам, — вот и весь поселок. Речушка, едва продравшись через лианы, кусты, тростники, наконец, прыгает с уступа сияющим водопадом. Но внизу водопад опять цепко перехватывают вьющиеся, ползучие, кустящиеся растения. Над этой зеленой кутерьмой особенно стройными, величавыми выглядят кокосовые пальмы. Это они — главные властительницы, главное богатство острова Самуй. Из-за них несколько раз в месяц подходят к пристани суда скупщиков копры, за побегами кокосовых пальм ухаживают здесь крестьяне, и кокосовый орех подносят они гостю как лучшее лакомство.

Жители считают пальму самым совершенным созданием природы. Все прекрасно в этом дереве — от могучего ствола до гордой вершины, увенчанной щедрой гроздью плотно прижатых друг к другу плодов. В пальмовом лесу даже в полдень резкий свет тропического солнца смягчен и приглушен. Тихий стеклянный звон несется сверху — это переговариваются листья, тронутые ветром. Пальмовый лес покрывает чуть не весь остров. Плоды поспевают постепенно, и к одному дереву приходится возвращаться не один раз. Спелые орехи собирают в кучи, раскалывают скорлупу. Само ядро ореха не перерабатывают на острове -- в грубых сетках грузят на суда и вывозят в Бангкок. А скорлупки отправляют на местную фабрику, что недалеко от Натона. Там из скорлупы выдирают белую мякоть. Десятки женщин — работниц фабрики в ярких платьях, в широких шляпах выстраиваются в ряд на лужайке. Тысячи «поклонов» сделают они, прежде чем разложат очищенные половинки на солнце. Вот копра

подсохла, теперь надо шестом перевернуть ее, а потом собрать.

В полнолунье жители деревни собираются на площади. Здесь свой оркестр из самодельных флейт, барабанов, дудок. Иной раз появляется бродячий «театр теней» — ширма, фонарь и артист, на разные голоса говорящий все роли и двигающий кукол, вырезанных из пальмового листа.

Здесь же неподалеку настоящая выставка кулинарии. Из рыбы, ри-

са, фруктов и цветов местные хозяйки сооружают настоящие чудеса, предназначенные в дар буддистскому храму. Но почетнейшим подношением считается, конечно, самый крупный, самый красивый кокосовый орех. Он займет самое близкое место к алтарю.

На площади даже крошечной деревушки обязательно есть круглое деревянное строение. Это арена для петушиных боев, место, где мужское население дает выход своему тропическому темпераменту.

Для второго, более редкого развлечения — боя быков — выбирают «арену» где-нибудь в пальмовом лесу. Мужчины, старики, мальчишки, сгрудившись между пальмами, обвив руками и ногами стволы, следят за сложным и древним ритуалом. Быков долго опрыскивают водой, окуривают палочками, обертывают им рога блестящей бумагой, украшают зелеными веточками, шепчут над ними заклинания. Но вот наступает кульминационный момент. Быков выпускают на разных концах поляны. Подстегиваемые криками животные стараются опрокинуть друг друга. Победителя, щедро украшенного зеленью, водят по кругу при всеобщем ликовании.

Сокращенный перевод с немецкого
О. ШТЕЙНБЕРГ

ТЫСЯЧА И ОДНА

...ПРОФЕССИЯ У АКВАЛАНГИСТА. МОЖЕТ БЫТЬ, ДАЖЕ ТЫСЯЧА И ДВЕ... ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, АКВАЛАНГИСТЫ, СОБРАВШИЕСЯ В КАЮТ-КОМПАНИИ «ВОКРУГ СВЕТА», ЗАЯВЛЯЮТ, ЧТО МНОГИЕ ЗЕМНЫЕ ПРОФЕССИИ ДУБЛИРУЮТСЯ ИМИ, АКВАЛАНГИСТАМИ, ПОД ВОДОЙ.

КАЮТ-КОМПАНИЯ „Вокруг света"

«Интервью» в глубинах Японского моря. Фото А. РОГОВА.

У скал Монерона. Фото В. СУЕТИНА.

— АГАР — МАЛАЙСКОЕ СЛОВО, — начал член московского клуба подводного спорта «Дельфин» Вадим Крашевский, — но оно очень в ходу у нас на Севере: агаром богато Белое море. Мне жаль тех, кто никогда не погружался в его воды. В зеленом сумраке колышутся змеевидные побеги ламинарий, призрачно проступает узор анфельций, плавно качаются кроны фуцелярий. Правда, любоваться этим великолепием нам особенно некогда. Ведь мы под водой работаем. Работаем по заданию Полярного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии — ПИНРО.

В Архангельске, на набережной В. И. Ленина, находится лаборатория морских водорослей Северного отделения ПИНРО. Лабораторией заведует Ксения Петровна Гемп. Мы называем ее Королевой Водорослей. Каждое лето наша Королева отправляется в экспедицию по северным морям. Мы, аквалангисты, — ее непременная свита.

Без нас лаборатория Королевы как без рук. Без нас Королева рискует остаться без агара.

Агар — это растительный студень, его получают из анфельций. Один килограмм агарового порошка заменяет два килограмма крахмала, одной тонны агара хватает для приготовления двадцати вагонов мармелада.

Но агар — это полдела. Без нас Королева рискует остаться и без альгината. Его добывают из ламинарий. Им текстильщики загущают красители, он осветляет вина и используется при изготовлении пластмасс, искусственного каучука и при исследовании различных бактерий.

Короче, мы обследуем промышленные запасы водорослей, составляем их описи и карты, проводим опыты по искусственному разведению водорослей, ищем оптимальные способы их добычи.

— МЕЧЕНЫЕ МИДИИ... Вы знакомы с таким понятием? Это, конечно, не меченые атомы — покрупнее и попроще в обращении, но это тоже наука, — продолжил Александр Рогов. — И прошлым летом мне пришлось ею заниматься.

Уже три года группа ученых под руководством профессора Л. Г. Виноградова проводит работы в Японском и Охотском морях. Их интересует биология камчатского краба и мидий — наиболее распространенного в Японском море моллюска. Почти вся работа велась под водой, и где в нашей экспедиции кончался аквалангист и начинался биолог, сказать трудно. Мы создали искусственные плантации — металлические садки — и заселили их мидиями, помеченными насечками, цифрами. Летом 1965 года экспедиция биологов вновь выехала в Приморье — меченые мидии поведают, как они перезимовали в садках, и подскажут, где лучше всего создавать для них искусственные плантации.

Я заснял один из моментов такого подводного «интервью» с мидиями.

— О ГЕОЛОГАХ всегда пишут, что они привычным движением надевают на плечи рюкзаки. Но что делать геологу, подошедшему к черте, которая отделяет землю надводную от земли подводной? Вероятно, привычным движением надеть на плечи акваланг. Так мы и поступаем, — начал аквалангист Владимир Беляев. — Уже с 1963 года по предложению Ялтинской оползневой и гидрогеологической станции мы занимаемся исследованием крымских пляжей.

Казалось бы, пляжи в Ялте, кого они могут волновать, кроме жизнерадостных курортников? Но исчезает галька на пляжах, и море начинает интенсивно разрушать землю, участки берега ползут в море. За последние годы количество гальки на пляжах уменьшилось, возникла даже угроза исчезновения некоторых пляжей. Не зная геологического строения прибрежной части морского дна и так называемых «путей миграции галечного материала», трудно выбрать лучший вариант берегоукрепительных сооружений.

Задачей нашей экспедиции было составление карты — геологической карты прибрежной части черноморского дна. Даже первые результаты настолько заинтересовали ученых, что мы получили и на следующий год заказ на продолжение подводных геологических исследований.

— ПОДЗЕМНЫЕ ПОДВОДНИКИ... Странное, конечно, сочетание, но точнее названия, пожалуй, не подберешь, — говорит Виктор Бровко. — Мало того, что мы лезем в горы для того, чтобы спуститься под землю, мы еще вдобавок под землей ныряем под воду.

Спортсмены-подводники Московского авиационного института работали совместно со спелеологами по программе Карстовой экспедиции Института минеральных ресурсов Украинской академии наук. До нас еще никто в стране не испытывал серьезно легководолазное снаряжение в подземных пещерах.

Когда путь спелеологу преграждают озера, он пускается в плавание на надувной резиновой лодке, а когда свод уходит под воду и образует так называемый сифон, спелеолог, скинув одежду и обвязавшись веревкой, ныряет в черноту, надеясь встретить через несколько метров продолжение хода, заполненное воздухом. Не всегда такое плавание заканчивается счастливо. Бесстрашный исследователь подземного мира француз Дюфур, проходя сифон Гуэйди-Эр, трагически погиб от непонятной болезни, которую знаменитый Норберт Кастере назвал гидрошоком.

...Мы отправились в одно из ущелий горного массива Чатыр-Даг, где из-под земли мощной струей бьет источник, давая начало крупного притока Салгира. Специалисты утверждали, что здесь обязательно должна быть большая пещера.

Совершив акробатические трюки на наклонной стенке, мы достигли подземного озера, у края которого был виден пролом.

Погружаюсь. Первые метры прохожу легко. И вдруг — у меня даже захватило дух — очутился в начале колоссальной и почти круглой трубы, сплошь заполненной водой и чуть наклонно уходящей вдаль. Никогда не ждал увидеть в пещере такого пространства. Труба расширяется, и через десяток метров ее диаметр достигает уже 5—6 метров. Как в тоннеле метро. Не может быть, чтобы этот ход никуда не привел. Прошел поворот. За мной тянется веревка — ребята страхуют надежно. Смотрю вверх и вижу поверхность воды — оконце размером метр на полметра, маленькое, но все-таки это воздух. Наконец-то. Сифон пройден!

Обо всем, что нам пришлось пережить, что удалось исследовать в Крымских подземельях, написана довольно большая статья — кто заинтересуется, сможет прочесть ее в 12-м выпуске «Библиотечки спортсмена-подводника».

И хотя до конца Аян нам еще не покорился, все загадки его не раскрыты, но лиха беда — начало. На строптивый Аян мы еще вернемся.

— ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ уже давно завоевала права гражданства, — начинает свой рассказ Валентин Сташевский. — И содружество Института археологии Академии наук СССР с аквалангистами с каждым годом становится все крепче.

В январе прошлого года водолазы случайно обнаружили у берегов Черного моря античные амфоры. Надо было немедленно засечь координаты места находки, чтобы приступить потом к детальным подводным исследованиям. А зимой Черное море не

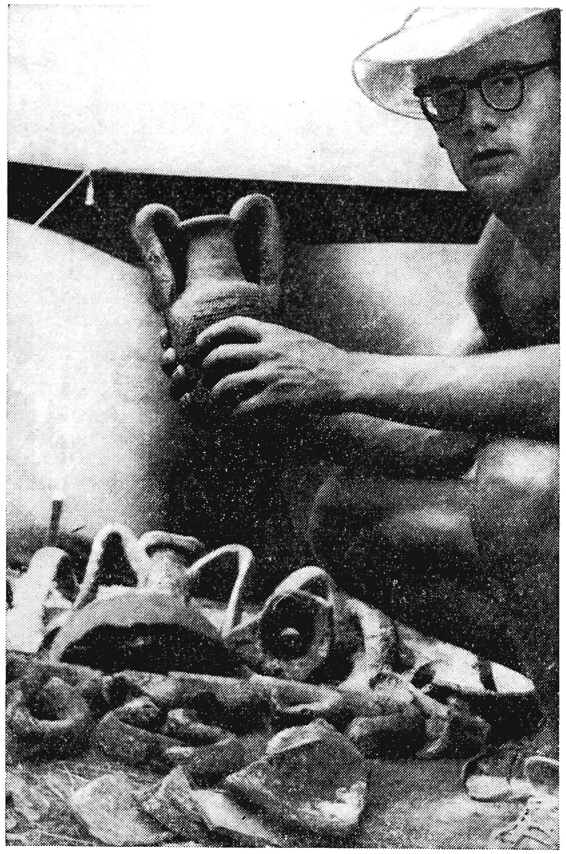
балует хорошей погодой. Частые штормы и низкая температура воды — около нуля — затрудняют погружения. И все-таки аквалангисты не побоялись поспорить с зимним морем. Мы нашли на дне еще несколько амфор и засекли координаты. Руководитель работ профессор МГУ В. Д. Блаватский предположил, что найденные амфоры — это груз с затонувшего древнегреческого корабля.

— С АКВАЛАНГОМ В КРАТЕР вулкана мне пришлось спускаться всего лишь один раз, — говорит Виктор Суетин. — Но запомнил я это погружение на всю жизнь.

Длинной цепью тянется увенчанная остроконечными конусами вулканов Курильская гряда. И вот однажды к кратеру действующего вулкана на острове Кунашир поднялась группа геологов, чтобы установить, какие полезные ископаемые могут таиться в курильских вулканах, и исследовать воды озера, заполнившего кратер. Воздух над озером густо насыщен сернистыми испарениями, из трещин бьют струи горячих газов, а кипящая у берегов вода покрыта черной вулканической пеной. Погрузившись в этот своеобразный котел природы, я брал пробы подводного грунта, глубинных вод и газов, замерял на разных уровнях температуру. Удалось даже отснять «подводный» фильм о необычном озере. Упустить такую возможность мне, кинолюбителю, было бы непростительно.

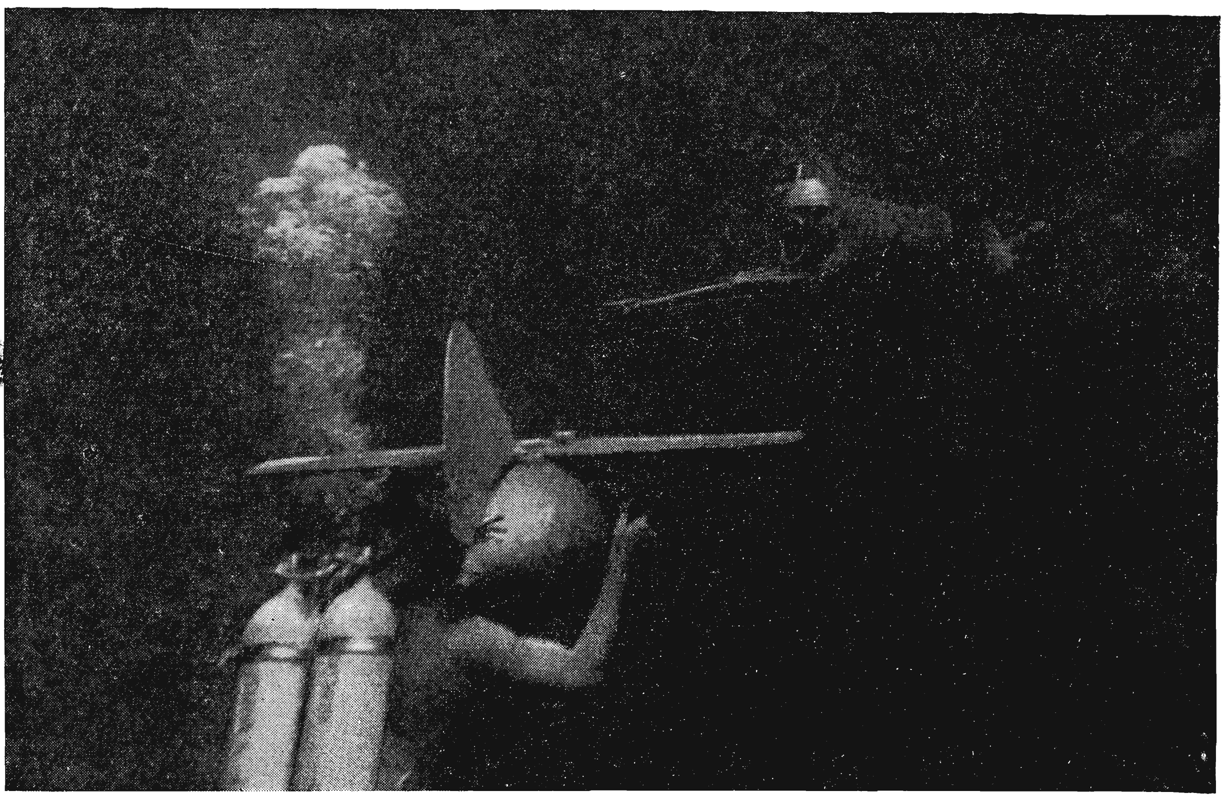
Мы вообще никогда не расстаемся с фото- и кинокамерами. По заданию Института биофизики Академии наук СССР наша группа уже отсняла фильмы: «Над нами Японское море» и «У скал Монерона». В этом году мы надеемся сделать еще один.

Действительно, аквалангисты не преувеличили. Не счесть тех земных профессий, которые «продолжаются» под водой: с аквалангом за плечами можно увидеть геолога и биолога, кинооператора и строителя, спелеолога и вулканолога, археолога и геофизика.

Амфора со дна Черного моря.
Фото Б. МЕЛЬНИКОВА.

У подножия Курильской гряды.

Первый год подводной эры

Кажется, совсем недавно мы впервые познакомились с пионерами подводного дела — Жаком-Ивом Кусто, Фредериком Дюма, Филиппом Тайе, увидели на экране их работу и приключения в «Мире безмолвия». Сейчас человека-амфибию, фишермэна — человека-рыбу, фрогмэна — человека-лягушку (как только не называют спортсменов-подводников!) можно встретить во всех уголках земного шара.

Быстрой популярности нового вида спорта во многом способствовала созданная в 1959 году в Монако Всемирная федерация по подводной деятельности. Основная цель КМАС (так сокращенно называют эту организацию) — всеми средствами способствовать изучению подводного мира, а также развитию всех видов подводной деятельности и спорта. Весной этого года в ряды КМАС единогласно была принята Федерация подводного спорта СССР. Между членами федерации проводится широкий обмен информацией по вопросам развития техники, оборудования и снаряжения для подводных исследований, медицины и безопасности погружений.

Президент федерации — известный всему миру исследователь подводного мира, директор Океанографического музея в Монако Жак-Ив Кусто. Среди ее активных членов — Жак Пикар (Швейцария), сын профессора Огюста Пикара, строитель мезоскафа и батискафа «Триест»; Роберто Галеаци (Италия), конструктор специальных камер для наблюдения и работы на больших глубинах; Анри Делоз (Франция), создатель батискафа «Архимед»; Роберт Стенюи (Бельгия), проживший в подводном доме на глубине 130 метров двое суток; Бонд (США), руководитель эксперимента на Бермудских островах, где четверо подводников провели в подводном доме на глубине 60 метров неделю.

В октябре 1964 года в Генуе, на родине Христофора Колумба, собралась генеральная ассамблея КМАС. Заседания происходили во Дворце моря, построенном генуэзцами на земле, отвоеванной у средиземноморских волн.

Жак Кусто сообщил об эксперименте «Преконтинент-3», который будет проводиться в этом, 1965 году в Средиземном море. Подводный дом «Преконтинент-3» в отличие от подводных сооружений «Преконтинент-1 и 2» почти не зависит от состояния поверхности моря. С поверхностью его соединяет лишь кабель. Специальный электрогенератор, установленный в цилиндрическом буе, который не боится бурь, снабжает дом электроэнергией.

Жилище решено установить на глубине 100—110 метров. Сейчас его сооружение закончено. «Преконтинент-3» имеет вид большого — диаметр 6 метров — шара. Внутри в три этажа размещены помещения. Комфорт, психологическое воздействие которого, как считает исследователь, очень важно, будет доведен до возможного совершенства. Углекислый газ, выделяемый при дыхании, холодильник превращает в лед, а замороженные брикеты сбрасываются в море. Цилиндрический буй несет на себе радио и телеантенны.

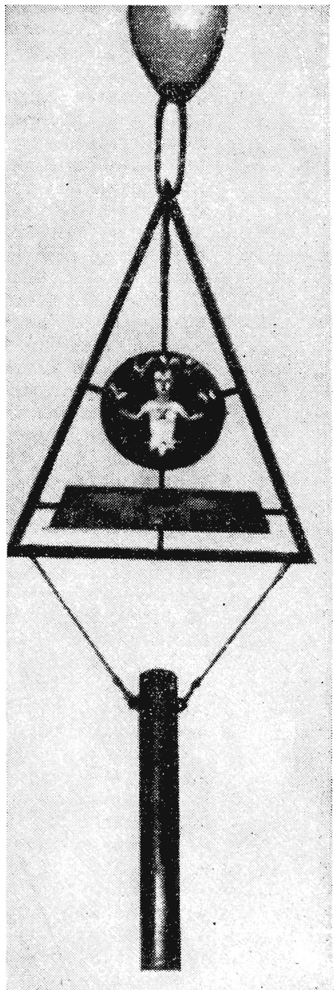
Дом сконструирован так, что в случае необходимости его можно отцепить от тяжелого свинцового основания, и он всплывет на поверхность.

12 октября корабль «Торрегранд» с участниками ассамблеи вышел из Генуи в открытое море. Президент федерации Кусто зачитал Декларацию КМАС. В Декларации говорится, что Всемирная федерация протестует против загрязнения Мирового океана, объявляет Открытое Море свободным, неделимым и принадлежащим всему человечеству, без преимуществ на его использование какой-либо одной страной, как бы ни был высок уровень развития ее техники, и просит ООН созвать международную конференцию для согласования действий по исследованию и использованию Открытого Моря.

Оригинал Декларации был заключен в бронзовый герметический цилиндр, прикрепленный к эмблеме КМАС и флагам стран — членов КМАС. Фал перерезан — и тяжелое устройство исчезает в море, глубина которого в этом месте 250 метров.

День 12 октября 1964 года КМАС назвала первым днем 1-го года Подводной эры. Средиземноморский подводный центр в Нерви предполагает увековечить начало Подводной эры, установив на дне моря, на глубине 12 метров, бронзовую статую.

В. СТАШЕВСКИЙ, ответственный секретарь Федерации подводного спорта СССР

Эмблема КМАС (вверху) и бронзовый цилиндр с Декларацией.

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Убийство ничего не значило для Рэвена. Это была его работа. Просто надо быть осторожным. Надо шевелить мозгами. Ненависть тут ни при чем. Он видел министра только однажды: Рэвену показали его, когда тот шел по новому жилому району, украшенному маленькими рождественскими елками, старый, довольно неопрятный человек, у которого не было друзей, но про него говорили, что он любит человечество.

Холодный ветер резал лицо. Это был хороший предлог для того, чтобы поднять воротник пальто и прикрыть им рот. Заячья губа — серьезный недостаток в его профессии: ее плохо зашили в детстве, и с тех пор она изуродована шрамом. Когда у тебя на лице особая примета, приходится быть жестоким. Рэвен с первого раза был вынужден уничтожать все улики.

Он нес портфель и был похож на других молодых людей, возвращающихся домой со службы. Он спокойно шел по улице, как и сотни похожих на него людей. Проехал трамвай, окна его светились в ранних сумерках. Он на него не сел. Вы бы сказали про Рэвена — экономный молодой человек, бережет деньги для дома. Может быть, он идет на свидание. Но у Рэвена никогда не было девушки. В этом была виновата заячья губа. Еще в молодости он узнал, как отталкивающе она выглядит.

Рэвен вошел в один из высоких серых домов и поднялся по лестнице. На последнем этаже он поставил на пол портфель и надел перчатки. Потом вынул из кармана кусачки и перерезал телефонный провод над дверью. Потом позвонил.

Он надеялся, что министр один. Маленькая квартира была домом социалиста: он жил одиноко, бедно и пусто. Рэвену сказали, что его секретарша уходила в половине седьмого: министр был внимателен к своим подчиненным. Дверь открыла пожилая женщина в пенсне. Она была в шляпе, и пальто висело у нее через руку. Она собиралась уходить и не дала ему раскрыть рта, сказав по-немецки: «Министр занят».

Он не хотел ее убивать не потому, что убийство что-нибудь значило для него, а потому, что хозяева могли быть недовольны, если бы он сделал больше, чем приказано.

Он молча протянул рекомендательное письмо. До тех пор пока она не слышала его иностранного акцента или не видела заячьей губы, она была в безопасности. Она взяла письмо и поднесла к пенсне. «Хорошо, — подумал он, — она близорука».

— Стойте здесь, — сказала женщина и ушла назад по коридору.

Он слышал, как она говорила что-то тоном недовольной гувернантки, затем она снова показалась в коридоре, говоря:

— Министр примет вас. Следуйте за мной.

Он не знал языка, но понял все по ее поведению.

Приключенческий роман английского писателя Грэма Грина «Наемный убийца» будет печататься в 10—12 номерах этого и в 1—2 номерах 1966 года.

Его глаза, как маленькие потайные камеры, немедленно сфотографировали комнату: письменный стол, кресло, карту на стене, дверь в спальню, широкое окно, выходящее на яркую и холодную рождественскую улицу. Комната обогревалась маленькой керосиновой печкой, и сейчас министр кипятил на ней воду в кастрюльке. Кухонный будильник на письменном столе показывал семь.

— Эмма, положите еще одно яйцо в кастрюльку, — послышался голос.

Министр вышел из спальни. Он был стар, тщедушен и неопрятен. Секретарша вынула яйцо из ящика стола.

— И соль, не забудьте соль, — сказал министр и объяснил на плохом английском: — Тогда скорлупа не лопнет. Садитесь, мой друг. Чувствуйте себя как дома. Эмма, вы можете идти.

Рэвен сел, глядя на грудь министру. Он думал: я ей дам три минуты, чтобы она отошла подальше. Он продолжал смотреть на грудь министру: сюда я выстрелю. Он опустил воротник пальто и с горькой яростью увидел, как старик отвернулся.

— Он мне несколько лет не писал. Но я его не забыл. Нет, не забыл. Я могу показать вам его фотографию. Очень приятно, что он вспомнил о старом друге. Тем более он стал таким богатым и могущественным. Вы обязательно спросите его, когда вернетесь, помнит ли он то время, когда... — рассказывал министр.

Резко зазвенел звонок.

Рэвен подумал: «Телефон? Я перерезал провод». Его нервы напряглись. Но это был всего-навсего будильник. Министр выключил его.

— Одно яйцо сварилось, — сказал он и нагнулся над кастрюлькой.

Рэвен открыл портфель. В клапане был укреплен пистолет с глушителем.

— Прошу прощения за то, что будильник вас так испугал. Понимаете, я люблю, чтобы яйца варились ровно четыре минуты, — сказал министр.

В коридоре застучали шаги. Дверь открылась. Рэвен яростно обернулся. Его заячья губа покраснела. Это была секретарша. Он подумал: боже мой, что за дом; не дадут человеку сделать свое дело спокойно. Он забыл о своей губе, он был зол.

— Я уже уходила, когда услышала телефон, — сказала она.

Потом она слегка поморщилась и отвернулась, высказывая неловкую деликатность по отношению к его уродству. Этим она приговорила себя к смерти. Он выхватил пистолет из портфеля и дважды выстрелил в спину министра.

Министр упал на керосиновую печку. Кастрюлька опрокинулась, и яйца разбились об пол. Рэвен, перегнувшись через стол, выстрелил еще раз в голову для верности, загнав пулю в основание черепа, разламывая его как фарфоровую куклу. Затем он обернулся к секретарше. Она застонала, глядя на него; она ничего не могла сказать: старческий рот не мог удержать слюну. Он решил, что она молит о пощаде. Рэвен снова нажал курок, она пошатнулась, как будто ее толкнули в бок. Но он просчитался. Ее немодное платье, складки ненужного материала, в котором она скрывала свое тело, ввели его в заблуждение. И она была крепка, так

Рисунки Г. **ФИЛИППОВСКОГО**

— Мне есть за что вас пристрелить. Рассказали о моей заячьей губе. Почему вы не могли играть честно?

крепка, что он глазам не поверил. Она была за дверью и захлопнула ее за собой раньше, чем он успел выстрелить снова.

Но она не смогла запереть ее. Ключ остался на его стороне. Он повернул ручку и нажал на дверь. Пожилая женщина оказалась удивительно сильной. Дверь поддалась только на два дюйма. Она начала кричать, повторяя какое-то слово.

Времени терять было нельзя. Он отступил от двери и выстрелил в деревянную панель. Он услышал, как упало и разбилось пенсне. Еще раз раздался высокий крик, и все смолкло. Казалось, она всхлипывает. Это воздух выходил сквозь ее рану. Рэвен был удовлетворен. Он повернулся к министру.

Он должен был оставить одну улику, другую убрать. Рекомендательное письмо лежало на столе. Он положил его в карман и всунул между застывшими пальцами министра кусочек бумаги. Рэвен был нелюбопытен; он только взглянул на рекомендательное письмо, но подпись ничего ему не говорила. Он оглядел пустую комнату, чтобы проверить, не упустил ли чего-нибудь.

2

Они сидели рядом. Опускались сумерки. Светлая маленькая дымная клетка несла их над улицами. Автобус скатился к Хаммерсмиту. Окна магазинов поблескивали как льдинки.

— Погляди, — сказала она, — снег идет.

Когда они переезжали мост, несколько больших хлопьев проплыли за окном, падая как клочки бумаги в темную Темзу.

— Я счастлив, пока мы вместе, — сказал он.

— Мы завтра увидимся, Джимми. — Она всегда колебалась перед тем, как назвать его по имени. Это было глупое имя для человека такого размера и веса.

Она засмеялась, но немедленно посерьезнела.

— Я тоже счастлива.

Она всегда бережно относилась к счастью, она предпочитала смеяться, когда была несчастна. Она не могла не относиться серьезно к вещам, которые ее затрагивали, и счастье делало ее мрачной при мысли обо всем том, что может его разрушить.

— Как было бы ужасно, если бы сейчас была война, — произнесла она.

— Войны не будет.

— Прошлая началась с убийства.

— Там был эрцгерцог. А этот просто старый политик.

— Осторожнее. Ты сломаешь пластинку... Джимми.

— Черт с ней, с пластинкой.

Она начала напевать модную мелодию: «Для тебя это только Кай», — и большие хлопья падали за окном, тая на мостовой. — «Подснежник, привезенный из Гренландии».

— Это глупая песня, — сказал он.

— Это очень милая песня... Джимми, — возразила она. — Нет, я просто не могу называть тебя Джимми. Ты не Джимми. Ты куда больше размером. Сержант-детектив Матер. Из-за тебя люди шутят по поводу ботинок полисменов.

— Может быть, тогда «дорогой»?

— Дорогой, дорогой, — попробовала она кончиком языка между губ, как вишню. — О нет. Я буду так называть тебя, когда мы будем уже десять лет женаты.

— Ну, а «милый»?

— Милый, милый... Нет, мне не нравится. Как будто я тебя знаю уже давным-давно.

Автобус поднялся на холм. Еще две улицы, и у церкви, шпиль которой, взметнувшийся над крышами как ледяная игла, уже был виден, автобус повернет налево. Чем ближе они подъезжали к дому, тем несчастнее она себя чувствовала, и чем ближе к дому, тем веселее она болтала. Она старалась ни о чем не думать. Отстающие обои, холодный ужин с миссис Брюэр, завтрашний разговор с антрепренером и, возможно, снова работа в провинции, далеко от него.

Матер сказал тяжело:

— Ты меня не любишь так, как я тебя люблю. Я тебя увижу только через двадцать четыре часа.

— И, может, позже, если я найду работу.

— Ты меня не любишь, просто не любишь.

Она схватила его за руку.

— Посмотри, посмотри на объявление.

Но оно исчезло раньше, чем он успел разглядеть его через запотевшее окно. «В Европе объявлена мобилизация», — легло камнем на ее сердце.

— Что там было?

— Снова об этом убийстве.

— Если бы это случилось здесь, мы бы его уже поймали.

— Интересно, почему он это сделал?

— Политика. Патриотизм.

— Ну вот мы и приехали. Не будь таким мрачным. Ты же говорил, что счастлив.

— Это было пять минут назад.

— О, — сказала она от всего своего легкого и тяжелого сердца, — в наши дни жизнь идет так быстро.

Они поцеловались под фонарем. Ей пришлось встать на цыпочки. Он внушал спокойствие, как большой пес, даже когда он был молчалив и туповат. Разве вы выгоните пса одного в такую темную и холодную ночь?

— Энн, — спросил он, — мы поженимся после рождества, правда?

— У нас ни пенни нету, — ответила она. — Ты же знаешь. Ни пенни... Джимми.

— Я получу повышение.

— Ты опоздаешь на дежурство.

— Черт с ним. Ты меня не любишь.

— Ни гроша, дорогой, — усмехнулась она и пошла по улице к дому № 54, молясь о том, чтобы достать денег. «Господи, пусть получится сейчас, на этот раз, быстро», — она совсем не верила в себя. Навстречу шел человек, ему было холодно и неуютно в черном пальто. У него была заячья губа. «Бедняга», — подумала она и забыла о нем, открыла дверь, поднялась к себе, поставила новую пластинку.

Человек с заячьей губой быстро шел по улице. Он не согревался от быстрой ходьбы. Как Кай в «Снежной королеве», он нес холод в себе. Хлопья продолжали падать, расплываясь в грязь на тротуаре, с освещенного окна на четвертом этаже падали слова песни. Человек не остановился. Он быстро шел по улице. Он чувствовал боль от кусочка льда в своей груди.

3

Рэвен сел за пустой столик в Корнер-хаузе. Он смотрел с отвращением на длинный список сладких холодных напитков, эскимо и ассорти, крем-брюле и шоколадного мороженого. Некто за соседним столом ел черный хлеб с маслом и запивал молоком. Он потупился под взглядом Рэвена и загородился газетой. Одно слово — «Ультиматум» — пересекало страницу.

Мистер Чолмонделей пробирался между столиками. Он был толст и носил изумрудное кольцо. Его широкое квадратное лицо опускалось складками на воротник. Он присел за столик Рэвена и сказал: «Добрый вечер».

— Я думал, вы никогда не придете, мистер Чолмон-де-лей, — сказал Рэвен, раздельно произнося каждый слог.

— Чамбли, мой дорогой, Чамбли, — поправил его мистер Чолмонделей.

— Неважно как произносится. Я не думаю, что это ваше настоящее имя.

— В конце концов я его выбрал, — сказал мистер Чолмонделей и принялся листать меню, а его кольцо засверкало отражением перевернутых люстр. — Как насчет пломбира?

— Странно есть лед в такую погоду. Вышли бы на улицу, если жарко. Я не хочу терять времени понапрасну, мистер Чолмонделей. Принесли деньги? У меня ни гроша.

— Они здесь неплохо готовят «Девичью мечту», уже не говоря об «Альпийском блеске» или о «Славе Никербокера», — сказал мистер Чолмонделей.

— У меня во рту ничего не было с самого Кале.

— Дайте письмо, — потребовал мистер Чолмонделей. Он сказал официантке: — Принесите «Альпийский блеск» и стакан кюммеля.

— Деньги! — бросил Рэвен.

— В этом бумажнике.

— Они все по пять фунтов!

— Нельзя же заплатить две сотни мелочью. И кроме того, это меня не касается, — ответил мистер Чолмонделей. — Я только агент.

Его взгляд смягчился, когда он увидел малиновый пломбир на соседнем столике. Он с жаром признался Рэвену: «Я сладкоежка».

— Вы не хотите узнать, как все было? — спросил Рэвен. — Старуху...

— Что вы, что вы, — запротестовал Чолмонделей. — Я ничего не хочу слышать. Я только агент. Я не несу никакой ответственности. Мои клиенты...

— Неплохо вы их называете, — Рэвен презрительно сморщил заячью губу.

— Ну, скоро ли принесут мой пломбир? — пожаловался мистер Чолмонделей. — Мои клиенты замечательные люди. Это акты насилия... они рассматривают их как войну.

— А меня и старика... — начал Рэвен.

— В первой траншее, — он мягко засмеялся собственной шутке.

Большое белое лицо мистера Чолмонделея было похоже на экран, на котором можно показывать гротескные картины: кролика, человека с рогами. Маленькие глазки заблестели от удовольствия при виде мороженого, принесенного в высоком бокале.

— Вы очень хорошо поработали. Очень аккуратно. Они очень вами довольны. Теперь вы сможете как следует отдохнуть. — Он был толст, он был вульгарен, он был фальшив, но он производил впечатление большой силы. Мороженое капало у него

изо рта. Он был олицетворением благополучия, он был одним из тех, кому принадлежат вещи, а Рэвену принадлежали только содержимое его бумажника, одежда, в которой он поднялся из-за стола, его заячья губа, его пистолет, который ему следовало бы оставить в том доме.

— Я пошел, — сказал Рэвен.

— Прощайте, мой дорогой, прощайте, — ответил мистер Чолмонделей, посасывая мороженое через соломинку.

Рэвен встал и вышел. Темный, тонкий, созданный для разрушения. Он чувствовал себя неловко среди маленьких столиков, среди ярких фруктовых напитков.

Он вышел на площадь и пошел по Шафтесбюриавеню. Окна магазинов были украшены ветками и бутафорскими рождественскими вишнями. Он сжал кулаки в карманах. Его бесила их сентиментальность. Он прижал лицо к витрине магазина и молча глазел через стекло.

Что-то вроде затаенной жестокости завлекло его в магазин. Он открыл заячью губу, чтобы ее могла видеть девушка, подошедшая к нему. Он сделал это с таким же удовольствием, с каким разрядил бы пулемет в картинной галерее.

— Вот то платье на витрине. Сколько?

— Пять гиней, — ответила продавщица. Она не добавила «сэр». Его губа была клеймом класса. Губа говорила о бедности родителей, которые не смогли нанять хорошего хирурга.

— Платье ничего, а? — сказал он.

— Оно пользуется большим успехом, — прошелестела она изысканно.

— Мягкое, тонкое. О таком платье надо заботиться, правда? Сшито для какой-нибудь красивой и богатой?

— Это модель.

Она лгала без интереса. Она знала, как дешева и вульгарна эта лавка.

— В ней чувствуется класс, да?

— О да, — согласилась она.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам вам за него пять фунтов. Он вынул банкнот из бумажника мистера Чолмонделея.

— Завернуть?

— Нет, — сказал он и ухмыльнулся изуродованной губой. — За ним зайдет девушка. Понимаете, девушка — высший класс. Так это лучшее платье у вас?

И когда она кивнула, пряча деньги, он добавил:

— Тогда оно как раз для Элис.

И снова вышел на улицу, излив часть своего презрения, и завернул за угол в немецкое кафе, у хозяина которого снимал комнату. Здесь его ждал сюрприз — маленькая елочка в горшке, украшенная цветными стекляшками и блестками. Он спросил старика, хозяина кафе:

— Вы верите в это? В эту чепуху?

— Неужели снова война будет? — спросил старик. — Так ужасно читать об этом. Я видел одну войну.

— Ненавижу сантименты.

— Ну что же, — сказал старик, — это полезно для дела.

Он поднялся к себе в комнату. Ее не убирали. В тазу была грязная вода, и кувшин был пуст. Он вспомнил, как толстяк говорил: «Чамбли, мой дорогой, Чамбли». Надо произносить «Чамбли», и яростно закричал, перегнувшись через перила:

— Элис!

Она вышла из соседней комнаты — одно плечо выше другого, пряди светлых крашеных волос спадают на лицо.

— Кричать-то зачем? — спросила она.

— Здесь свинюшник, — разозлился он. — Нельзя ко мне так относиться. Пойди и все вычисти.

Он ударил ее по голове, и она отпрянула, не смея сказать ничего — кроме: «Ты за кого себя принимаешь?»

— Нельзя же заплатить две сотни мелочью. И кроме того, это меня не касается, — ответил мистер Чолмонделей. — Я только агент.

— Давай, давай, скотина горбатая. — И засмеялся, когда она склонилась над постелью: — Я купил тебе рождественское платье, Элис. Вот чек. Пойди и получи. Красивое платье. Оно тебе подойдет.

— Думаешь, смешно? — сказала она.

— Беги, Элис, а то лавка закроется.

Но она отыгралась, крикнув снизу:

— Я не хуже тебя с твоей рваной губой.

Все в доме могли ее слышать, и старик в кафе,

и его жена в спальне, и клиенты у стойки. Он представил себе, как они ухмыляются: «Давай, Элис. Ну и парочка вы с ним». Он не то чтобы действительно страдал. Он впитывал в себя яд каплю за каплей, с самого детства, он вряд ли чувствовал его горечь сейчас.

Пора ужинать, сказал он себе. С его деньгами он мог пойти куда хотел. Он мог шикарно поесть с бизнесменами у Чимпсона.

Когда он спустился к автомату в темном углу под лестницей, он услышал свое имя.

Старик говорил:

— Он всегда живет здесь. Он уезжал.

— Ну-ка, — сказал незнакомый голос, — как тебя, Элис, покажи мне его комнату. Присматривай за дверью, Сондерс.

Рэвен опустился на колени в телефонной будке. Дверь была приоткрыта, потому что он не любил чувствовать себя запертым. Он не мог выглянуть, однако ему и не нужно было выглядывать, чтобы узнать обладателя голоса. Полиция, штатские из Скотланд-ярда. Человек прошел так близко, что дверь будки вибрировала от его шагов. Затем он снова спустился.

— Там никого нет. Он взял шляпу и пальто. Наверно, ушел.

— Должно быть, — согласился старик. — Он мягко ходит. Он увертливый.

— Какой он из себя? — спросил незнакомец.

Старик и девушка сказали одновременно:

— Заячья губа.

— Это полезно, — сказал детектив. — Ничего не трогайте у него в комнате. Я пришлю человека снять отпечатки пальцев. Как он себя вел?

Рэвену было слышно каждое слово. Он не мог представить, что им было нужно. Он знал, что не оставил никаких улик: он был не из тех, кто попусту утешает себя, он знал. Картина той комнаты и квартиры хранилась у него в мозгу и была такой ясной, будто он носил с собой фотографию. У них ничего против него не было. Правда, он вопреки приказу сохранил пистолет. Пистолет был при нем, он чувствовал его под мышкой. Если бы у них были улики, они взяли бы его еще в Дувре. Он прислушивался к голосам с тупой злостью, ему хотелось есть, он толком не ел уже целые сутки, а с двумя сотнями фунтов в кармане он мог купить все.

— Я бы его не стал держать в доме, — сказал старик. — Но он платит. Вы не можете выгнать того, кто платит. Особенно в наши дни.

— У него есть друзья?

— Не смешите меня, — ответила Элис. — У него — и друзья. А что он будет делать с друзьями?

— Ты зла на него? Что он такого тебе сделал? Он же собирался подарить тебе платье, не так ли?

— Это его грязная шутка.

— И все-таки ты хотела взять его.

— И не подумала. Неужели я от него взяла бы подарок? Я собиралась отдать платье обратно в магазин и деньги ему показать. То-то было бы смеху.

Он подумал с горьким интересом: «Они меня ненавидят. Если они откроют дверь, я всех перестреляю».

— Я поставлю человека на той стороне улицы, — послышался голос незнакомца, — подмигните ему, если этот парень придет.

Дверь в кафе закрылась.

— О, — сказал старик, — хотел бы я, чтобы моя жена все это слышала. Она бы и за десять шиллингов не отказалась от такого зрелища.

— Я позвоню ей, — предложила Элис. — Она у Мейсонов. Она сразу прибежит и приведет миссис Мейсон. Пусть тоже повеселятся. Еще на прошлой неделе миссис Мейсон говорила, что его морду видеть больше в своей лавке не хочет.

— Правильно, будь любезна, Элис, позвони ей.

Рэвен вытянул руку вверх и вывинтил лампочку из патрона. Встал и прижался к стене будки. Элис открыла дверь и захлопнула себя вместе с ним. Он закрыл ей ладонью рот, прежде чем она успела вскрикнуть.

— Не клади монету. Если положишь — застрелю, — сказал он. — Подними трубку. Притворись, будто ты разговариваешь со старухой. Давай. Мне плевать, если я тебя застрелю. Говори: «Добрый вечер, фрау Гренер».

— Добрый вечер, фрау Гренер.

— Теперь все по порядку.

— Они ищут Рэвена.

— Почему?

— За пять фунтов. Они ждут в лавке.

— Что это значит?

— У них номер записан. Эти деньги краденые.

Его обманули — мозг работал с механической аккуратностью, словно счетная машина. Ей только дай цифры, а она уж ответит. Он был во власти глубокого гнева. Если бы в будке с ним оказался мистер Чолмонделей, он бы его пристрелил, и плевать ему.

— Откуда украдены?

— Сам знаешь.

— Без лишних слов. Откуда?

Он даже не знал, кто нанял мистера Чолмонделея. Ясно, что случилось. Они ему не доверяли. Они так устроили, чтобы убрать его. По улице бежал газетчик и кричал: «Ультиматум! Ультиматум!» Его мозг зарегистрировал этот факт, но не больше.

Казалось, это не имело к нему никакого отношения. Он повторил:

— Откуда?

— Я не знаю. Я не помню.

Прижав пистолет к ее боку, он стал умолять ее:

— Вспомни, а? Это важно. Я этого не делал.

— Еще бы, не делал, — сказала она со злостью в молчащую трубку.

— Элис! — закричал старик из кафе. — Она придет?

— Я дам тебе десять фунтов.

— Твоих-то? Нет уж, спасибо, мистер Щедрый.

— Элис! — снова крикнул старик.

Они услышали, как он идет по коридору.

— Ради справедливости! — сказал он с отчаянием, вдавливая пистолет ей между ребер.

— Ты бы помолчал насчет справедливости, — ответила она. — Обращался со мной, как в тюрьме. Бил меня, когда хотел. Пепел по всему полу разбрасывал. С меня хватит. Помолчал бы насчет справедливости.

Он забыл о старике. Тот открыл дверь.

Рэвен прошептал из темноты:

— Ни слова, или я тебя прикончу.

Теперь оба стояли перед ним.

Он сказал:

— Поймите. Они меня не поймают. Я в тюрьму не пойду. И мне плевать, если я кого-нибудь из вас пришью. Мне все равно, если меня повесят. Моего отца повесили... и ему неплохо... Идите вперед, в мою комнату! Кто-то за это окажется в аду.

Он поднялся с ними и запер дверь. Какой-то клиент звонил в дверь кафе. Он обернулся к ним.

— Мне есть за что вас пристрелить. Рассказали им о моей заячьей губе. Почему вы не могли играть честно?

Он подошел к окну. Он знал, что оттуда легко спуститься. Поэтому он и выбрал эту комнату.

4

Энн Кроудер ходила по маленькой комнате, завернувшись в тяжелое пальто. Она не хотела тратить шиллинг на газовый счетчик, потому что до утра ей не истратить газа на шиллинг. Она говорила себе: мне повезло, что я достала эту работу, я счастлива, что уезжаю работать. Но она не могла себя убедить. Было восемь. У них останется четыре часа до полуночи. Ей придется обмануть его и сказать, что она едет с утренним, девятичасовым, иначе он отошлет ее спать пораньше. Он такой. Никакой романтики. Она улыбнулась нежно и подышала на пальцы.

Зазвенел телефон на первом этаже. Она подумала, что это дверной звонок, и побежала к зеркалу. Стеклянный мутный шар светил тускло, и она не была уверена, что ее косметика хороша для сияния танцевального зала «Астория». Она начала краситься снова: если она будет бледной, он заставит ее раньше вернуться домой.

Хозяйка просунула голову в дверь и сказала:

— Это ваш джентльмен. Звонит по телефону.

— Звонит по телефону?

— Да, — сказала хозяйка, настраиваясь на долгий разговор. — Он так спешит. Я бы сказала, он просто в нетерпении. Чуть не облаял меня, когда я пожелала ему доброго вечера.

— О, — сказала она в отчаянии, — он всегда так. Не обращайте на это внимания.

— Я полагаю, он хочет отменить свидание, — продолжала хозяйка. — Так всегда бывает. Вам, девушкам, которым приходится много ездить, никогда не везет.

Она бросилась вниз по ступенькам. Ей было все равно, если кто-нибудь увидит, как она спешит.

— Это ты, дорогой? — спросила она. Всегда что-нибудь случалось с их телефоном. Она услышала его голос, рычащий в самое ухо, так, что с трудом поняла, что это он.

— Тысячу лет не подходила. Это телефон-автомат. Я потратил все пенсы. Послушай, Энн, я не смогу приехать. Извини. Это работа. Мы ищем того человека, который ограбил сейф, помнишь, я тебе о нем говорил? Я буду всю ночь занят. Мы проследили один из банкнотов, — его голос возбужденно бился в трубке.

— Ничего, ничего, дорогой, — ответила она, но не смогла сдержаться и добавила: — Джимми, я тебя долго теперь не увижу. Несколько недель.

— Плохо дело. Дай подумаю... Послушай. Не езди ты к раннему поезду, какой смысл? А девятичасового нет. Я смотрел расписание, — сказал он.

— Я знаю. Я сказала...

— Лучше поезжай на ночь. Тогда сможешь отдохнуть перед репетицией. В полночь с Юстона.

— Но я еще не собралась.

Он не обратил внимания на ее слова. Он больше всего любил планировать и принимать решения.

— Если я окажусь рядом с вокзалом, я постараюсь... — продолжал он.

— Ваши две минуты истекли.

— Черт возьми, кончилась мелочь. Дорогая, я тебя люблю, — сказал он.

Она поднялась по лестнице. Она не плакала, ей казалось, будто кто-то умер и оставил ее одну, испуганную, боящуюся новых лиц, новой работы, грубых провинциальных шуток, парней, таких молодых, боящихся самих себя, боящихся того, что они не могут вспомнить, как это хорошо — быть любимым.

5

Часы на вокзале показывали без трех минут полночь.

Контролер у загородки сказал:

— Свободные места впереди.

— Меня провожает друг, — объясняла Энн Кроудер. — Можно мне сесть с этого конца, а когда мы поедем, я перейду вперед.

— Они заперли двери.

Она в отчаянии оглянулась. Выключали свет в буфете: с этой платформы больше не будет поездов.

— Поторопитесь, мисс.

Заголовок в вечерней газете не давал ей покоя. Она подумала, что война может начаться раньше, чем они встретятся снова. «Он пойдет на войну, он всегда делал все как другие», — сказала она себе в раздражении, но тут же подумала, что любила в нем именно эту надежность. Она хотела, чтобы ее мужчина был обыкновенным, она хотела знать заранее, что он скажет.

Она бежала мимо вереницы освещенных фонарями лиц. Поезд был полон, настолько полон, что в вагонах первого класса можно было увидеть робких, странных людей, которые чувствовали себя неловко в глубоких креслах, которые опасались, что контролер выгонит их. Она отказалась от мысли найти вагон третьего класса, открыла дверь, бросила «Женщину и красоту» на единственное свободное место и пробилась к окну, переступая через ноги и высовывающиеся из-под сидений чемоданы. Паровоз разводил пары, дым несся над платформой, и трудно было разглядеть что-нибудь за барьером.

Кто-то потянул ее за рукав.

— Простите, — сказал толстый человек. — Я хотел бы купить шоколаду.

— Одну минутку, пожалуйста. Меня провожают, — попросила она.

— Его нет. Уже поздно. Вы не имеете права монополизировать окно. Я хочу купить шоколаду. — Он оттолкнул ее и помахал рукой с изумрудным кольцом. Она старалась увидеть барьер через его плечо, но он заслонил почти все окно.

— Мальчик! Мальчик! — кричал он, размахивая изумрудным кольцом. — Какой у тебя шоколад? Что-нибудь послаще.

Вдруг в щель она увидела Матера. Он уже миновал барьер и шел вдоль поезда, разыскивая ее, заглядывая в вагоны третьего класса, пробегая мимо первого класса. Она взмолилась:

— Пожалуйста, пропустите меня. Я вижу друга.

— Один момент. Один момент. А у вас есть «Нестл»? Дайте мне плитку на шиллинг.

— Пожалуйста, пустите меня.

— У вас нет денег помельче, — спросил мальчик, — чем десять шиллингов?

Матер прошел мимо. Она стучала в окно, но он не услышал среди свистков, стука колес тележек, провозивших последние чемоданы и тюки в багажный вагон. Двери захлопнулись, раздался свисток, и поезд тронулся.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Без двух минут двенадцать Рэвен побежал вперед. Паровозный дым мчался над платформой ему навстречу.

— Должен же я получить сдачу, — протестовал толстяк. А мальчик бежал рядом с вагоном, считая шиллинги на ладони. Когда она пробилась к окну и высунулась наружу, поезд уже проехал платформу, и она разглядела маленькую фигурку на конце асфальтовой дорожки.

Пожилая женщина сказала:

— Нельзя так высовываться. Это опасно.

Она возвращалась на свое место на цыпочках, чувствуя общее недоброжелательство. Каждый думал: «Ей не место в этом вагоне. Какой смысл нам платить за первый класс...» Нет, она не заплачет, она чувствовала, что избитые поговорки, которые пришли в голову, — о том, что, снявши голову, по волосам не плачут, о том, что слезами горю не поможешь, все обойдется — не помогают. Все-таки она заметила с неприязнью, что на ярлычке, свисавшем с чемодана толстяка, было написано название того же города, куда ехала и она, — Ноттвич. Толстяк сидел напротив с «Ивнинг ньюс», «Пассинг Шоу», «Файненшиал таймс» на коленях и жевал сладкий молочный шоколад.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Рэвен шел по Оксфорд-стрит, прижимая ко рту носовой платок Это было опасно, но не так опасно, как показывать заячью губу.

Он многого не понимал. Не понимал этой войны, о которой все они говорят, не понимал, почему его обманули. Он хотел найти Чолмонделея. Сам Чолмонделей ничего не значил, но он выполнял приказ, и, если найти Чолмонделея, можно выжать из него... Он был загнан, замучен, одинок, он нес в себе чувство большой несправедливости и странной гордости; спускаясь по Чаринг Кросс-роуд, мимо музыкальных магазинов, он переполнялся ею: в конце концов не всякий может, как он, заварить войну.

Он не знал, где живет Чолмонделей, и единственным ключом был явочный адрес. Ему пришло в голову, что если он проследит за лавчонкой, куда он посылал письма Чолмонделею, то сможет его увидеть. Очень малый шанс, но Чолмонделей, очевидно, захочет исчезнуть на время и потом зайдет проверить, нет ли ему писем. Все зависело от того, использовал ли он этот адрес для других писем или только для писем Рэвена.

Лавка стояла в переулке напротив театра. Она состояла из одной комнатушки. Там продавались открытки из Парижа в заклеенных конвертах, американские и французские журналы.

За лавкой было трудно следить. Женщина-полисмен стояла на углу и поглядывала на проституток, а напротив тянулась глухая стена театра с единственным входом на балкон.

«У стены ты был бы виден как муха на обоях, кроме того случая, — подумал он, ожидая, пока зажжется зеленый свет и можно будет перейти улицу, — кроме того случая, когда пьеса пользуется успехом».

И она пользовалась успехом. Несмотря на то, что дверь на балкон откроется только через час, у стены стояла длинная очередь. Рэвен собрал последнюю мелочь, арендовал складной стул и сел. Лавка была напротив. Рэвен следил, прижав носовой платок ко рту. Он видел, как парень остановился перед витриной, посмотрел с вожделением на «Соблазны Парижа» и поспешил дальше; видел, как старик зашел в лавку и вышел со свертком.

К углу подъехало такси, и из него вышел мужчина. Это был Чолмонделей. Он вошел в лавку. Рэвен пересчитал деньги. У него было два шиллинга и шесть пенсов и сто девяносто пять фунтов краденых денег, на которые он ничего не мог купить.

На другой стороне улицы была стоянка такси. Он ждал до тех пор, пока не вышел Чолмонделей.

— Следуйте за тем такси, — сказал он и откинулся на сиденье с чувством облегчения. Машина ехала по Чаринг Кросс-роуд, Тотенхэм Корт-роуд, Юстон-роуд, где была велосипедная стоянка и где торговцы подержанными автомобилями с того конца Грейт Портленд-стрит выпивали по маленькой, прежде чем разойтись по своим квартирам. Он не привык, чтобы за ним охотились. Так было лучше — охотиться самому.

Счетчик тоже его не подвел. У него еще оставался шиллинг, когда мистер Чолмонделей проследовал мимо Юстонского памятника жертвам войны к громадному дымному входу в вокзал. Рэвен быстро сунул шиллинг шоферу. У него ничего не было, кроме ста девяноста пяти фунтов, на которые он не мог купить даже сандвича. Мистер Чолмонделей прошел, сопровождаемый двумя носильщиками, к багажному отделению и сдал там три чемодана, портативную пишущую машинку, сумку с клюшками для гольфа, маленький портфель и шляпную коробку. Рэвен слышал, как он спросил, с какой платформы уходит двенадцатичасовой поезд.

Рэвен сел в громадном зале рядом с моделью «Ракеты» Стефенсона[1]. Ему надо было подумать. В полночь отходил только один поезд. Если Чолмонделей ехал, чтобы доложить, значит его хозяева находятся где-то на дымном промышленном севере, так как поезд шел без остановок до Ноттвича. Номера банкнотов были уже везде известны. Кассиры в билетных кассах наверняка их получили.

Понемногу, пока он сидел под «Ракетой» среди узлов и оберток от сандвичей, в голове Рэвена формировался план. Возможно, кондуктора на поездах не получили номеров. О них могли позабыть. Конечно, оставалась опасность, что банкнот укажет потом, что он был в поезде, уходящем на север. Последует погоня, но она задержится примерно на полдня, а за это время он сможет подобраться поближе к своей жертве. Рэвен никогда не мог понять других людей. Они, как ему казалось, жили совсем не так, как он. И несмотря на то, что он был зол на мистера Чолмонделея, ненавидел его достаточно, чтобы убить, он не мог представить себе его страхов и причин его поступков. Он был борзой, а мистер Чолмонделей только механическим зайцем; но в данном случае и за борзой охотился еще один механический заяц.

Он был голоден, но он не мог рисковать, разменивая банкнот. У него не было медяшки для того, чтобы пройти в уборную. Через некоторое время он поднялся и, чтобы согреться, пошел по вокзалу. В одиннадцать тридцать он увидел, как мистер Чолмонделей получил свой багаж, миновал барьер и пошел вдоль освещенного поезда.

Без двух минут двенадцать Рэвен побежал вперед. Паровозный дым мчался над платформой ему навстречу. Он сказал контролеру у барьера:

— Я не успел купить билет. Заплачу в поезде. — И бросился к первому классу.

Вагоны были уже заперты и полны. Носильщик крикнул ему, чтобы он бежал дальше. И он побежал. Он успел только-только. Он не смог найти места и стоял в коридоре, прижав лицо к стеклу, чтобы скрыть заячью губу, глядя, как Лондон проплывает и исчезает из глаз. Зажженный семафор, освещенная будка стрелочника, длинная вереница черных домов на фоне усеянного холодными звездами неба... Он наблюдал, потому что ему больше ничего не оставалось делать, чтобы скрыть губу; наблюдал, как человек, который смотрит в последний раз на то, что он так любил.

2

Матер шел обратно по платформе. Он был расстроен, но в конце концов это не так важно: он увидит Энн через несколько недель. Это не значило, что его любовь была меньше ее любви, но просто его мозг стоял на более надежном якоре. Он на службе. Он трудится, чтобы избавить людей от преступлений. Его могут повысить, и они поженятся. И он перестал думать о девушке.

---

[1] «Ракета» — первый паровоз, построенный английским изобретателем Стефенсоном. (*Прим. переводчика.*)

Сондерс ждал по другую сторону барьера. Матер сказал:

— Поехали.

Они поехали на юго-восток, к Кеннингтону.

Динамик в машине произнес:

«Полицейским машинам проследовать в район Кингз Кросс для интенсивных поисков. Рэвен отправился к вокзалу Юстон в семь вечера. Мог не уехать поездом».

Матер наклонился к шоферу.

— Поверните назад к Юстону.

Горел свет на башне Вестминстера. Парламент заседал всю ночь, и оппозиция проигрывала битву против мобилизации.

Было уже шесть утра, когда они повернули обратно. Сондерс спал. Ему снилось, что он имеет независимый доход, что он пьет шампанское с девушкой. Что все замечательно. Матер делал записи в книжке. Он сказал Сондерсу:

— Он наверняка сел в поезд. Могу поспорить...

Заметил, что тот спит, накрыл его пледом и задумался.

Они повернули к воротам Скотланд-ярда.

Матер увидел свет в кабинете главного инспектора.

— Есть что доложить? — спросил Кьюсэк.

— Нечего. Он, должно быть, сел в поезд, сэр.

— У нас мало данных для такого предположения. Рэвен следовал за кем-то к Юстону. Мы стараемся найти водителя первой машины. Мы кое-что про Рэвена раскопали. Мальчишкой его отправили в ремесленную школу. Он сообразителен, и нам не попадался. Я не пойму, почему он так себя ведет. Неглупый парень. А оставляет такой след.

— Сколько у него денег, кроме этих банкнотов?

— Вряд ли много. Что-нибудь придумали, Матер?

Небо над городом светлело. Кьюсэк выключил настольную лампу, и комнату охватил полумрак.

— Я полагаю, — сказал Матер, — что во всех кассах есть номера банкнотов?

— Во всех без исключения.

— Мне кажется, — размышлял Матер, — что если у тебя ни копейки денег, кроме этих несчастных банкнотов, и ты хочешь сесть на экспресс...

— Почему вы решили, что экспресс?

— Не знаю, почему так сказал, сэр. Правда, если бы он сел на пассажирский, который останавливается на каждом углу, кто-нибудь обязательно сообщил бы нам...

— Может быть, вы и правы.

— Ну вот, если бы я хотел сесть на экспресс, я дождался бы последней минуты и купил бы билет в поезде. Я не думаю, чтобы у контролеров были номера.

— Ну что ж, вы, наверно, правы. Вы устали?

— Нет.

— Хорошо, а я устал. Не останетесь ли вы здесь и не обзвоните ли все вокзалы? Составьте список экспрессов, которые отошли после семи вечера. Скажите, чтобы позвонили на все станции, проверили, нет ли где человека, который покупал билет в поезде. Мы скоро узнаем, где он слез. Спокойной ночи, Матер.

— Доброго утра, сэр. — Он любил быть точным.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского
КИР. БУЛЫЧЕВА

ПЕСЧАНЫЙ ДОЖДЬ НАД САН-ХОСЕ

Вулкан Ирасу, что лежит в 25 километрах западнее столицы Сан-Хосе, — самая высокая из четырех вулканических гор на территории Коста-Рики.

Еще несколько лет назад с его вершины высотой в 355 метров открывались бескрайние, покрытые одеялом сплошной зелени альпийские луга с бесчисленными стадами коров и овец.

Но вот уже третий год толстый слой песка и пепла покрывает равнины у подножья вулкана. Ирасу не оставил здесь ни кустика, уничтожил птиц и насекомых. Северная сторона его склона покрылась громадными серовато-зелеными валунами, а южная превратилась в пепельно-песчаную пустыню. Ирасу — «сухой» вулкан, он не выбрасывает раскаленной лавы. Мощное извержение Ирасу произошло в 1917 году, потом песчаный «дождь» осыпал город в течение двух лет. Затем вулкан просыпался в 1933 и 1943 годах.

И вот в ночь на 13 марта 1963 года снова раздался идущий из глубины хрипловатый голос. Вверх вырвались многотонные каменные глыбы; замирая на мгновенье в воздухе, они с грохотом возвращались обратно в кратер. Едва успела стихнуть канонада, как через несколько секунд на километровую высоту над кратером взвилось густое черно-коричневое облако.

Ветер отнес облако, и оно медленно начало оседать на землю, на крыши домов, на парки, площади и улицы Сан-Хосе.

Магазины столицы начали бойко торговать защитными очками и дыхательными масками. А песчаный «дождь» продолжался. Через два месяца из-за наносов пепла был закрыт аэропорт для грузовых самолетов, сократилось количество рейсов и на пассажирских авиалиниях. В июле остановились часы на башнях храма, центрального почтамта, банков, министерств и гостиниц. Вулканическая пыль безжалостно разрушала металлические конструкции жилых и административных зданий, самолеты, поезда, автомашины.

Целый год не прекращалась деятельность вулкана. Ирасу выбросил более 3 миллионов тонн песчаной смеси, которая содержит кремний, железо, алюминий, магний, кальций и другие окиси. Но «дары» Ирасу превратились в настоящее бедствие для Коста-Рики.

Вулканическая пыль начала угрожать здоровью полуторамиллионного населения страны, парализовала нормальную жизнь Сан-Хосе и близлежащих районов.

Бывали дни, когда город погружался во мрак: солнце скрывалось за густой пеленой песка и пепла.

Черная и желтая, красная и бурая вулканическая смесь закрывала подходы к дверям домов, забивала замочные скважины и форточки, проникала в квартиры даже через закрытые сетками окна. Не спасали от песчаного «дождя» и мокрые полотнища, которыми занавешивались окна и двери хирургических отделений госпиталей.

Но наиболее ощутимый ущерб был нанесен сельскому хозяйству страны. Когда-то плодородные земли, ранее обогащавшиеся пеплом от предыдущих извержений вулкана, превратились в мертвую пустыню. Под песчаной пылью очутилось свыше 85 тысяч акров посевов и пастбищ. Тысячи животных лишились зубов, истертых о траву, пересыпанную пылью.

Песчаный «дождь» нанес огромный ущерб и урожаям кофе — основной статье экспорта Коста-Рики.

Нашлись и «счастливчики», которым извержение принесло прибыли. Прибавилось работы у чистильщиков, часовщиков и парикмахеров, увеличился спрос на одеколон и прочую

косметику. В три раза возросла продажа глазных капель. Круглые сутки работали мастерские, изготовляющие метлы. Пришлось даже импортировать метелки... из Аргентины. Наиболее предприимчивые дельцы стали продавать иностранным туристам сувениры — бутылочки с пеплом Ирасу.

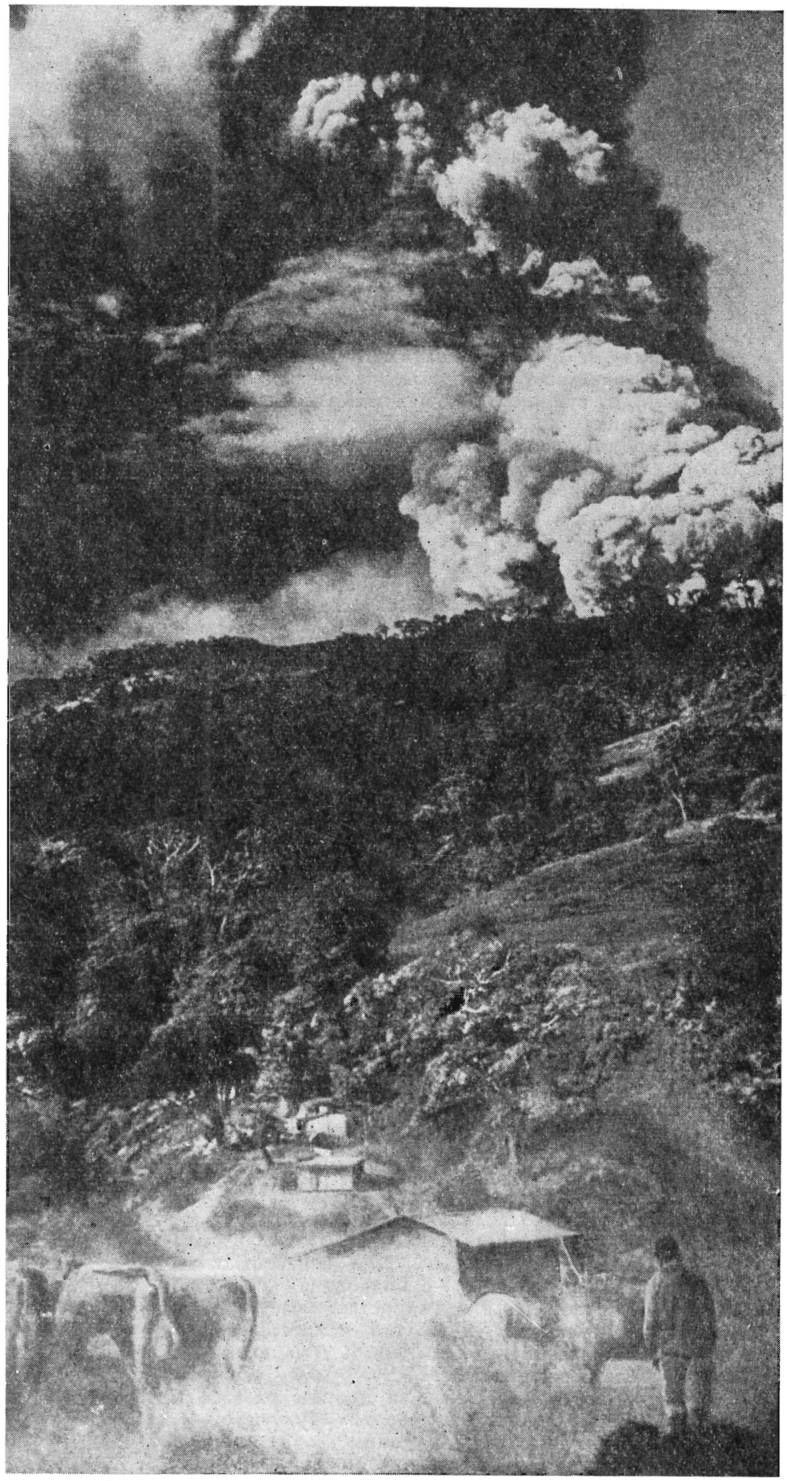
Над проблемой Ирасу работали вулканологи многих стран. Американский ученый К. Д. Мурат, изучив причины извержения Ирасу, предположил, что вулкан представляет собой огромный фильтр. В этом «фильтре» очищаются поступающие при извержении со дна вулканической горы горячие газы от расплавленной лавы. При подъеме расплавленная лава вступает в контакт с дождевыми и подземными водами, находящимися на стенках кратера, которые, охлаждая ее, закрывают лаве выход на поверхность. Поэтому образующийся при охлаждении пар вместе с напирающими газами выбрасывает из кратера только размельченные частицы лавы и мельчайшие песчинки. К. Д. Мурат высказал предположение, что извержение Ирасу продлится не более шести месяцев; причем вспышки по своей разрушительности будут значительно слабее тех, которые были с марта по август. Спустя месяц другой вулканолог, японец Моримото, подтвердил его предположения.

Однако в конце ноября Ирасу с еще большей силой обрушился на город, на некоторых улицах Сан-Хосе толщина вулканической смеси достигла нескольких сантиметров. Закрылись магазины и кинотеатры. Остановился транспорт. Город снова погрузился во мрак.

Девятого декабря песчаный «дождь» превратился в настоящий тропический «ливень». Огромные сугробы песка и пепла запрудили верховье находящейся вблизи вулкана реки Ревентадо. Ночью хлынул сильный, на этот раз настоящий ливень. Река прорвала песчаную плотину, и ее потоки устремились в долину, сметая все на своем пути.

Вскоре после наводнения прекратился и песчаный «дождь». Все облегченно вздохнули в надежде на то, что гроза, наконец, миновала. Ожила и столица Коста-Рики. Приближалось рождество, и владельцы магазинов готовились к приему рождественских покупателей. Но это была преждевременная радость.

Накануне рождества Ирасу снова зашевелился. В январе под тяжестью вулканической золы, накопившейся на крышах, рухнули два кинотеатра.

На грани разрушения оказались и некоторые другие здания.

И опять появились проекты по умиротворению вулкана. Одни предлагали сбросить в кратер Ирасу мощную бомбу, другие — установить в районе вулкана колоссальные помпы для выкачивания излишков подземных вод, третьи предлагали закрыть кратер вулкана огромной металлической сеткой.

Но никто не может пока предсказать, как будет вести себя Ирасу. Любой день может принести жителям Сан-Хосе новые испытания песчаным «дождем».

ВЛ. ДМИТРИЕВ

Трудно сказать сейчас, как был снаряжен первый рыболов: была ли поймана первая рыба примитивной удочкой, или сетью, или убита примитивным гарпуном. Сотни тысяч лет рыбаки планеты совершенствовали орудия лова. И на протяжении многих тысяч лет рыболовный промысел оставался одним из самых опасных, тяжелых и неверных способов добычи пропитания.

В поединке между рыбаком и рыбой у последней оставалось преимущество — она в родной стихии, а рыбак в море лишь гость. В последнее время большую помощь рыбакам стала оказывать авиа- и акустическая разведка. Однако даже в наш век, когда величайший научный и технический прогресс, казалось бы, сделал человека хозяином моря, он, в сущности, лишь начинает по-настоящему проникать в его глубины.

Для проникновения человека в просторы «соленого континента» нужны глубоководные аппараты. Советские конструкторы положили немало

РАЗВЕДЧИКИ ГЛУБИН

труда на их создание. Первая в мире научно-исследовательская лодка «Северянка» исследовала огромные акватории Баренцева, Норвежского и Гренландского морей. Спустившись к «самим рыбам», она собрала ценный материал, представляющий большой интерес для промыслового флота, — о течениях Северной Атлантики, о распределении планктона — рыбьего хлеба, об освещенности и температуре глубин. Следом за «Северянкой» отправились в глубину подводный планер «Атланта-1», гидростат Гипрорыбфлота «Север-1»... Непосредственное наблюдение за морскими животными, фотографирование рельефа, процессов добычи рыбы тралом и другими орудиями лова позволили этим глубинным разведчикам получить массу чрезвычайно важных сведений о подводном мире.

Сейчас возникает много споров о том, какие аппараты возьмет на вооружение исследователь океанских глубин. Подводная техника находится сегодня примерно на той стадии, в которой в начале века находилась авиация. Еще неизвестно, какие глубинные снаряды — подводная лодка или батискаф, батисфера или гидростат, мезоскаф или «ныряющее блюдце» — получат наибольшее применение. Человек будет испытывать и использовать самые разнообразные устройства для обитания в морских глубинах. Один за другим разрабатываются смелые проекты аппаратов будущего.

Многим энтузиастам изучения моря известны имена конструкторов и горячих мечтателей Михаила Николаевича Диомидова и Александра Николаевича Дмитриева. Недавно вторым изданием вышла их книга «Покорение глубин». В этой книге тщательно выверенные практические расчеты разных типов глубинных аппаратов сочетаются с проектами будущего.

Помню редкий для Ленинграда зимний солнечный день, когда оба Николаевича, увлеченно споря друг с другом, рассказывали о подводной технике завтрашнего дня — о глубоководных машинах с высокой степенью надежности, с совершенными средствами телеуправления, с кибернетическими машинами, со всем многообразием оборудования — в зависимости от тех задач, которые станут перед человеком при освоении ресурсов океана.

В зимний солнечный день два мечтателя думали о вечном мраке в глубинах океана, где будут работать удивительные машины. Например, автомат — разведчик рыбьих стай. На поверхности моря плавает радиобуй с антенной и солнечными батареями для зарядки аккумуляторов, питающих радиопередатчик. Радиобуй соединен кабелем с автоматической станцией, стоящей на глубине. Приборы этой станции прощупывают толщу воды и, обнаружив косяки, сообщают о них рыболовным судам. Такая станция-автомат могла бы собирать сведения и об освещенности моря, о прозрачности воды, шумах моря, колебаниях земной коры и т. д. В книге можно найти рисунок — проект радиобуя.

Рассказывали Михаил Николаевич и Александр Николаевич о том, что сейчас практически возможно построить и такой аппарат, который бы проводил глубинную разведку полезных ископаемых. Такой подводный аппарат-геолог, быть может, в скором времени понадобится человеку.

И, возвращаясь снова к рыбе, мы говорим о том недалеком будущем, когда человек начнет сам управлять рыбьими косяками. На первых порах понадобятся, видимо, легкие в управлении «вертоплавы» типа батискафов-вертолетов. Сопровождая плавучую базу, они будут вести и разведку рыбы и лов. Пилот-рыбак найдет косяк, выбросит трал, загрузит рыбой специальную камеру и затем доставит ее в трюмы плавучей базы.

Такие быстроходные глубинные суда могут использоваться и в научных целях и для охоты за крупными морскими хищниками.

В своей книге М. Диомидов и А. Дмитриев рассказывают и о проектах других подводных аппаратов: о «ныряющем рудовозе», о «глубинных тракторах», способных «перепахивать» дно океана, сеять водоросли, разводить рыбью молодь, о механических «чабанах», вооруженных телевизионными и ультразвуковыми аппаратами, которые будут перегонять косяки с пастбища на пастбище или в район промысла.

Новая техника, живущая сегодня в идеях и расчетах, в первых глубоководных аппаратах и опытных конструкциях, завтра придет на вооружение человека, осваивающего Мировой океан.

Е. ФЕДОРОВСКИЙ

КОНДУИТ МЕСОПОТАМСКОГО ШКОЛЬНИКА

„Что ты делал вчера в школе? Я выучил наизусть таблицу, позавтракал, изготовил новую дощечку для письма и исписал ее до конца, затем я получил устное задание, а после обеда снова письменное. После окончания уроков я пошел домой. Когда я вошел в дом, там сидел мой папа. Я рассказал ему о письменной работе, а затем повторил выученную наизусть таблицу. Папа был очень доволен».

...Если бы не упоминание о каких-то непонятных дощечках, можно было подумать, что мы читаем классное сочинение чрезвычайно прилежного современного третьеклассника. Это действительно сочинение школьника начальных классов, но написано оно... три-четыре тысячи лет назад в Месопотамии.

Археологи, исследуя жизнь шумеров — народа, некогда населявшего территорию этой страны, нашли большое количество глиняных табличек, на которых шумерские школьники выполняли классные и домашние задания, и узнали, чему и как обучали в те далекие времена.

На этих дощечках можно увидеть таблицы умножения, правила извлечения квадратного и кубического корней, задачи по практической геометрии: например, сколько нужно вынуть земли, чтобы построить колодец заданных размеров

Но особый интерес представляют дощечки с описанием школьной жизни, своего рода классные сочинения.

...Итак, один день для шумерского школьника прошел спокойно — «папа был очень доволен». Но зато на другой день на него в прямом смысле слова посыпался град ударов (нравы в те времена были крутые). Во-первых, он опоздал в школу и получил замечание. Просмотрев его домашнее задание, учитель обнаружил ошибку и без лишних слов наставил бедняге синяков. Но это был еще далеко не конец его злоключений. Надсмотрщик, наблюдавший за поведением ученика, избил его дважды: один раз за то, что он «зевал по сторонам», а другой раз за то, что «его одежда пришла в беспорядок». В заключение учитель сказал: «Твой почерк никуда не годится», — и подкрепил свои слова ударами плетки.

Полный курс обучения в шумерской школе длился много лет. Однако старательный и прилежный ученик уже через два года получал звание «младшего писаря». С этого момента к нему прикрепляли новичка; младший писарь давал ему письменные задания, объяснял и исправлял их, прежде чем сдать учителю.

Воспитанники школ Южной Месопотамии вступали в жизнь с солидным багажом знаний: шумерские дети изучали грамматику, математику, зоологию, минералогию, естествознание и географию. Выпускник такой школы мог с полным правом считать себя образованным человеком своего времени.

К. ЮРЬЕВ

ЛЕСОРУБЫ НЕМАЛО ПОТРУДЯТСЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПРЕВРАТЯТ ЭТО ДЕРЕВО-ОСЬМИНОГ В ШТАБЕЛЬ ДРОВ. СНИМОК СДЕЛАН КОРРЕСПОНДЕНТОМ ТАСС В. ГЕНДЕ-РОТЕ В СЕВЕРНОЙ ИНДИИ, У ГОРОДА ПАТНА.

ЖАК-ИВ КУСТО

КРАСНОЕ МОРЕ ИЗ ИЛЛЮМИНАТОРА САМОЛЕТА

Реактивный самолет ДС-8 вылетел из Джибути рейсом Афины — Марсель — Париж. Отстегивая предохранительный пояс, вспоминаю, что еще сегодня в пять утра я находился в заливе Таджура на глубине 300 метров вместе с Альбером Фалько — старшим пилотом «ныряющего блюдца» — этой замечательной исследовательской подлодки-«малютки».

Никак не могу свыкнуться с тем, что, позавтракав в Джибути на борту «Жанны д'Арк» (на том самом корабле, где в 1932 году я служил курсантом), сегодня же вечером буду в Париже! Однако мысли об этом чуде нашей эпохи не могут заглушить чувства тоски, охватившей меня после того, как я покинул свой родной «Калипсо» — пусть всего на несколько дней; ведь там остались мои товарищи, чей энтузиазм, золотые руки и светлые головы сделали путешествие 1963 года, пожалуй, самым волнующим в моей жизни.

Пока самолет набирал высоту, я успел разглядеть слева и позади молочные рифы сомалийского побережья, справа вдали отмель — белесую полоску, простирающуюся с востока на запад. Сегодня утром мы погружались на севере этой отмели...

Впереди виднеются остров Перим и пролив Баб-эль-Мандеб — горловина, соединяющая Красное море с Аденским заливом, Аравийским морем и Индийским океаном.

Сквозь прозрачную дымку вижу простирающуюся внизу узкую полоску Красного моря, которое столько лет волнует меня...

Вот и зловещие апостолы дьявола — группа островов Зебаир. Все они вулканического происхождения. Именно у этих островов мы пытались укрыться от разбушевавшейся стихии. Остров Саба — здесь полным-полно розовых фламинго. Джебел Таир, или Черный Колпак, у берегов которого наше «блюдце» погружалось пятнадцать дней назад, берега Йемена... Остров Камаран... Здесь мы погружались в 1954 и 1955 годах...

Вдали виднеется северная часть Фарасанских рифов, там остров Абулат, где мы работали целых два месяца в 1951 и 1952 годах на нашем «Калипсо».

Главы из новой книги «Мир без солнца».

КОРАЛЛОВЫЙ КОВЕР

Огромная зона — 500 на 80 километров — у берегов Саудовской Аравии обозначена на картах большим «белым пятном» с провокационной пометкой: «Зона усеяна опасными рифами, проливы глубоководны, но непроходимы...» В 1952 году мы смогли исследовать на «Калипсо» лишь окрестности этого района. Но здесь, в самолете, на высоте, я обрел орлиный взор, и все фарасанские рифы кажутся мне сказочным ковром.

Здесь в темно-синюю полосу моря (глубина не меньше 400 метров) вплетаются разноцветные гряды коралловых рифов — иссиня-черных, бирюзовых, нефрито-зеленых, охровых, сиреневых и снежно-белых. То тут, то там рифы проступают из моря, образуя разрозненные островки, на которых морские черепахи откладывают яйца. Чаще всего эти рифы слегка скрыты водной гладью. В хаотичных очертаниях рифов можно различить эллипсы, треугольники, полукруги; порой даже трудно разобраться в этом беспорядочном нагромождении геометрических фигур.

Слева, поодаль, у берегов Судана, — Суакинская гряда рифов. Это «близнецы» фарасанских.

Красное море — глубокая расселина, сравнительно недавнего — с геологической точки зрения — происхождения. В этот излом протяженностью 2 тысячи километров и глубиной более 200 метров вливаются воды Индийского океана с его богатейшей фауной.

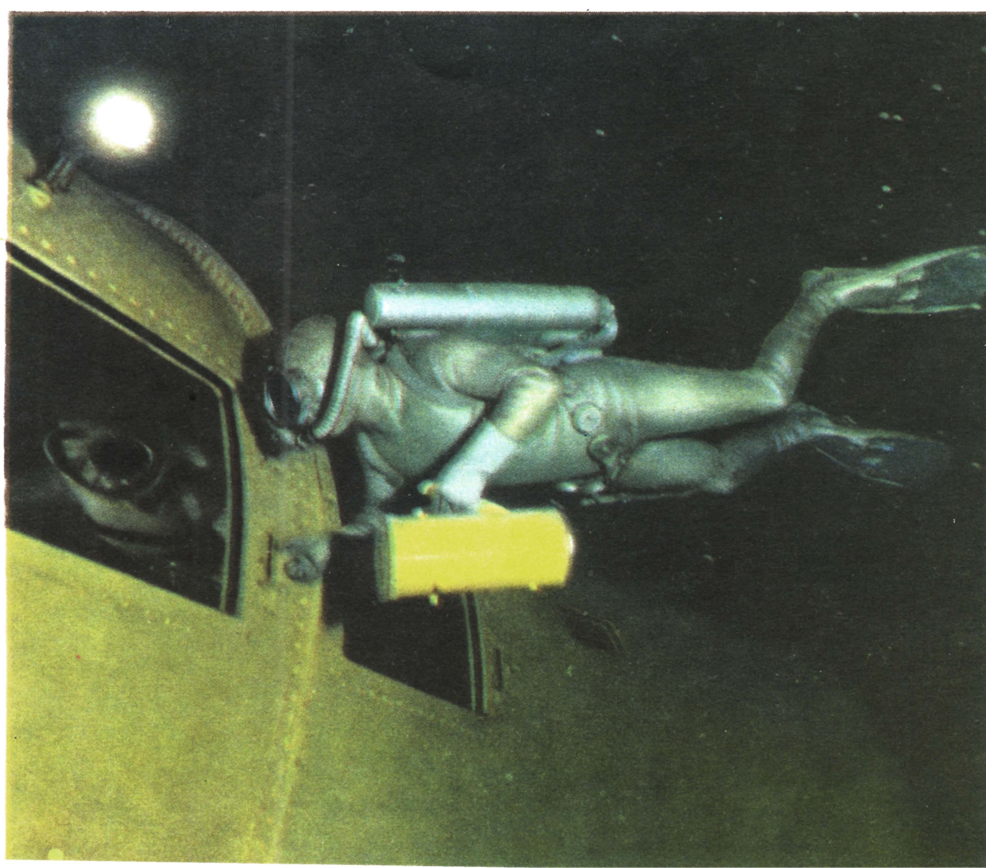
ШТУРМ КРАСНОГО МОРЯ

В 1963 году мы совершили беспрецедентный штурм Красного моря. В течение шести месяцев два судна — «Калипсо» и «Розальдо» — с 52 учеными, техниками и высококвалифицированными мореплавателями пожинали плоды самых последних достижений инженерной мысли — «ныряющего блюдца» «Дениза» и подводного города «Преконтинент-2». Начиналось же знакомство с морскими глубинами так...

Завесу морских тайн приоткрыли первые ныряльщики с аквалангами. В 1952, 1954 и 1955 годах наша команда совершила несколько погружений в аквалангах на максимальную глубину 70 метров.

Акваланглсты «выкорчевывают» коралловые кусты. Здесь будет гараж для «ныряющего блюдца».

Подводное жилище океанавтов.

В настоящее время океанографические институты всего мира организуют подводные экспедиции аквалангистов. Однако погружения с аквалангами подчиняются весьма суровым законам декомпрессии, которые ограничивают как глубину, так и длительность погружения.

Мысль о «Денизе», нашем «ныряющем блюдце», возникла у меня в Красном море. В 1952 году во время одного из захватывающих погружений недалеко от рифа Шаб-Сулеим я отчетливо понял, что нам необходима маленькая исследовательская подводная лодка, которая не уступала бы по своей маневренности ныряльщикам-аквалангистам.

В тот раз мне пришлось погружаться вдоль головокружительной отвесной кручи, и вот что я увидел.

Глубина 6—7 метров: всюду каменные кружева, навесы из ветвистых и сетчатых кораллов, испещренные причудливыми гротами и переходами, в которые мы остерегаемся вплывать.

Глубина 7—15 метров: значительно меньше гротов, но много кораллов; праздник рыб самых различных цветов в разгаре.

Глубина 15—35 метров: все еще погружаясь по вертикали, вхожу в зону альционер, похожих на сельдерей, но розоватого или светло-сиреневого цвета.

Глубина 35—50 метров: круча, похожая на обрывистый средиземноморский берег, с небольшими лоджиями, ярко расцвеченными красками, оранжевыми, бордовыми и светло-желтыми плитами.

Глубина 50 метров: мы у подножья обрыва, переходящего под углом в 45 градусов в мрачный песчаный склон серого цвета.

Спускаясь вдоль этого откоса, на глубине 65 метров обнаруживаем второй обрыв, также очень отвесный. Начинается царство глубинного опьянения; именно на этой глубине у ныряльщика появляется привкус металла во рту, возникают галлюцинации, и человек теряет над собой контроль. Я хорошо понимал, что здесь задерживаться нам не следует, но вопреки рассудку не мог удержаться от соблазна взглянуть хотя бы мельком на этот второй утес.

Самые разнообразные формы жизни предстали перед моим взором: оранжевые губки витиеватой формы, белые изогнутые прутья, похожие на прогулочные трости, причудливые студенистые клубки, словно затянутые паутиной.

Перед тем как подняться на поверхность, я дал себе слово сконструировать аппарат, который позволил бы нам обследовать второй утес до самого основания коралловых рифов.

Слово свое я сдержал, и вот в 1953 году в Марселе было организовано французское управление подводных исследований.

В 1955 году инженеры Лабан и Моллар принялись засучив рукава за разрешение поставленной перед ними задачи, и в 1959 году «ныряющее блюдце», окрещенное «Денизой», было спущено на воду в Пуэрто-Рико, а затем в Гваделупе.

В январе 1960 года мы совершили первое погружение на 300 метров в заливе Ажакио. Перед нашим отплытием в Красное море на счету «ныряющего блюдца» было уже 70 глубинных погружений. Почти все из них проводились с научно-исследовательскими целями.

«Дениза» не маленький батискаф, а настоящая миниатюрная подводная лодка, которая обладает определенной плавучестью и не нуждается в двигателях внутреннего сгорания для надводного хода. В отличие от подводных лодок сигарообразной формы «Дениза» напоминает огромного краба; но, хотя у нее огромные глаза и клешня, она весьма компактна. Можно было бы увеличить скорость «Денизы», придав ей сигарообразную форму, но при этом маневренность ее ухудшилась бы.

Экипаж «блюдца» — пилот и наблюдатель — располагается в стальной дискообразной скорлупе диаметром 2 метра. В «блюдце» поддерживается атмосферное давление, нормальный состав воздуха, беспрерывно подается кислород и действует специальный поглотитель углекислого газа.

Экипаж работает в лежачем положении. Для этой цели служат удобные каучуковые маты. «Дениза» снабжена двумя иллюминаторами для фронтального обзора и тремя полусферическими прозрачными иллюминаторами для верхнего обзора. Она освещает свой путь мощными прожекторами. «Блюдце» имеет передний и задний ход, разворачивается и кружится на месте, поднимается и погружается под любым углом, парит под водой и дрейфует на поверхности. Внешняя гидравлическая клешня сгибается и вытягивается, раскрывает свои стальные щеки, захватывает и кладет в своеобразную корзину-баул образцы, взятые у моря. С помощью трех эхолотов, подводных фото- и кинокамер, синхронизированных с электровспышкой, магнитофона, рассчитанного на ведение длительных записей, оказалось возможным зафиксировать все, что творится на дне морском.

Внутренняя часть «блюдца» как бы обшита задвижками, вентилями, рычагами, кнопками и циферблатами контрольных приборов. Но сами механизмы находятся снаружи, работают в воде и подвергаются давлению морских глубин. Это аккумуляторы, двигатели, насосы, гидравлические домкраты, электрические реле. Наконец, шагая в ногу с веком реактивного транспорта, конструкторы «ныряющего блюдца» снабдили его вместо гребного винта реактивными движителями. На «Денизе» установлены два сопла (они выбрасывают воду, прокачиваемую насосом) не для того, чтобы придать «блюдцу» большую скорость, тем более что коэффициент полезного действия реактивных сопел меньше, чем у гребных винтов, а чтобы они занимали меньше места и обеспечивали лучшую маневренность — ведь сопла можно поворачивать и попеременно и одновременно в любом направлении.

25 ПОГРУЖЕНИЙ В НЕИЗВЕДАННЫЕ ГЛУБИНЫ

С 13 марта 1963 года, дня первого погружения «ныряющего блюдца» в Красном море, под рифами Шаб-Али, роль «Калипсо» стала сводиться в основном к тому, чтобы перевозить «блюдце». Команда судна старается использовать «Денизу» с максимальным эффектом. 25 погружений, и все на глубину 280—300 метров! Причем каждое длилось не меньше четырех часов! В этот период наблюдения проводились и днем и ночью. Более ста часов ушло на исследование зоны от самой северной части Красного моря до Индийского океана.

...Два часа ночи, меня только что разбудил Анри Плэ, наш вахтенный офицер. Вскакиваю, быстро натягиваю свой голубой комбинезон и, несмотря на знойную ночь, закутываю шею мохнатым полотенцем; беру с собой очки, миниатюрный карманный фонарик, перочинный ножичек, катушку прозрачной

клейкой ленты. Все это может пригодиться в пути. В кают-компании встречаюсь с членами экипажа, которые греют кофе, все еще протирая глаза. Альбер Фалько в тельняшке, Жак Ру, Арман Давсо, судовой врач Бурд, водолаз Боннисси и, конечно, Маритано — капитан «Калипсо». Здесь же команда такелажников — Поль Зюэна, Антонио Лопез, Реймон Коль.

Всякий раз перед первыми погружениями происходила торжественная церемония — тщательно взвешивали пассажиров «блюдца». Теперь же вес каждого известен, и Фалько остается лишь в зависимости от комплекции своего спутника прицепить или отцепить от «блюдца» свинцовые грузы.

На ярко освещенном юте каждый занят своим делом. Ру отсоединяет аккумуляторные батареи, находившиеся до последней минуты на подзарядке. Давсо проверяет исправность фотовспышек. Боннисси с Фалько подвешивают две чугунные балластины по 25 килограммов, которые после погружения навечно останутся на дне морском. Тут же заполняются кислородом баллоны и устанавливаются ящики с поглотителем углекислого газа.

К трем часам утра все налажено и проверено. Первым в «блюдце» забирается Фалько. Наступает мой черед. Вскарабкиваюсь на нашего огромного желтого краба, проскальзываю в узкий люк и опускаюсь в стальной купол. Фалько осторожно и тщательно задраивает люк, проверяя одновременно водонепроницаемый шов. Пока он устраивается на своем рабочем месте, я успеваю произвести ряд переключений на пульте управления, включаю нагреватели воздуха и кислорода, проверяю вспышку прожектора, фото- и кинокамеры. Фалько регулирует расход кислорода, в последний раз сверяет гирокомпас «блюдца» с компасом «Калипсо» и по телефону передает, что мы готовы к погружению.

Чувствуем, как нас приподнимают. Некоторое время висим над палубой, через иллюминаторы видны заботливые и напряженные лица наших товарищей. Затем с легким шуршанием «блюдце» опускается и с плеском уходит в свою родную стихию. Над головой раздаются резкие удары — это Боннисси отцепляет сперва «блюдце», затем отсоединяет строп и телефонный кабель.

И вот мы на свободе. Фалько включает на несколько секунд водометные движители. Воздушные пробки, образовавшиеся в трубах, прогоняются через сопла, и мы начинаем медленно «идти ко дну». Лишь клин света нашего прожектора пронизывает кромешную тьму морских пучин. Почти все время одна или две акулы кружатся возле «блюдца». Искоса следя за ними, Боннисси провожает нас, погружается еще на несколько метров, протирает напоследок наши плексигласовые иллюминаторы и, устремившись вверх, исчезает.

ДЫХАНИЕ МОРЯ

Включаем эхолот. С помощью специального переключателя направляю ультразвуковые сигналы вверх и выясняю, на какой глубине мы находимся, проверяя при этом, правильны ли показания манометров. Направляю затем сигналы в глубину, чтобы установить точное расстояние до дна и скорость нашего погружения. Посылая сигналы вперед, заранее узнаю о тех невидимых препятствиях, которые встретятся на нашем пути. По эхолотограмме мы можем судить о близости тех подводных слоев, которые еще вчера казались таинственными. Глубинные диффундирующие слои — это горизонтальные водные пласты, фон которых нелегко отличить от грунтового. Благодаря «ныряющему блюдцу» мы смогли установить, что эти слои постоянно аккумулируют очень мелкие частицы, которые сильно снижают видимость. Ночью эти слои поднимаются к поверхности, и мы их почти мгновенно проходим, днем — опускаются на несколько сотен метров. Такой ритм дыхания моря регулируется солнцем. Эти грандиозные суточные флюктуации охватывают миллионы тонн планктона и влияют (и прямо и косвенно) на весь цикл жизни морей и океанов.

Одна из задач, стоящих перед нами, — исследование гигантских ежесуточных миграций по вертикали в этом грандиозном приливе жизни. Когда опускаются и поднимаются мириады микроорганизмов, вслед за ними опускаются и поднимаются питающиеся ими более крупные морские обитатели. «Жители» верхних этажей следуют за этими микроорганизмами до определенной глубины. «Жители» нижних этажей — кальмары и малоизвестные нам рыбы — следуют за ними вверх до определенного уровня. Мы чаще погружаемся ночью, так как только ночью на глубине от 200 до 300 метров мы можем увидеть тех животных и рыб, которые днем недосягаемы для «ныряющего блюдца».

Несметное множество мелких блестящих рыбешек днем скрывается в углублениях скалистых круч, и только ночью, когда на глубине от 150 до 300 метров проходят диффундирующие слои, они выплывают, чтобы полакомиться крошечной добычей. А ранним утром весь этот серебристый народ торопливо возвращается в свое жилье. Но горе тому, кто не успеет вернуться домой! С запоздавшими зверски расправляются крупные мародеры — пришельцы с поверхностных слоев, опускающиеся в эти глубины с восходом солнца.

В море есть свои времена года. Летом и осенью оно цветет, как наши луга. Каждую неделю мы оказываемся свидетелями появления все новых видов рыб; в морских глубинах в борьбе за существование возникают все новые атакующие цепи.

ТРЕТЬЯ КРУЧА

Когда свет нашей фары тускнеет, мы уже знаем: скоро дно. Наше «блюдце» скользит на глубине 45—50 метров над песчаным уступом, покрытым обломочными породами. Фалько одним мановением руки поворачивает рукоятку, и часть балласта бесшумно отделяется и падает в песок, а наше «блюдце», облегченное таким образом на 25 килограммов, продолжает путь. Погружение замедляется, и мы совершаем очень мягкую, без единого толчка посадку.

— Мы примерно на десять килограммов тяжелее, чем следует, — сообщает Фалько и нажимает на кнопку пуска балластного электронасоса.

Меньше чем за минуту десять лишних литров водного балласта сбрасываются в море, и «блюдце», слегка покачиваясь, готово вновь ринуться вперед. Фалько включает двигатель, наша подлодка-«малютка» трогается, и мы по гирокомпасу плывем под уклон вдоль уступа и вскоре достигаем шестидесятиметровой глубины. Здесь начинается та самая вторая круча, которую я видел в 1952 году, погружаясь с аквалангом.

Когда мы проплываем над резко очерченным

краем кручи, Фалько переводит рычаг, и в течение трех секунд 70 килограммов ртути перетекают в крайний передний резервуар. «Блюдце» наклоняется под углом в 35 градусов. Но этого, конечно, недостаточно. Тогда мы начинаем опускаться вдоль коралловой стены зигзагом.

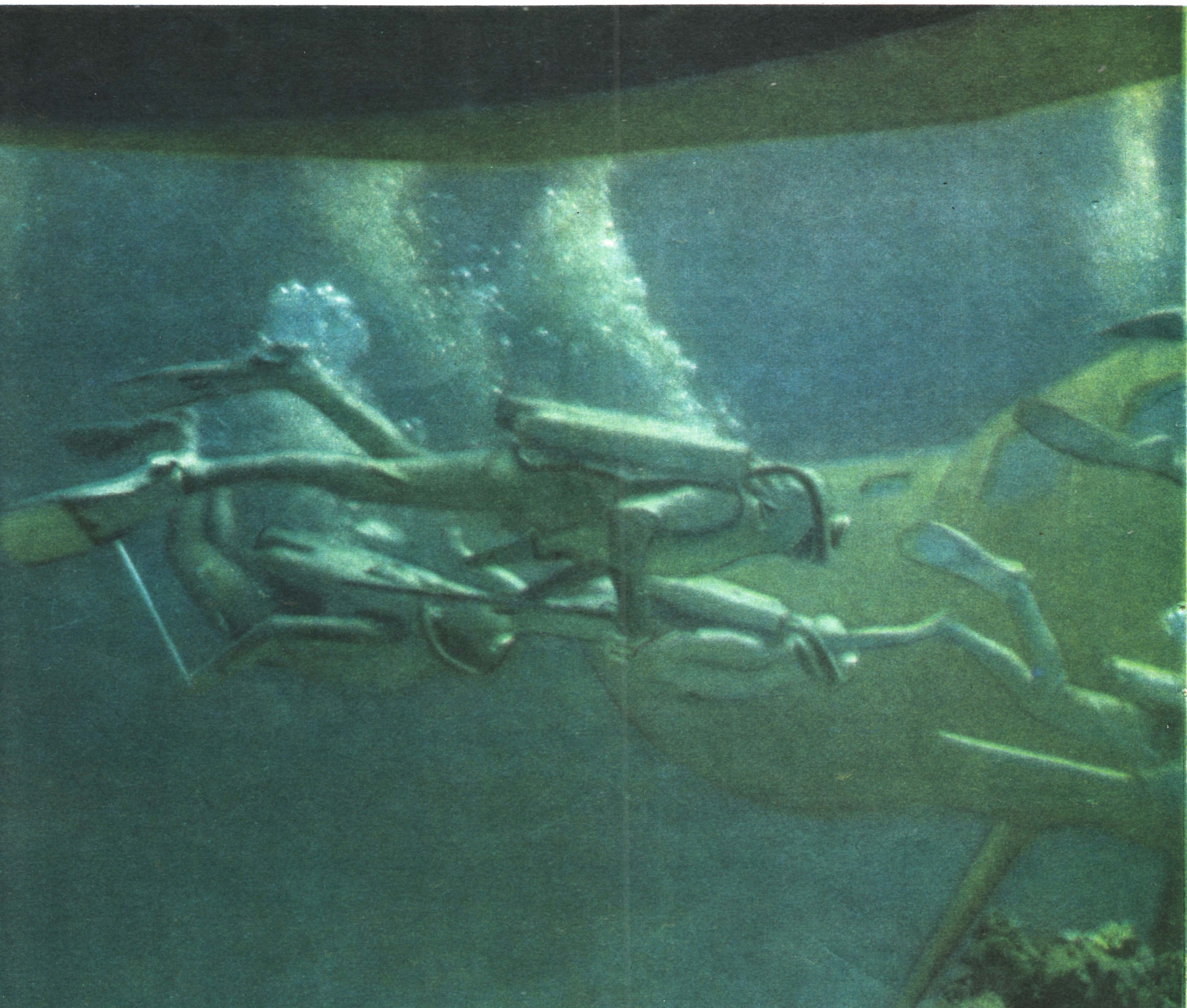
Флора и фауна второй кручи на глубине 70 метров довольно богата и необычна. Но затем подводный мир постепенно оскудевает. Формы становятся однообразнее, цвета — бледнее. Вскоре, на глубине около ста метров, мы оказываемся над горизонтальной скальной плитой, изборожденной полосами. Этот своеобразный тротуар, который мы видим при каждом погружении, возможно, в древности был берегом Красного моря. Через несколько метров перед нами развернулась беспросветная мгла таинственной бездны. Это третья круча, о существовании которой мы никогда бы не узнали, если бы не «ныряющее блюдце».

Мы вновь пикируем в неизвестность. Нависшая над бездной плита из мертвого коралла выглядит теперь весьма грозно. Мы подбираемся под нее с некоторой опаской. Под нами уходит вглубь совершенно отвесная стена, вероятно также образовавшаяся из омертвевших кораллов. Начинает кружиться голова. Наше погружение можно сравнить с альпинистским восхождением. Только мы обладаем огромным преимуществом по сравнению с альпинистами: мы невесомы и можем парить в нашей чудо-подлодке. На какое-то мгновение погружение «блюдца» приостанавливается. Ясно — мы вошли в более холодный и более плотный слой воды, в котором архимедова выталкивающая сила возрастает. Теперь, когда наше «блюдце» находится в прохладной зоне, мы не изнываем от жары, а Фалько даже натягивает на себя тельняшку. Внутренний термометр показывает уже не 35, а 26—27 градусов. Мы невольно вспоминаем о гнетущей жаре, царящей на борту «Калипсо».

На глубине 150 метров, словно горельефы на стене, вырисовываются огромные вертикальные колонны. Потом они превращаются в грандиозную колоннаду, которая теряется во мраке глубин.

Эта фантастическая колоннада обступает нас, по-

Эксперимент «Преконтинент-2».

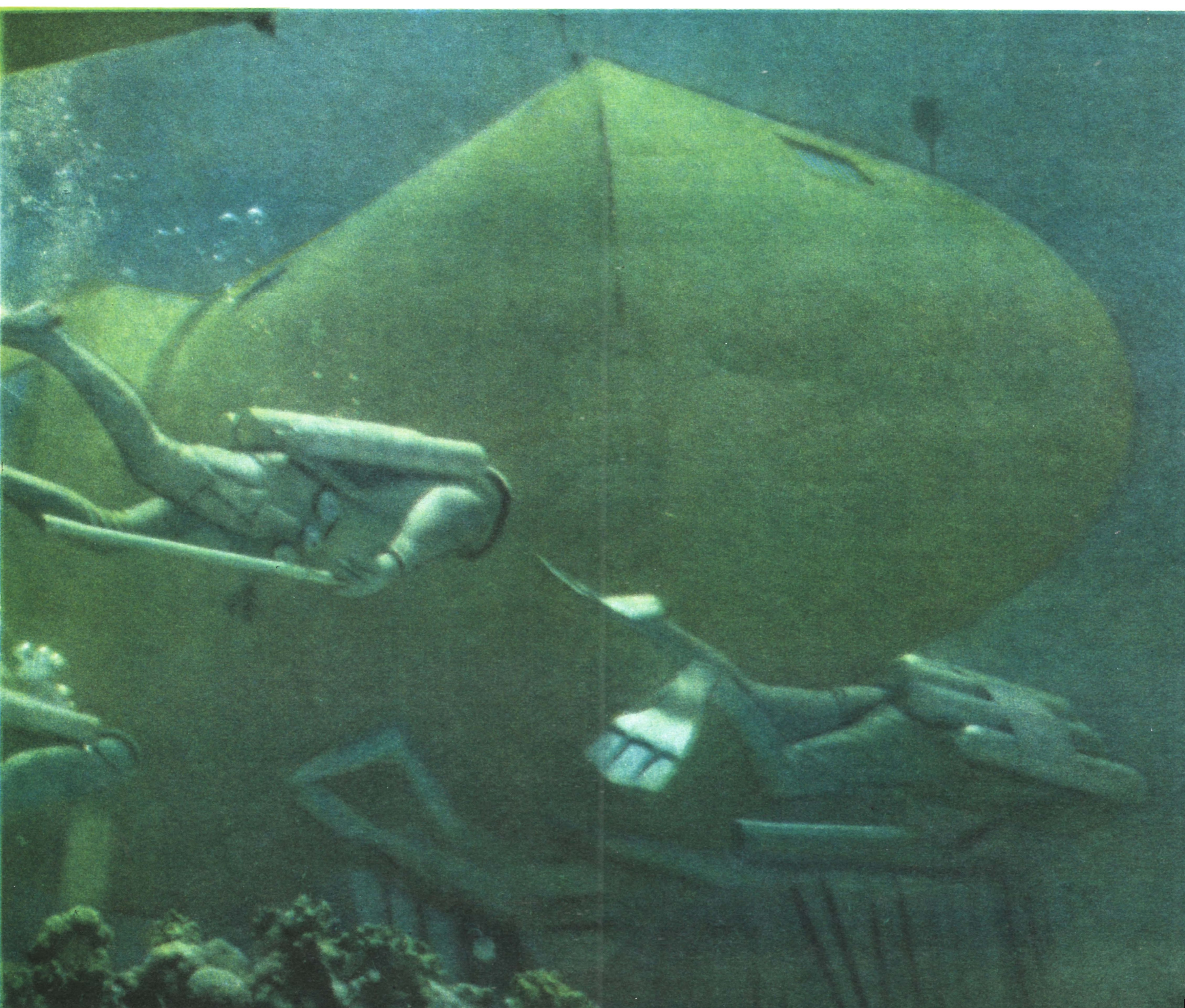
ка мы погружаемся на глубину 220—240 метров. Заканчивается третья круча, и мы опускаемся до нашей предельной глубины — 300 метров. Видим песчаный откос с разбросанными по нему огромными блоками, несомненно упавшими с карниза, нависшего над нашими головами, — с глубины 110 метров.

Вода все еще очень прозрачна. Наши прожекторы позволяют ночью видеть по меньшей мере на расстоянии до 30 метров. При первом погружении мы были ошеломлены тем, что солнечный свет проникает даже на глубину 300 метров; при выключенных фарах мы могли, как в пасмурный зимний день, отчетливо видеть все, что творится вокруг.

Но и меня и Фалько больше всего удивило обилие и разнообразие глубинной фауны. У поверхности — многообразие разноцветных рыб, рифов и огромных хищников; затем от 100 до 200 метров вдоль обрывов почти пустынно, лишь изредка появляется одинокая акула или уплывает ввысь облако планктона. Без всяких переходов на глубине около 240 метров «блюдце» входит в зону весьма интенсивной жизнедеятельности, которая радикально отличается от всего, что мы видели прежде. Здесь встречаются и крупные серебристые рыбы с розоватыми бликами, часто они бросаются прямо на фары нашего «блюдца», чтобы поглотить мальков, попавших в луч света; прозрачные рыбы, у которых видны их красно-черные внутренности; рыбы-ленты, тонкие, как полотно пил, — эти перемещаются вертикально, извиваясь; трехцветные креветки, обрамленные огромными антеннами, вырывают под скальными глыбами свои логовища, отметая песок мощными хвостами; всюду шныряют красные и розовые рыбины с огромными пастями, или же величественно проплывают желтые и сиреневые рыбы с развевающимися «фалдами». Почти всюду к нам подплывают маленькие кальмары, чтобы в свете фар исполнить свои уморительно-причудливые танцы; они то переворачиваются вниз головой, как бы пикируя в песок, то поднимают щупальца, образуя над собой своеобразные зонтики.

(Продолжение следует)

Перевел с французского Р. ФЕСЕНКО

ПРОИСШЕСТВИЯ

Кинооператоры и фоторепортеры удобно устроились на утесах. Объективы камер были отлажены и теперь «простреливали» чуть ли не каждый метр долины, ставшей съемочной площадкой. Все было готово для съемок табуна диких лошадей у подножья горы Кения. «Начали!» — крикнул руководитель группы, издалека услышав дробный топот.

То ли громкий, усиленный мегафоном голос, то ли человеческие фигуры, метавшиеся на утесах, показались подозрительными, но жеребец-вожак вдруг замер. Какие-то секунды он стоял, тревожно поводя ушами, шумно вбирая воздух, а потом взвился на дыбы и заржал. И вот теперь уже паника и страх, а не воля загонщиков правят табуном. Вслед за вожаком табун замер и, подняв завесу пыли, рванулся через мелкую речку туда, где багровое солнце уже зацепилось своим краем за горизонт.

Казалось, ничто не остановит этот бешеный бег; казалось, каждый, даже самый смелый и сильный, будет сметен с пути, повержен на землю, растоптан в пыль. И хотя все происходящее не было предусмотрено сценарием, «киношники» не отрывались от глазков своих камер — не часто снимаешь табун диких лошадей в панике.

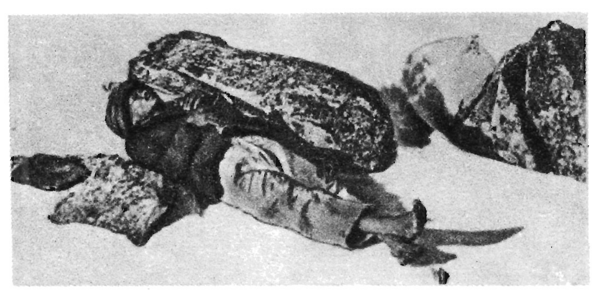
В суматохе и лихорадке съемок никто поначалу не заметил, что кенийцы-загонщики повернули своих лошадей вслед за табуном. Вот они уже поравнялись с ним, обходят «голову» табуна, заставляют обезумевших лошадей нестись по кругу. Сквозь видоискатели операторы замечают: кенийцы соскочили со своих лошадей, их черные тела ныряют в круговорот беснующегося табуна; они мелькают то тут, то там, каждую секунду ускользая от ударов копыт и оскаленных зубов. И происходит чудо: лошади останавливаются, усмиренные человеческим мужеством и бесстрашием.

Этот великолепный кадр получил Золотую медаль на международной фотовыставке в Голландии.

ГДЕ•КОГДА•ПОЧЕМУ

ГДЕ•КОГДА•ПОЧЕМУ

Отряд американо-новозеландской экспедиции, включавший спортсменов, врачей, ученых, задался целью детально исследовать возможности приспособляемости человеческого организма к высокогорным условиям.

Перевалили за пятикилометровую отметку и разбили лагерь. Головные боли, постоянная зевота, потеря аппетита, бессонница почти у всех участников восхождения — фактов для наблюдений набралось больше чем достаточно. Только шерпы-проводники, казалось, не замечали ни высоты, ни холода, ни разреженности воздуха. Исследователи знали и раньше, что поселения шерпов иной раз забираются вверх и на шесть тысяч метров, что эти жители гор прекрасно ориентируются в буранах, в труднейших переходах довольствуются минимумом походной пищи, что тренировке и закалке шерпов, носильщиков и проводников обязаны успехом почти все экспедиции покорителей гималайских вершин. Но на этот раз даже бывалые горновосходители были поражены: при морозах до 20 градусов их проводники обходились без спальных мешков, без палаток, а некоторые совершили этот путь по Гималаям... босиком. Не меньше недоумевали и шерпы — не менять же им свои привычки и обуваться «в эту-то теплынь».

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

«Когда я вижу сидящего на пляже сокола, я ложусь на песок и зарываюсь в него. Голову мне покрывают корзинкой — так, чтобы я все видел. К руке у меня привязана веревка, а к ней — голубь. Теперь остается одно — ждать. Иногда песок заливает водой, и, если это происходит октябрьским утром, можете поверить, холод собачий. Ну, а потом, если, конечно, повезет, сокол замечает голубя и бросается на него. Медленно и осторожно я выпрастываю из песка руки и в прыжке кидаюсь на птицу. Перчаток я никогда не надеваю: в них плохо чувствуешь, крепко ли тебе удалось ухватить птицу. Конечно, без крови здесь не обходится. Пытаясь улететь, сокол пускает в ход и клюв и когти».

Вот уже двадцать лет американец Роберт Берри не признает никакой другой охоты, кроме соколиной. При этом он утверждает, что охота на самих соколов ничуть не менее интересна, чем охота с помощью соколов.

Однако поймать сокола — только начало дела. Впереди самое главное — «натаскивание». «Вообще-то, — замечает Роберт Берри, — для того чтобы выдрессировать сокола, нужно скорее быть зоологом, чем охотником».

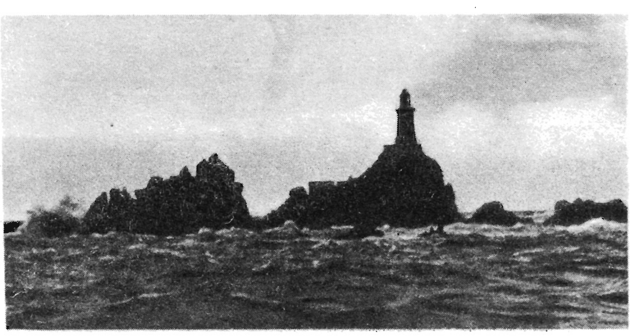
Но вот недели тренировок позади. Начинается охота. Собаки, почуяв дичь, замерли в стойке. Охотник снимает колпачок с головы сокола и отвязывает бечеву на лапах. Вот сокол взмывает в небо. Сильные крылья мигом выталкивают его на огромную высоту. Он парит кругами, высматривая добычу, а заметив ее, стрелой бросается вниз. Нет, этот полет со скоростью до 100 метров в секунду нельзя сравнивать с падением камня. Он стремителен и красив: крылья птицы сложены, все тело вытянулось в одну линию — так летит стрела, пущенная меткой рукой охотника.

УСМИРЕНИЕ БЕШЕНОГО ТАБУНА

БОСИКОМ К ГИМАЛАЙСКИМ ВЕРШИНАМ

ОХОТА С КРЫЛАТЫМИ СТРЕЛАМИ

ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ПРОТИВ ВОЛН

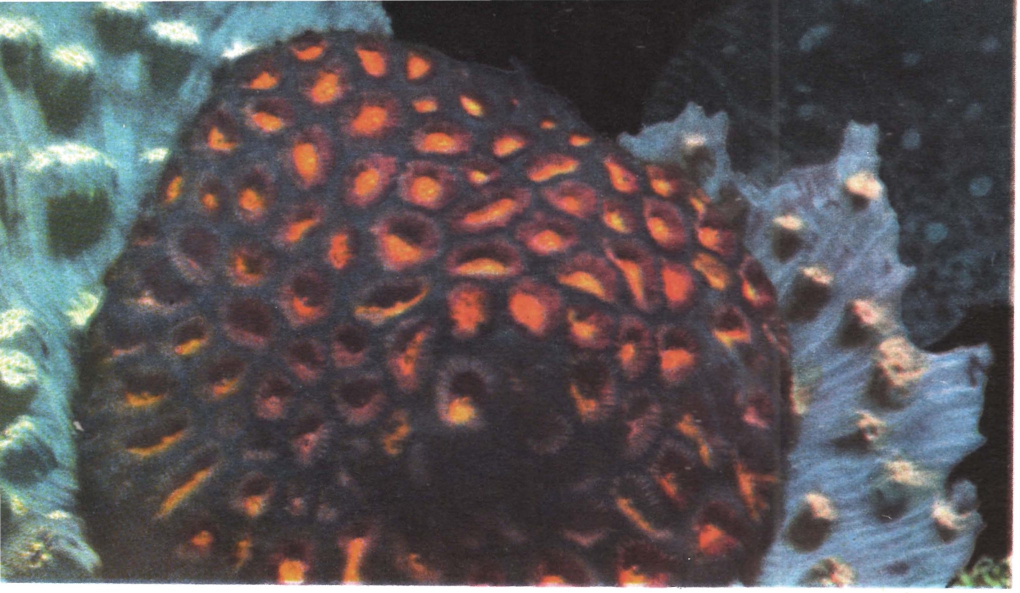
Та «роковая пятница» надолго останется в памяти жителей Джерси — самого большого из Нормандских островов, лежащих между Англией и Францией. Небывалой силы ураган обрушился на остров. Ветер сокрушал все, что было на его пути, — деревья, телеграфные столбы, переворачивал автомобили и срывал с домов крыши.

В это же время разбушевавшаяся стихия трепала в море небольшое, метров пятнадцать в длину, суденышко с экипажем из пяти человек. Капитаном и владельцем моторной яхты «Марицелия» был зажиточный фермер с Джерси Джеймс Маккензи Фрейзер. Кроме него, на борту была его жена Дорис, сын Роберт, а также двое молодых людей из Англии, гостивших у Фрейзеров, Майкл Маккоуэн и двадцатилетняя Эллисон Митчелл.

Шесть дней назад, когда яхта выходила в открытое море, каждому из пятерых казалось, что предстоящее путешествие будет приятным и интересным. Никто из них не мог, конечно, предположить, что лишь одному из пяти суждено остаться в живых и рассказать о трагедии «Марицелии».

...В ту пятницу Служба наблюдения за морем работала особенно внимательно. Около шести часов вечера она заметила неподалеку от южного побережья острова какой-то предмет. Спасательный швертбот немедленно направился к месту происшествия. А спустя полчаса туда же

(Окончание на стр. 66)

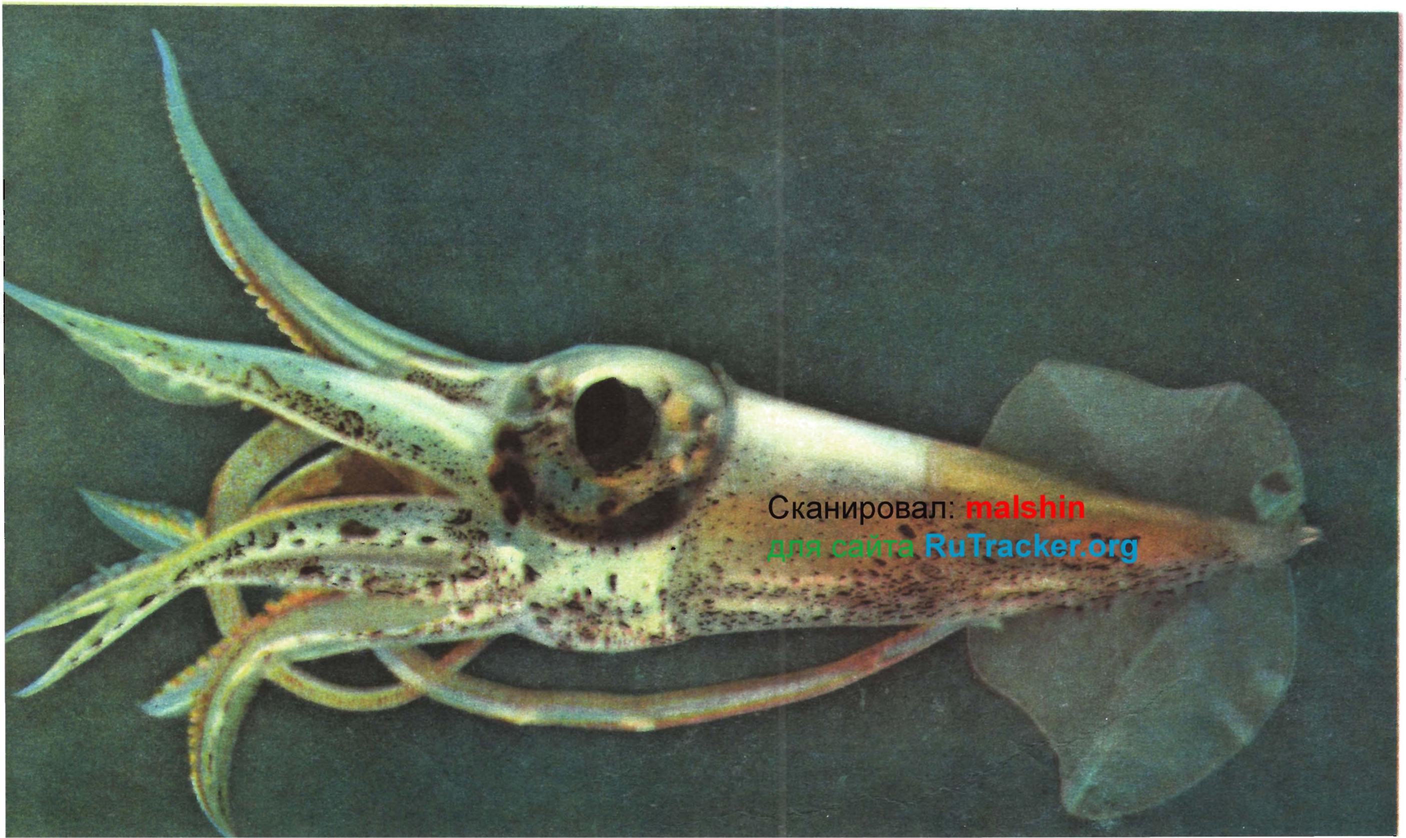

НЕСПОКОЙНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ ОКЕАНА ОСТАЛАСЬ НАД НАМИ. МЫ ПОГРУЗИЛИСЬ В МИР СТРЕМИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ТАИНСТВЕННОГО СПОКОЙСТВИЯ, В МИР, ЦВЕТУЩИЙ НЕДОСТУПНЫМ ЗЕМЛЕ ЦВЕТОМ И ВСЕМИ КРАСКАМИ ЗЕМНОЙ РАДУГИ...

Фотосъемка в ультрафиолетовых лучах дала возможность увидеть фосфоресцирование глубоководных растений.

Кальмар, которого молва когда-то оделяла чудовищной силой, способной утащить на дно многопарусный корабль.

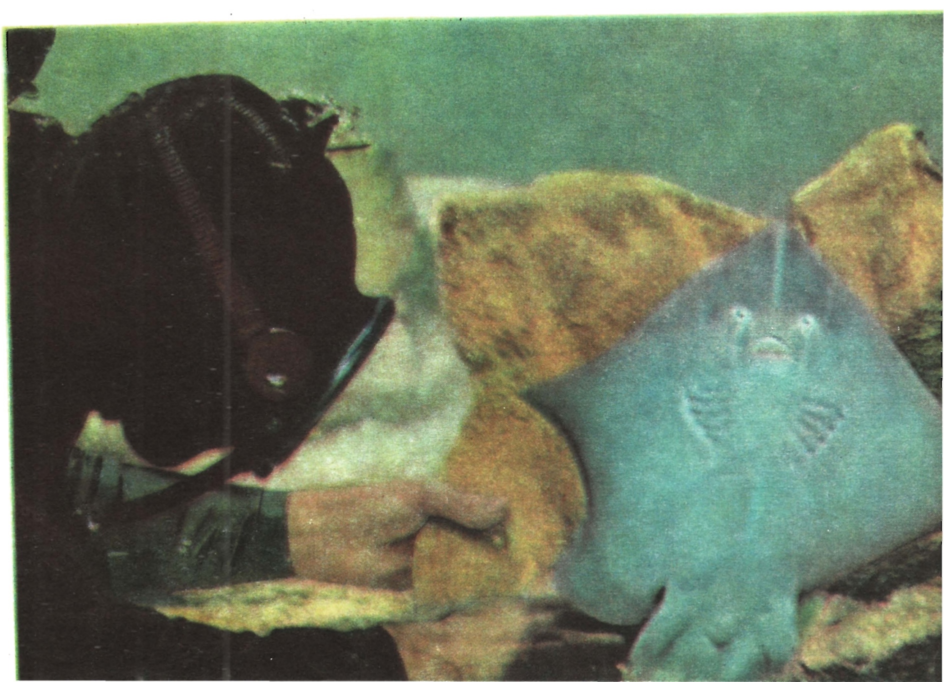

Причуды природы

Такие изысканно-причудливые сочетания цветов и линий созданы простейшими морскими организмами — губками.

У этого голубоватого подводного «киногероя» — маленького ската — довольно правильные черты «лица».

Карельские этюды

Фотоочерк Л. ФИЛИМОНОВА

Сорок четыре тысячи таинственных озер. Одиннадцать тысяч кипящих рек и речек. Легендарный суровый Кивач и дремучие таежно-каменные дебри...

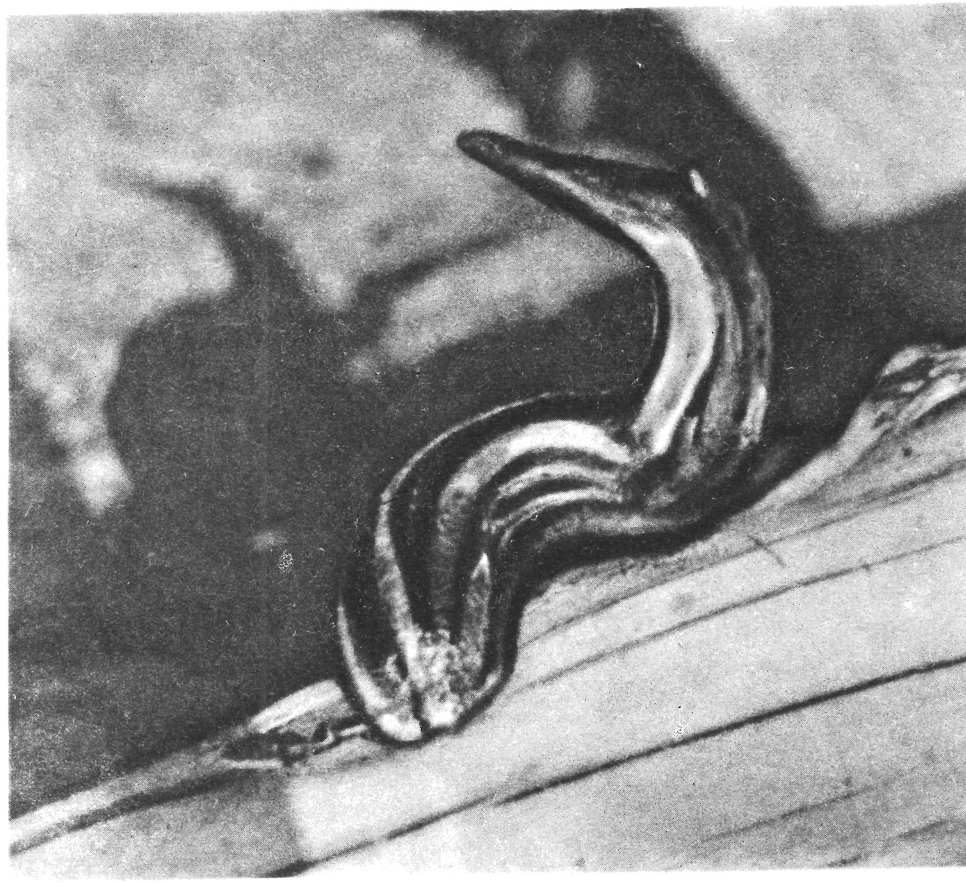
Здесь, по преданьям седой старины, могучие герои
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы...

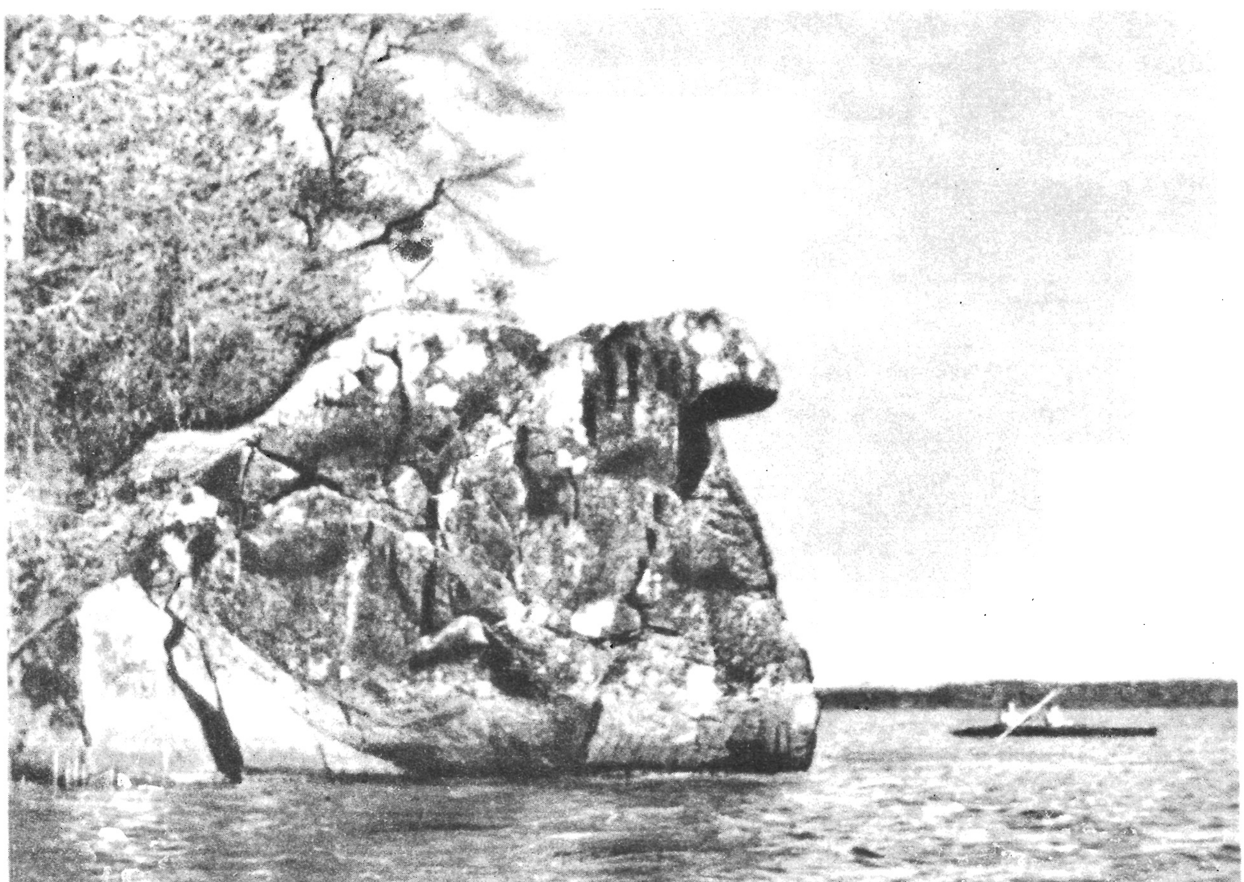
...Под водой — мастерская Природы.

Буря ломает деревья. Крутит, разбивает в куски и, наигравшись, швыряет в озера. Дерево тонет, пропитавшись водой, и волны работают над ним годами...

Нагнись, опусти в воду руки, потяни за какой-нибудь сук, и волшебником стать очень просто! — у тебя на ладони появится гордая, с могучими рогами голова оленя. Или лукавый зверек, живой настолько, что кажется пушистым.

...Выходят на берег гранитные чудища и смотрят на проплывающие байдарки с высоты миллионов столетий.

ПИАСТРЫ,

Б. СИЛКИН

Сокровища затонувших кораблей... Сколько романтических грез связано с этими словами!.. Наверно, любому читавшему в свое время Стивенсона запомнился крик: «Пиастры! Пиастры!», то и дело срывавшийся с клюва попугая, любимца одноногого Джона Сильвера — героя «Острова сокровищ».

Времена флибустьеров — «джентльменов удачи», Веселого Роджера и Черной Метки давно прошли. Но ведь они были. Были со всей исторической несомненностью. И век их заслуживает внимания историков и археологов.

Всех этих событий не произошло бы...

Если бы не ураган.

Вернее, два урагана. Дважды могучее дыхание буйного карибского шторма — один раз двести пятьдесят лет назад, а другой раз в наши дни — беспорядочно перелистало страницы истории. Попробуем рассказать об этом в обратном хронологическом порядке.

В жаркий полдень немолодой американский инженер-строитель Кип Вагнер прогуливался по песчаным обрывам атлантического побережья Флориды. Вагнер был рассержен и огорчен — привычный и хорошо знакомый путь, по которому он регулярно совершал свою прогулку, до неузнаваемости изменился из-за вчерашнего шторма. Поднятые ураганом многотонные водяные валы размыли берег с любимой тропинкой Вагнера.

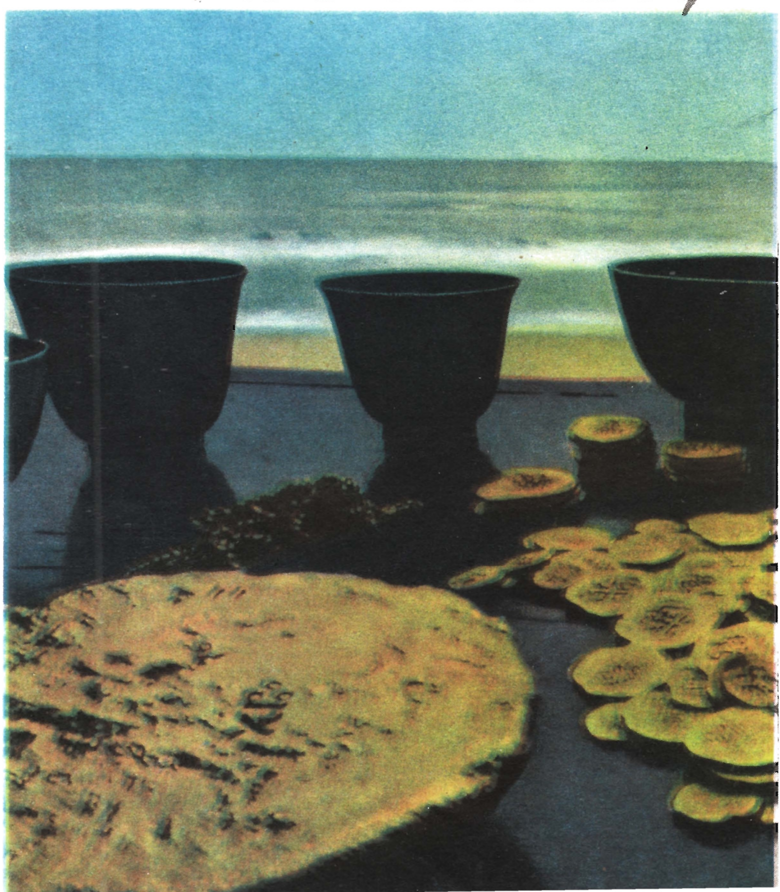
В раздражении инженер отшвырнул ногой комок бурых водорослей — и остановился в недоумении. В клубке морской травы что-то сверкнуло — и, пожалуй, слишком ярко для обыкновенной ракушки. Кип Вагнер нехотя нагнулся и увидел кусочек серебра неправильной формы. Крест с одной стороны, древний герб Испании — с другой... Да это пиастр!

С этого момента скромный и не слишком романтичный пожилой строитель превратился в искателя легендарных сокровищ. Но он и не подозревал, что ему предстоит выудить со дна морского

один из самых больших кладов в истории

Находка не произвела в округе сенсации: местные жители после штормов уже не раз находили на берегу старинные полустертые монеты и продавали их заезжим нумизматам.

Но интересное дело — ни одна из найденных монет не была датирована позже тысяча семьсот пятнадцатого года. Почему так? Знающие люди сказали, что как раз в этом году у берегов Фло-

риды потерпела аварию испанская флотилия. Но почему чуть ли не единственным вещественным воспоминанием о ней служат монеты? Что за груз был в ее трюмах?

И вот заговорили старинные манускрипты. «Король Испанский, чьи владения ныне простираются с Востока на Запад, чьи царства суть целая треть ведомого нам мира, чьи западные владения богаты и копи золота и серебра бездонны, откуда и проистекает процветание Испании, каждый год посылает свои корабли из Испании в Америку и этим путем доставляет к себе домой ежегодно сокровища золота и серебра», — так свидетельствует писарь одного из английских капитанов.

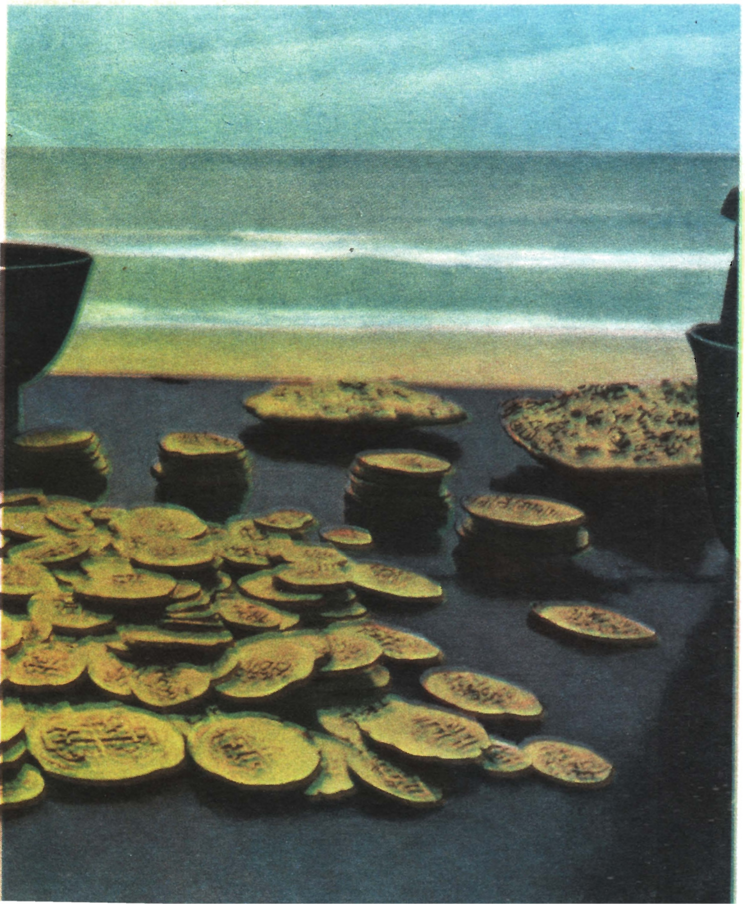
Каждый год из Испании в Новый Свет отправлялось две армады судов. Одна из них — «Галионес де Тьерра фирма», или «Континентальные галионы», — шла в Новую Гранаду, как тогда называлась нынешняя Колумбия. В порту Картахена на корабли грузились награбленные в Америке золото, изумруды, жемчуг; в Портобельо на Панамском перешейке на борт поднимали стоившее жизни тысячам индейцев серебро из перуанских копей.

Другая армада, именовавшаяся «Флота де Нуэва Эспанья», то есть «Флот Новой Испании», плыла севернее, в мексиканский порт Веракрус, за товарами, которые ценились в Европе чуть ли не дороже золота, — экзотической кошенилью, дающей яркий кармин, драгоценным индиго — источником прочной синей краски, шелком и фарфором Китая, перевезенными кораблями с далекого Востока.

Обе эскадры встречались на Кубе, в порту Гаваны. Здесь, в центре Карибского моря, именовавшегося тогда даже Испанским, формировалась ежегодная «армада сокровищ» — «Серебряный флот» короля Испании.

Путь его был обычным, не изменившимся с самых ранних дней исследования и ограбления обеих Америк. Сперва на северо-восток, мимо южной оконечности Флориды, затем на север Флоридским проливом, в обход Багамской банки, а потом — на восток, прямо к берегам Испании, используя попутные сезонные ветры и благоприятные течения.

ПИАСТРЫ...

Самое начало XVIII века ознаменовалось длительной, продолжавшейся чуть ли не полтора десятка лет войной, в которой Англия, Австрия и Голландия оспаривали мировое могущество Испании.

Эта война заставила отложить отправку одного из ежегодных «Серебряных флотов» короля — слишком рискованно было подвергать такие ценности случайностям, ожидавшим их в море, полном вражеских сил и кишевшем вездесущими пиратами. Но когда воцарился мир и в Гаване снова собрались «серебряные корабли» — «Объединенная армада 1715 года»,

наступила пора осенних штормов

Их было десять — многопушечных галионов с мачтами, достигавшими пятидесяти метров в высоту, специально приспособленных для перевозки сокровищ и их охраны, погруженных под тяжестью несметных богатств по самую ватерлинию. Одиннадцатым был случайно оказавшийся здесь французский корабль «Грифон». Испанцы приказали следовать ему с армадой, опасаясь, что французские моряки «выболтают секрет попугаю», то есть дадут знать пиратам, что «Серебряный флот» уже в море и «джентльмены удачи» могут поднимать паруса.

...Уже с утра 29 июля моряки начали поглядывать на небо с подозрением. Солнце все еще сияло, но стала появляться какая-то легкая дымка. Тяжелые галионы раскачивались на упругой стеклянной волне. С подветренной

стороны ощеривались острые зубы рифов и предательские мели Флоридского пролива.

Тридцатого июля к обеду ветер спал. Небо поблекло от облачной вуали. Потом, как бы подкравшись, ветер сразу напал с юго-востока и начал угрожающе завывать в снастях. Хотя был полдень, все кругом потемнело, и пришлось зажечь кормовые огни.

Рано утром следующего дня ветер неожиданно резко изменился на восточно-северо-восточный, и ураган показал всю свою ярость. Галионы круто кренились с борта на борт, строй их распался. Офицеры подавали команды, но грохот и вой стихий загонял их обратно в глотку.

Одни корабли пытались выбраться в открытое море, чтобы с меньшей опасностью лечь в дрейф. Но, попав в тиски между скалистым мысом и стеной ветра, они были вынуждены свернуть паруса, и вихрь погнал их к берегу. Другие пробовали стать на якорь, но никакая якорная цепь, никакой грунт не выдерживали такого напора.

«...Капитан Себастьян Мендес, кормчий корабля, именованного «Нуэстра сеньора де Кармен» («Мадонна Карменская»), перед моим, нотариуса, лицом принял присягу и поклялся именем Господа бога нашего и знаком креста, как это положено по обычаю, обещав говорить истину, заявил, что в субботу Июля 31 дня, в два часа утром, по причине урагана, который пришел с востока-северо-востока с такой силою, что хотя он ходит по всем морям множество лет и претерпел от многих бурь, он никогда ему подобного не видел по неистовству, и его корабль и все другие пропали одни перед, а другие после Пальмар де Аис, под 28 градусом 10 минутами...»

В полночной мгле, поглотившей день, моряки пытались спастись от обломков сокрушаемых бурей мачт и обрывков снастей, от смывающих все за борт тяжелых валов. Один за другим суда налетали на зазубренные рифы, и высокие борта галионов, построенных из самого лучшего корабельного леса, с оглушительным треском разлетались в щепки.

Все было кончено.

И люди и корабли... Из одиннадцати белопарусных красавцев уцелел лишь один — француз «Грифон», который случайно оказался северо-восточнее остальных судов каравана, — ему хватало места для маневра, чтобы обогнуть страшный мыс с его рифами.

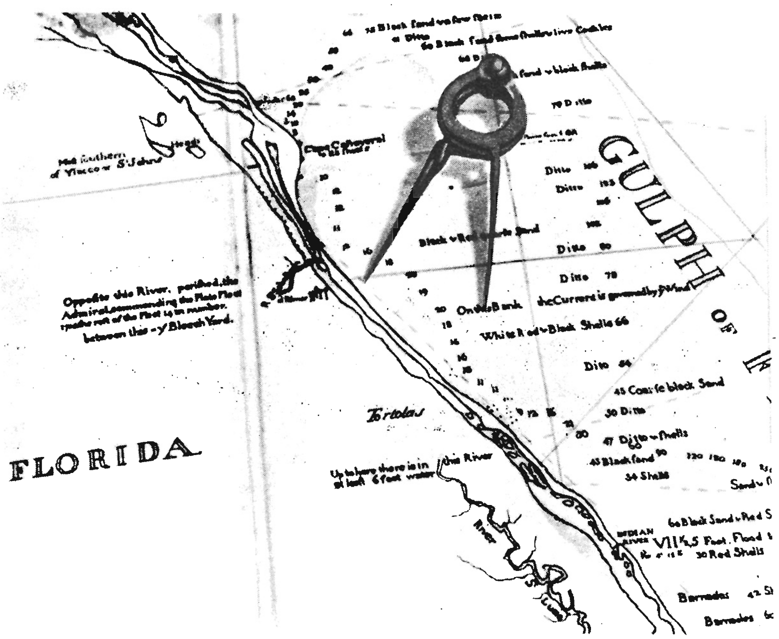
Остальные — и «Сан-Мигель», и «Мадонна Консепсьонская», и «Мадонна Карменская», и все другие, несмотря на истинно католическое благочестие своих имен, — стали добычей стихии. Более тысячи моряков погибло у самых берегов, не в силах преодолеть мощи прибоя.

Расколотые трюмы выпустили в беснующуюся воду все свое содержимое, и король Испании за какой-нибудь час стал беднее на сумму, в нынешних деньгах составляющую четырнадцать миллионов долларов.

Власти немедленно зашевелились. Комендант Гаваны, сержант-майор Хуан дель Ойо Соларсано, поспешно организовал спасательно-подъемные работы, не дожидаясь, пока нагрянет начальство из Мадрида. Согнанные со всего побережья индейцы под испанской охраной ныряли, насколько хватало дыхания. На место выбившихся из сил пригоняли новых. Подвезли из Гаваны и «технику» того времени — большие водолазные колокола, в которых можно было погружаться на несколько большую глубину. Было поднято несколько миллионов пиастров... Но

пираты Багамских островов тоже не дремали

В тех местах постоянно гнездились авантюристы самых разных масштабов и национальностей. Это было время, когда воюющие между собой европейские державы очень охотно предоставляли пиратам патенты на грабеж судов противной стороны, и между вольным флибустьером и служащим такому-то королю капером разницы, по сути дела, часто не было. (Появилось общепризнанное занятие — «поджидать возвращающихся домой», то есть грабить испанские суда, идущие с драгоценным грузом из колоний в Европу. Этим прибыльным ремеслом занимались иной раз и весьма высокопоставленные особы. Например, известный путешественник, первооткрыватель берегов Венесуэлы и Гвианы, лорд и наместник королевы английской в графстве Корнуэлл Уолтер Рэли, который,

Гибель серебряных галионов. Старинный рисунок.

Карта сокровищ инженера Вагнера.
←

кстати, заключил со своей монархиней специальный договор, предусматривавший дележ будущей добычи.)

Для пиратов весть о кораблекрушении была подобна запаху крови для акул. Англичанин Генри Дженнингс раздобыл пять судов, завербовал беглых матросов различных национальностей, объединенных бесшабашностью и жаждой наживы, и в один прекрасный день появился у берегов Флориды. Испанская стража из шестидесяти человек немедленно разбежалась, услышав завывание идущих на штурм трехсот пиратов, и в руки Дженнингса и его молодцов попало около трехсот пятидесяти тысяч пиастров из тех четырех миллионов, которые испанцам удалось поднять со дна.

Конечно, время было невоенное, и после Утрехтского мира 1713 года нападение подданных одного христианского монарха на подданных другого уже считалось разбоем. Но пиратам все сошло с рук: в Лондоне, по-видимому, только ухмылялись и потирали руки, а в Мадриде не до того было; там были довольны, что около четырех миллионов удалось увезти в Гавану за несколько дней до нападения пиратов. Тем дело и кончилось. Больше ничего испанцам извлечь из-под воды не удалось.

Шли годы, десятилетия, одно столетие, другое... И вот новый ураган бросил под ноги прохожему то, что старый запрятал на дно морское.

Кладоискательная горячка начинается обычно с того, что у ее жертвы оказывается пожелтевшая и обтрепанная пергаментная карта с крестиком, отмечающим

место, где лежат сокровища

Вагнер же обзавелся свеженькой фотокопией карты Флориды, оригинал которой, составленный всего через шестьдесят лет после гибели армады, находится теперь в музее. Вот ручей Себастьян, вот река Индиан. А рядом рукой давно усопшего картографа старательно выведено: «Напротив этой Реки погиб адмирал, командующий Серебряным флотом 1715...»

Вагнер сделал первое «капиталовложение» в дело: он приобрел старенький... миноискатель, похожий на печную вьюшку, посаженную на ручку от метлы, — и начал прочесывать дюны в этом районе. Тонкий писк в наушниках — металл! Но раз за разом в его руках оказывались то ржавая пружина от «фордика», то консервная банка.

Испытание терпения новоявленного кладоискателя продолжалось несколько недель. Но вот первая награда — старинный корабельный гвоздь. Вот пушечное ядро, другое, целая горка ядер. На грубой схеме возникли очертания укрепленного лагеря: скопления брошенных ядер четко обозначили его границы. В центре лагеря — куча битого кирпича. А рядом с ним — несколько бесформенных оплавленных кусочков серебра. Значит, здесь переплавляли монеты в слитки, чтобы легче было их транспортировать. Куда — в укрепленную и охраняемую большим королевским гарнизоном Гавану или в тайное прибежище пиратов где-нибудь на Барбадосе, Багамах или Ямайке? Этого мы никогда не узнаем.

О поисках инженера Вагнера заговорили газеты, ими заинтересовались нумизматы. «Я ознакомился с серебряными пиастрами и четырехреаловыми монетами, — писал один из авторитетов нумизматики, Роберт Несмит. — Они с несомненностью относятся к числу тех, что чеканились монетным двором в городе Мехико. Этот тип монет изготовлялся в ранние дни существования монетных дворов в испанских колониях. До тех пор, пока в 1732 году там не был установлен винтовой пресс, они штамповались вручную, ударами молота по чекану. Эти грубо изготовленные монеты всегда были редкими... По моему мнению, это самая важная находка, относящаяся к испанскому Серебряному флоту, из когда-либо имевших место во Флориде как с точки зрения исторической, так и нумизматической, и я уверен, будущее это подтвердит...»

Ободренный Вагнер арендует ветхий самолетик и начинает разведывательный облет пустынной бухты. Вагнер часами почти висел на предохранительном ремне, высунувшись из кабины самолета, идущего с предельно малой скоростью на предельно малой высоте.

И вот, наконец, южнее маленькой бухты Пальмар де Аис под крылом самолета промелькнул какой-то темный овал. Самолет закружил на месте... Из овала выдаются в стороны равномерно расположенные продолговатые предметы. Бортовые орудия?

На следующий день самолет был уже в отставке — его сменили легкий ялик и акваланг. В довольно прозрачной осенней воде были отчетливо видны полузанесенные песком груды балласта, которые размещались когда-то в трюмах перевозчиков сокровищ — для придания кораблям остойчи-

вости. Деревянных надстроек и бортов теперь уже не существовало: все, что пощадил ураган, съели за два с половиной века тередо — крошечные черви-древоточцы.

Когда-то грозные орудия были все облеплены ракушками и изукрашены плюмажем пышных водорослей. Песчаные заносы укрыли почти все, что могло еще остаться целым от корабля, и его груз. И казалось, чтобы убрать эти «сугробы», понадобится столько же времени, сколько ушло на их создание.

Однако сегодня человек выходит против сил времени в облачении современной техники. Неутомимый Вагнер организует небольшую фирму —

«Компания восемь реалов»

В эту «компанию», названную так потому, что восемь реалов — это достоинство старинного испанского пиастра, вошли несколько опытных аквалангистов, переводчик со староиспанского и специалист по навигации. «Компания» обязалась сдать правительству двадцать пять процентов всех ценностей, которые ей предстояло найти, заручилась научной поддержкой Музея штата Флорида и, вооружившись стареньким баркасом, приступила к работе.

...Мелькнули черные неопреновые подводные костюмы, и аквалангисты один за другим ушли на глубину. Видимость — на вытянутую руку. Прибой — резкий, то бросающий на камни, то норовящий утянуть пловца в открытое море. Течение старается перевернуть человека вверх ногами, занести его в заросли раскачивающихся водорослей.

И все-таки работа шла. Сперва была составлена схема, на которой — по квадратам — были нанесены все балластные камни, пушки, песчаные нагромождения. Затем началось «передвижение мебели». Каждый камень — а многие из них на земле весили бы килограммов по тридцать — следовало сдвинуть или перевернуть. Сперва находки были очень скромными — главным образом битые глиняные черепки. Но музей требовал: «Собирайте все до последнего черепка и срочно присылайте!» Нелегкая работа под водой продолжалась.

Однажды один из аквалангистов через несколько минут после погружения высунул голову из воды, молча поднялся по лестнице и снял тяжелую резиновую перчатку. На ладони лежали шесть хотя и потемневших, но отлично сохранившихся пиастров. Через пять минут все, на кого хватило аквалангов, лихорадочно работали на дне.

«Передвижка мебели» дала свои плоды. Куча перемещенных балластных камней, которая возросла после «передвижки», сменила направление придонного течения. Оно расчистило от наносного песка довольно широкую полосу дна, обнажив первоначальный грунт. И вдоль всего этого обнажения лежали обломки кораблекрушения.

Археологи притащили на дно что-то вроде огромного пылесоса. Его труба с силой всасывала воду, песок и все, что в нем могло находиться, и выплевывала добычу на специальную площадку для осмотра и сортировки. Позже в дело вступили чувствительные магнитометры, способные «учуять» металл, зарытый в песке, с расстояния в семь метров. Теперь, вместо того чтобы пассивно дожидаться, что подарит течение, искатели начали планомерное обследование остатков корабля.

Появились хрупкие, при первом прикосновении превращающиеся в чернильное облако обломки дерева, и аквалангисты убедились, что теперь они находятся «внутри» судна. В одной из корзин, поднятых со дна, была обнаружена «лепешка» известняка с большими прослойками серебра. Когда-то несколько таких прослоек до того, как они обросли известняком от длительного пребывания в сокровищнице Нептуна, представляли собой содержимое полного двадцатикилограммового бочонка. Один такой бочонок некогда переносил на себе раб-индеец, подгоняемый испанской стражей; два составляли поклажу вьючного осла.

Четкая схема, которая теперь была составлена, позволила довольно точно установить, где была корма, где нос, где трюмы корабля. И как раз там, где должны были находиться каюты капитана, штурмана и офицеров, археологи нашли серебряные вилки и тарелки, позолоченную чернильницу, песочницу, содержимое которой больше двухсот лет назад служило капитанской «промокашкой», бронзовые ювелирные весы с целым набором чашечек и разновесов, медный штурманский циркуль «в рабочем состоянии» — хоть сейчас прокладывай курс! — десятикилограммовый свинцовый лот, датированный 1712 годом, но точь-в-точь такой, какой применяется и сейчас. И многое-многое другое.

Давно уже не было такого «улова» предметов материальной культуры начала XVIII века —

музеи Америки лихорадило

«**Д**айте конец!» — крикнул, всплывая на поверхность, аквалангист Дан Томпсон и, получив канат, снова нырнул. И вот двое вытягивают наверх какую-то зеленовато-черную массу, тяжело стукнувшуюся о борт. При ударе куски известняка и коралловые наросты осыпались. На палубе лежал тридцатикилограммовый комок из спаявшихся вместе серебряных монет. Через полчаса — еще один, почти такой же.

Их немедленно подвергли электролитической обработке — и серебро засияло. В центре комка монеты совершенно не были повреждены и выглядели так, словно только что вышли из монетного двора. Впрочем, в отличие от нынешних среди них невозможно было найти двух одинаковых. Каждая отсекалась от серебряного бруска и вручную клеймилась знаком креста и королевским гербом.

Грубость чеканки, видимо, объяснялась и тем, что это были «временные» деньги. Историки полагают, что в Испании их переделывали, пользуясь более совершенной техникой: то, что могло сойти в далеких колониях, не могло потрафить правителям метрополии. Поэтому, а также из-за постоянных перебоев с транспортом в дни войны в музеях и у отдельных коллекционеров до сих пор было очень мало экземпляров монет, чеканенных в Новом Свете в период с 1700 по 1715 год. Теперь же Кип Вагнер и его друзья подняли со дна около двух тысяч золотых дублонов и несколько тысяч серебряных пиастров, чеканенных в это время.

Но совершенно уникальную находку посчастливилось сделать племяннику Вагнера. Мальчишка на берегу забавлялся миноискателем, тем самым, который когда-то испытывал терпение Вагнера-старшего, и совершенно случайно нащупал золотую цепочку длиной чуть ли не в четыре метра.

Это украшение придавало вес в обществе какому-то придворному франту. К цепочке прикреплена подвеска — золотой дракон величиной с большой палец. В животе дракона помещается золотая зубочистка, хвост его — ложечка для ковыряния в ушах, а если дунуть в драконову пасть, раздается резкий свисток. Словом, забава, утешение и гордость светского человека. И можно представить себе, сколько труда, какого напряжения глаз потребовала работа над этой безделушкой с ее 2176 крошечными звеньями, изукрашенными розетками, так хитро соединенными, что нынешние ювелиры только покачивают головами.

...Прошла осень с ее штормами, когда в море работать было нельзя. Наступила весна.

И когда море успокоилось и видимость на дне стала лучше, подводный «пылесос» начал выплевывать на берег обломки фарфора. Машина была тут же приостановлена, и в дело вступил самый совершенный и осторожный инструмент, известный пока археологам, — человеческие руки. И вот они держат целую, не тронутую временем старинную китайскую фарфоровую вазу и несколько чаш, поблескивающих бело-голубым узором.

Вот попробуй после этого утверждать, что у вещей нет своих судеб! Изготовленный в Китае древним умельцем хрупкий фарфор верблюжьим караваном и под парусом утлой джонки был доставлен на базар в Филиппинах, затем испанским кораблем — в Мексику, там перегружен на мула и узкой горной тропой перевезен с тихоокеанского на атлантическое побережье, в Веракрусе помещен в трюм галиона, чтобы попасть на дно у берегов Флориды в шторме, сокрушившем суда, но «пожалевшем» нежную посуду, и, пролежав два с половиной века под водой, очутиться на музейной полке...

Сейчас еще трудно оценить найденное «Компанией восьми реалов». Звонкая монета, слитки золота, бруски серебра, кольца с драгоценными камнями, медальоны из благородных металлов — все это, по подсчетам специалистов, стоит не меньше миллиона долларов.

Но кто возьмет на себя смелость определить стоимость приобретенных в результате этих находок знаний о прошлом?..

СУРЕШ ВАЙДЬЯ

ОНГЕ

Верховный комиссар Андаманских островов Айяр отвел меня в сторону и сказал:

— У меня есть два предложения. Выбирайте: или вы едете со мной и моей женой в Шоал-Бей, или вместе с группой сотрудников Управления развития — на остров онге.

Я раздумывал недолго: «Остров онге».

Я уже был наслышан о племени онге, живущем на Малом Андамане, самом южном острове архипелага. За исключением нескольких чиновников мало кто бывал на острове, но сами онге иногда заглядывают в Порт-Блэр. С того дня, как индийское судно спасло экипаж небольшой лодки онге, потерпевшей крушение, племя перестало вести замкнутый образ жизни, и раз в году группа островитян приплывает в Порт-Блэр, преодолев на своих примитивных суденышках восемьдесят миль по открытому морю. Пробыв в городе день или два и насладившись гостеприимством населения, они возвращаются домой с грудой подарков.

Глава из книги С. Вайдья «Острова, залитые солнцем». Глава, рассказывающая о племени джарава, была напечатана в «Вокруг света» № 8.

В Порт-Блэре создан Государственный департамент антропологии по изучению истории и жизни коренного населения островов. Мистер Чоудхури, директор этого департамента, не скрывая энтузиазма, рассказывал об онге:

— Онге действительно интересный народ. Во всем мире вряд ли осталось хоть одно такое племя. Итальянский антрополог доктор Лидио Киприани, который восемь лет тому назад прожил на их острове шесть месяцев, провел большую исследовательскую работу. Мы изучаем их язык и составили небольшой словарь. Тем не менее осталась еще уйма несделанного.

...Море было спокойным, чистым, и вскоре мы увидели зеленую полоску, появившуюся из-за горизонта. Постепенно полоса становилась все шире.

— Мы прибыли! — воскликнул Рой, пристально всматриваясь в бинокль. — Вот этот остров и есть Малый Андаман.

Нужно сказать, что Бимал Рой был в свое время на острове, помогал доктору Киприани. Он выучил язык онге и теперь был посредником между нами и островитянами.

Наш «Индус» замедлил ход и, когда до берега оставалось около двух миль, дал гудок. Через несколько мгновений на берегу бухты появились крохотные — с горчичное зернышко — человеческие фигурки. Они сгрудились вокруг какого-то бревна, и через мгновение оно уже плыло в нашем направлении. Наконец оно приблизилось к пароходу, и мы разглядели очертания пироги, выдолбленной из ствола дерева. Сидевшие в ней люди выглядели весьма любопытно — смуглые, с мелко вьющимися волосами, у одного из них раскрашено лицо. Двое подростков гребли, а двое мальчишек свернулись калачиком на дне и во все глаза глядели на большой корабль. Если не считать узкой полоски материи вокруг бедер, они были совершенно голые.

— Как хорошо, что мы застали их здесь! — сказал Рой, пристально всматриваясь в лодку. — Эти онге строят дома по всему острову и кочуют из одного конца в другой, когда в окрестностях иссякает дичь.

С «Индуса» спустили шлюпку. На полпути к берегу мы встретили еще одну пирогу онге, которые поинтересовались, не нужна ли нам помощь. Мы отказались, и они поплыли рядом. Мы должны были причалить у Дагонг-Крика — широкой протоки, берега которой поросли густым лесом. Растительность здесь оказалась такой же, что и на других островах Андаманского архипелага, — хлопковые деревья, птерокарпусы, фикусы, а под ними обычный покров из стелющихся растений, сорняков и трав. Мы привязали шлюпку к стволу и отправились в деревню.

Подошли к расчищенному участку леса, размером немногим больше площадки для тенниса. В глубине сидели женщины с детьми. На женщинах тоже не было никакой одежды, если не считать бахромы из коры, висевшей у пояса. Мои попутчики расположились в тени дерева и попытались завязать разговор, но женщины не отвечали. Мужчины тоже держались в стороне.

Однако стоило появиться на поляне Рою, как все заговорили и стали смеяться; каждый, будь то мужчина или женщина, стремился крепко обнять его.

— Так они встречают каждого, кто возвращается после длительного отсутствия, — объяснил он. — А я ведь не был здесь более года.

Рой подошел к двум женщинам, которые сидели рядом со мной, и стал о чем-то говорить с ними. Вдруг одна из них достала тростниковую корзинку, вынула огромного краба и положила передо мной. Я отодвинулся — краб был настоящим чудовищем, величиной с большую тарелку, его клешни угрожающе шевелились. Увидев, что я испугался, женщина сунула его обратно в корзину.

— Она решила подшутить надо мной?

— Ничего подобного. Я сказал им, что вы голодны, и они предложили этого краба — единственное что у них было.

Я попробовал самостоятельно завязать с ними разговор, но безуспешно. Я говорил, жестикулировал, носился и прыгал вокруг них — никакого впечатления! Тогда я сел рядом с женщинами и стал размахивать у них перед глазами банкнотой в десять рупий. Они в ужасе разбежались. Потом, заметив, что у одного из мальчиков были лук и стрела, я взял их и нарочно неумело выстрелил из лука. Ребята рассмеялись. Я еще раз проделал то же самое. Тогда двое парнишек встали, стряхнули с себя пыль и, взяв меня за руки, отвели в уединенное место. Там они показали мне, как надо стрелять из лука. Я сделал вид, что очень внимательно следую их наставлениям, и на этот раз правильно выпустил стрелу. Они добродушно улыбнулись.

Осмелев, я собрал ребятишек вокруг себя и сел вместе с ними на корточки. Начал я с традиционного индийского приветствия. Они охотно повторили его. Потом я перешел к стишкам для детей, и это оказалось тем, что было нужно. Дети повторяли за мной строчку за строчкой. Теперь и женщины стали проявлять интерес, наблюдая за нами краем глаза и улыбаясь.

Лед, казалось, был сломан. Я очень хотел, чтобы женщины сами показали мне деревню, и попытался было растолковать им это, но они продолжали плести корзины и не обращали на меня никакого внимания.

— Мне хотелось бы побывать в деревне онге, — сказал я, наконец, Рою. — Где она?

— Она здесь, перед вами, — ответил он, ткнув ножом в направлении большого купола за изгородью.

— Это ведь хижина, — возразил я. — А мне нужна деревня.

— Это и есть деревня. Деревни онге состоят из одной большой хижины, в которой живут все семьи.

Я попросил его проводить меня. Хижина представляла собой овальный тростниковый купол, причем крыша спускалась до земли. Через небольшое отверстие мы проникли внутрь. В хижине было сумрачно и пыльно, и я смог разглядеть лишь деревянные нары на столбах вдоль стен и ничего больше — никакой кухонной утвари, никакого оружия, никаких личных вещей. Каждая нара все же была украшена нанизанными на веревку черепами свиней и головами черепах, свисавшими с потолка, — охотничьими трофеями онге. На одной из нар лежала пустая бутылка.

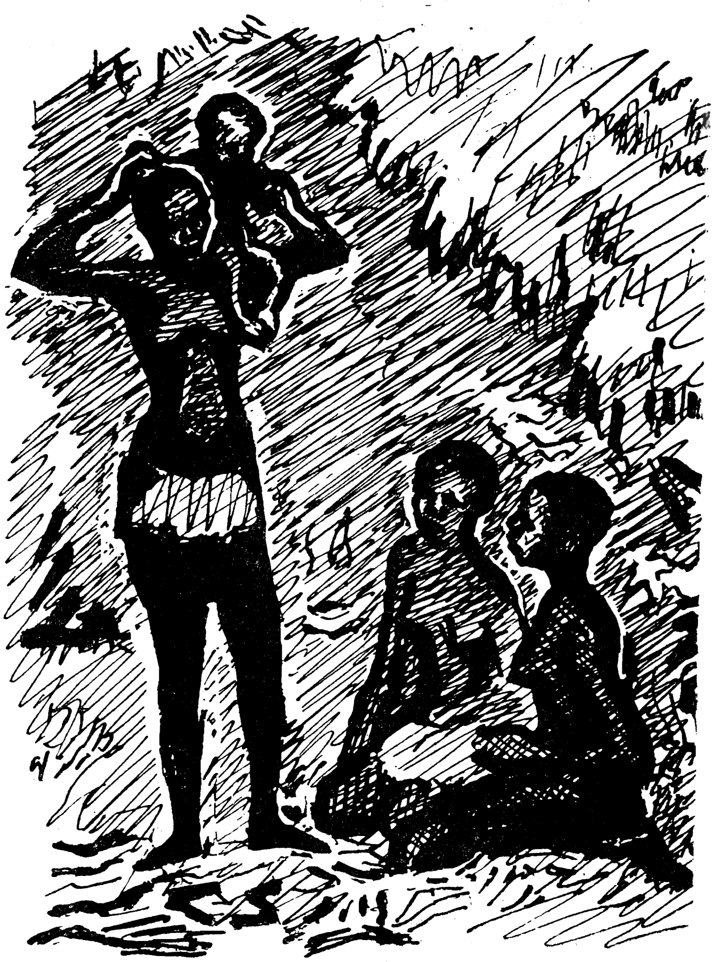

Рисунок В. ЧЕРНЕЦОВА

— В ней, наверное, было лекарство? — поинтересовался я.

— Трудно сказать, — ответил Рой. — Но вообще они используют стекло для «стрижки»: разбивают его, нагревают небольшой кусок на огне и потом подпаливают волосы на любой фасон. Онге обычно предпочитают стричься «под кружок», причем волосы низко спускаются на шею.

— Но почему в хижине никого нет?

— Они здесь только спят. А дни проводят на берегу бухты или же в зарослях.

Мы вернулись обратно и увидели, что все женщины и дети собрались у костра. Когда он хорошенько разгорелся, на угли положили краба. Скоро он зашипел и изменил цвет. Его вытащили из костра голыми руками и раскололи камнем на мелкие кусочки. Куски были розданы всем присутствующим. Мясо краба онге извлекали оригинальным способом: они не вытаскивали его палочкой и не разгрызали панцирь зубами. Они просто высасывали все съедобное. Когда с крабом было покончено, две женщины промыли клешни в морской воде и положили в свои корзины. Из этих клешней онге делают трубки. Я видел, как, насыпав табак в такую клешню, они рассаживаются в круг и с наслаждением курят. Когда табак кончается, заядлые курильщики набивают в клешни размельченные сухие листья.

После «обеда» детишки убежали к морю. Мы присоединились к ним. Хотя ребята были еще маленькие, они прекрасно плавали и замечательно ныряли, подолгу оставаясь под водой. Импровизированное соревнование с ними кончилось, увы, не в нашу пользу, — наглотавшись соленой воды, мы первые поспешили на берег. Онге-подростки, наблюдавшие за нами, дружелюбно улыбались.

— Вы понравились онге, потому что играли с детьми, — сказал мне потом Рой. — Они не очень-то доверчивы и поначалу всегда относятся к чужим с опаской. Когда же онге увидели, что вы играете с детьми, они поняли, что на этот раз им опасаться нечего.

...На Малом Андамане вечер наступает внезапно. Как только солнце скрылось за деревьями, фантастический оркестр птиц зазвучал на разные голоса. Голуби, соловьи, журавли, даже немногочисленные вороны — все вкладывали в оркестр свою лепту. Небо в лучах заходящего солнца стало лиловым. Подул прохладный, освежающий бриз, волны с шуршанием одна за другой набегали на берег.

Онге были печальны. Понурив головы, они сидели вокруг своего костра. Когда Рой пытался шутить, они его не поддержали.

— Они голодны, — сказал он. — За весь день только и добыли что горшок меду. Я им сказал, что мы привезли для них с корабля огромную рыбу и она лежит у протоки. Мужчины уже пошли за ней. На острове становится все меньше и меньше пищи.

— Что же мы можем сделать, Рой?

— До сих пор они ели только дикий ямс. Мы должны научить их выращивать его. Земледелие обладает к тому же еще одним важным преимуществом — оно отучит их от кочевого образа жизни, который приносит только вред, — ведь не везде есть хорошая питьевая вода.

На ночь мы устроились в хижине антропологов — деревянном сооружении на столбах, построенном доктором Киприани посреди расчищенного от зарослей участка.

— Рой! — позвал я из своей комнаты. — Как вели себя онге, когда вы в первый раз приехали сюда?

— В первые дни они дичились, прятались в кустах и оттуда приглядывались к нам. Однако со временем онге перестали скрываться, хотя, как и раньше, не решались подходить к нам. Доктор Киприани строго-настрого наказал нам ни во что не вмешиваться и заниматься своими делами. Первый месяц они все еще сторонились нас. Потом наиболее смелые подошли и помогли нести вещи. Наконец мы разговорились. С тех пор вся деревня стала относиться к нам дружелюбно.

— У вас никогда не было с ними неприятностей?

— Никогда, онге очень гостеприимны. Если бы не их помощь, мы не увидели бы внутренней части острова. Они водили нас по всей территории и знакомили с различными общинами. Остров большой — около трехсот квадратных миль, но онге живут лишь в центральной и северной частях. Остальная территория — болота и протоки. Онге не бывают в тех местах, там полно крокодилов.

— А змеи есть?

— Есть, но не ядовитые. Даже у здешних скорпионов нет жала. Единственное ядовитое существо на Андаманах — сороконожка. Ее укус вызывает опухоль и острую боль.

Сон никак не приходил, и я продолжил свои расспросы.

— Рой, — сказал я, — как женятся онге?

— Вступление в брак проходит в общем-то без всяких церемоний. Они свободны в своем выборе. День, когда девушка и парень разрисовывают друг друга белой и оранжевой глиной, разведенной в воде, считается днем их свадьбы. После этого в течение двух недель «молодая» носит бахромчатую повязку, чтобы все знали, что она вышла замуж. Впредь ни один мужчина не будет ухаживать за ней. Такого «сигнала оповещения» вполне достаточно — племя не знает, что такое измена. Ни один из супругов не может жениться вторично, если только один из них не умирает. За детьми присматривают все женщины. В возрасте 13—14 лет дети начинают сами заботиться о себе и, если захотят, могут переселиться в другую общину.

...Утром Рою и мне надо было отправиться в разные стороны. Он должен был сопровождать группу чиновников в восточную часть острова, а я намеревался поохотиться в джунглях. Моим проводником согласился быть только вождь онге — Канью, остальные предпочли Роя. Если учесть, что я собирался на охоту ради них — онге любят мясо диких кабанов, — поведение их казалось странным.

— От них не будет никакой пользы, — объяснил мне Рой, — они ведь безоружны: последнее копье сломалось две недели тому назад.

Собаки, кажется, тоже разделяли мнение хозяев. Три из них неохотно подошли на зов Канью. Шагов через сто две собаки отстали, через несколько метров повернула и третья.

Нам оставалось положиться на собственный слух и зрение. Заросли оказались невероятно густыми, на расстоянии двух шагов мы ничего не видели. Лиственный покров над головой был опутан ползучими растениями. Землю покрывал ковер из диких цветов — синих, желтых, розовых; одни были похожи на колокольчики, другие — на шарики.

Вскоре мы вышли к протоке футов тридцати ши-

риной. Нам предстояло перейти ее по стволу мангрового дерева. Канью шел первым, уверенно и быстро, а я застрял на середине «моста».

— Канью!

Вождь в это время был уже на другой стороне, но, услышав мой зов, быстро вернулся. Он взял у меня винтовку и, держа меня за руку, провел по стволу. На этот раз я чувствовал себя увереннее до тех пор, пока до твердой земли не остался всего один шаг. Под моей ногой вдруг обломилась гнилая ветка и с треском полетела вниз. Она тут же стала тонуть — внизу оказалась не грязь, а плывун.

На другой стороне протоки мы занялись поисками дичи.

— Канью, — сказал я. — Куи? («Куи» на языке онге означает «свинья»).

— Куи нарема, — печально покачал головой он.

Ответ меня не обрадовал. «Нарема» означает «нет» или «ничего». Это было второе и последнее слово на языке онге, которое я знал.

Когда мы вернулись на стоянку племени, я сразу почувствовал, что здесь что-то случилось. Онге были мрачны и молчаливы. Даже дети, обычно такие веселые, понуро бродили вдоль берега бухты. Под навесом из листьев корчилась от боли женщина. Над ней склонился Рой и шепотом успокаивал ее. Он отвел меня в сторону.

— Вчера они ели только рыбу и мед. Вот у этой женщины и разболелся живот. Нет ли у вас какого-нибудь лекарства?

Я взглянул на женщину. Она была молода, почти девочка, и очень красива.

Мы отправились в хижину антропологов за лекарством. Рой казался озабоченным и расстроенным.

— Не знаю, как они будут дальше жить, — сказал он, будто продолжая прежний разговор. — Решать эту проблему надо немедленно. Онге еще достаточно многочисленны, а вот другое племя, живущее на Северном и Среднем Андамане, почти целиком вымерло. В начале XX века там насчитывали около пяти тысяч человек, сейчас их осталось всего двадцать три. Мне жалко эту девушку, — добавил он — Правда, она красива?

Я кивнул.

— Мы всегда звали ее «Мисс Малый Андаман», — продолжал Рой. — Впервые я ее увидел несколько лет тому назад. Тогда она была еще девочкой. В следующий приезд я заметил, что она очень похорошела. Потом мы услышали, что «Мисс» вышла замуж. Но замужество не принесло ей счастья — у нее не было детей. Такова судьба многих женщин онге. Примерно каждая третья — бесплодна.

— Наверное, это тоже из-за хронического недоедания? — спросил я. — Кстати, если уж говорить о голоде, вы заметили, что они совсем не охотятся на птиц? У них даже стрелы без оперения. Если мы им докажем преимущества стрел с оперением, они смогут охотиться на голубей. Их ведь полно на острове.

— Это бесполезно! — возразил Рой. — Они охотятся только на рыб. Потому-то у стрел и нет оперения. Онге ни за что на свете не будут есть птиц.

Наш разговор прервали гости — чиновники из Управления развития. Инспектор плантаций Джаган Сингх был в восторге от кокосовых пальм, посаженных на острове Киприани.

— Вы знаете, мистер Вайдья, эти люди удивительны. Они не только не повредили ни одной кокосовой пальмы, но — больше того! Нам кажется, что они ухаживали за ними. Через два года пальмы начнут плодоносить.

В тот день мы все пошли купаться. К нам присоединились мужчины онге. Когда мы выходили из воды, женщины, сидевшие на песчаном берегу бухты и наблюдавшие за нами, поднялись и исполнили в нашу честь танец. Они двигались по кругу, покачивая бедрами и хлопая в ладоши. Нас очень растрогало такое проявление дружеских чувств.

Утром мы уезжали. Когда вещи были уложены, я роздал привезенные с собой подарки: дхау — Канью, нож — молодому онге, помогавшему переносить вещи, другой нож, поменьше, — самому старому онге. Остальным — рыболовные крючки.

На расчищенном участке джунглей, возле посадок кокосовых пальм чиновник из Управления раздавал подарки от имени администрации — пачки чая и сахара.

— Кому подарить четыре набедренные повязки? — спросил он у Роя.

— Разорвите их на кусочки и раздайте всем, — посоветовал тот.

— Но они такие длинные, их жалко рвать.

— Даже если вы отдадите их целиком, они все равно разорвут их на куски. Онге предпочитают ленты.

Итак, набедренные повязки разорвали, а лоскуты роздали. Вскоре у всех онге на запястьях, локтях и в ушах развевались цветные тряпочки.

Все население деревни вышло провожать нас. Канью и еще один мужчина прыгнули в лодку и сопровождали нас до «Индуса». Они даже поднялись ненадолго на борт, и Рой показал им мостик и машинное отделение. На них это, по-видимому, не произвело никакого впечатления. Посмеиваясь, онге прыгнули обратно в свою лодку. И долго еще мы видели лодку онге, медленно двигавшуюся к острову. Канью и его товарищи, не переставая, махали нам вслед.

Перевела А. ВЯЗЬМИНА

ЗАОЧНЫЕ ЖИТЕЛИ

Если верить статистике, то одно из самых первых мест на свете по рождаемости до недавнего времени «занимал» район Лондона Степней. Но сами жители района этого никогда и не подозревали.

Тайна разгадывается просто. В 1538 году Томас Кромвель, викарий короля Генриха VIII, приказал каждому церковному приходу завести книгу рождений и смерти. Возник вопрос — для морской державы немаловажный, — а куда же, в какую книгу вписывать детей, рожденных в открытом море? И вот епископ лондонский, недолго думая, велел вписывать их только в книги церкви святого Дунстана, что в районе Степней.

С тех пор в течение сотен лет капитаны английских кораблей, которым посчастливилось привезти из плавания новорожденного, обязаны были сообщать об этом в «морской» приход. А священник, не споря, вносил в книгу имя еще одного в глаза им не виданного младенца.

Ю. КУВАЕВ

Байдарный

Это история о хмуром капитане Анкарахтыне, об экзотике островов Серых Гусей, которые есть на самом деле, хотя о них никто почти не знает, и, может быть, это история о тех мыслях, которые навещали нас в мертвой впадине Колючинской губы в сентябре прошлого года. Короче, это просто рассказ о дороге, если, конечно, считать, что дорога — это не только километры.

Мы прибыли в поселок Ванкарем в состоянии томительного одиночества и неуверенности в завтрашнем дне. Перед этим наша экспедиция сплавилась рабочим маршрутом по фантастической реке Амгуеме, которая почти точно по меридиану пересекает Чукотский полуостров. Я назвал ее фантастической, потому что, когда я говорил в Москве о том, что на Чукотке есть большая река под звучным именем Амгуема, мне не верили, а один умник даже догадался, что я выдумал это слово от слова «Аэлита».

Одиночество и неуверенность в завтрашнем дне объяснялись тем, что мы уже пять месяцев находились только вдвоем, и по плану работы нам необходимо было проплыть еще восемьсот километров вдоль берега Чукотского моря до мыса Дежнева, и наступал сентябрь — последний месяц шлюпочной навигации.

Даже ванкаремская галька, известная тем, что в нее проваливаешься чуть не по колено, шуршала беззвучно

С трудом мы нашли дом председателя колхоза. Лохматый молодой человек одетый спал на кровати. Он спал смертельным сном грузчика, которым спят все чукотские приморские поселки после разгрузки парохода-снабженца. Я вынул «Беломор», и в это время лохматый молодой человек с оханьем сел на кровати.

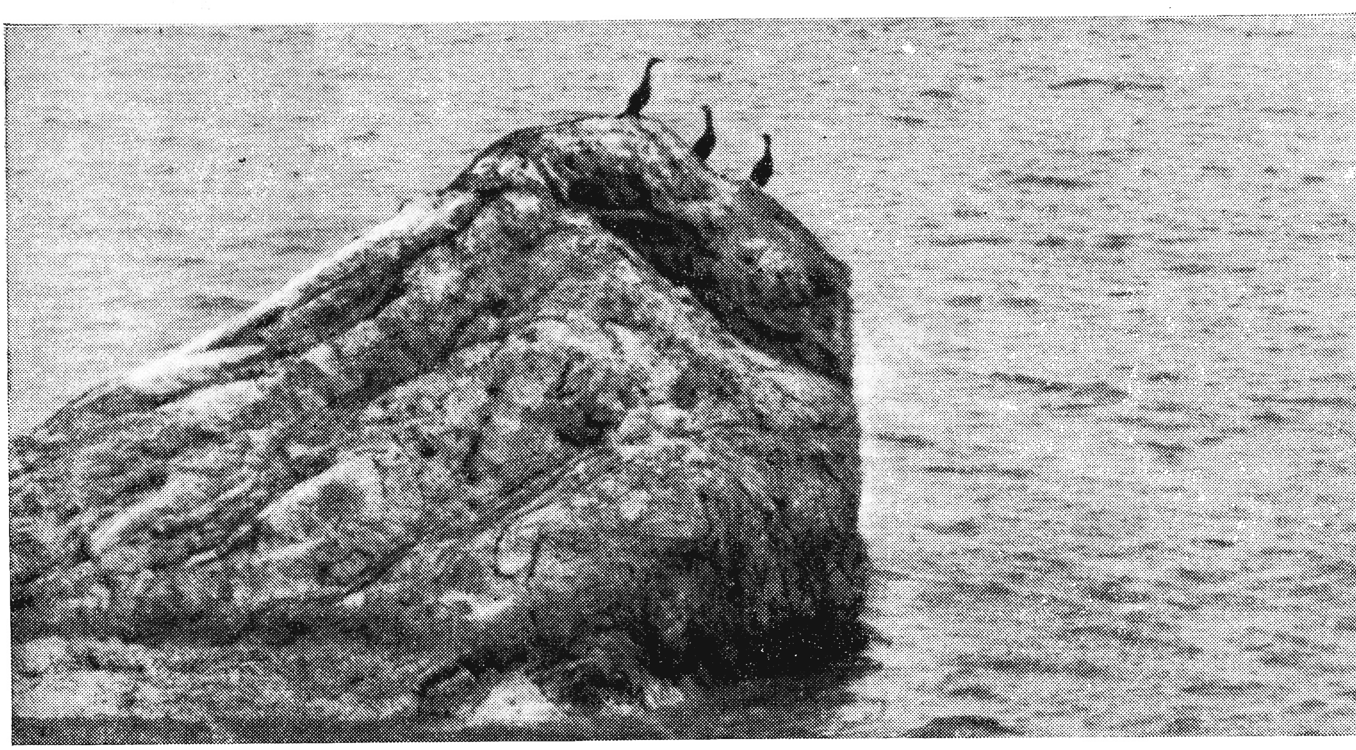
— Привет, — сказал я, и он без особой приветливости ответил тем же.

— Я зоотехник, — сказал он, выслушав нас, — и я здесь новый человек. У вас гиблое дело с арендой этого транспорта. Колхозу нужно пятнадцать тонн моржа, а в ямах всего пять. Вельбот неделю как ушел на промысел. Председатель в тундре, но и он бы вам не помог. А в общем говорите с заместителем о своем гиблом деле. — Он снова лег на кровать, но глаза закрывать не стал.

Восемьсот километров непройденного маршрута повисли перед моими глазами, но в это время стукнула дверь и появилось начальство: баскетбольного роста женщина в сером пуховом платке. Мы познакомились и выпили по стакану терпкого «лиманского», перед тем как закурить и начать доброжелательный разговор только что познакомившихся людей.

Лохматый зоотехник помалкивал, и я исподволь узнавал все, что надо, чтобы потом уже сразу начать концентрированную атаку с заранее подготовленных позиций.

Я узнал, что она работает здесь четвертый год,

капитан

сразу же после бухгалтерских курсов, что играла в баскет за воронежский «Урожай», что весной раздавило вельбот и теперь остался только один, что механик-муж ушел на тракторе в оленьи стада неделю назад...

Безмятежные пузырьки фраз все еще всплывали и лопались в стоячей воде нашего разговора, когда я решил: «Пора!»

Это была простая, но испытанная четырехступенчатая система: знакомство, стакан вина, разговоры, просьба.

Бывают атаки, которые захлебнулись еще до того, как солдаты вылезли из окопов. Тот самый случай, когда противник знает твои планы раньше, чем они родились у тебя в голове.

Она оказалась хорошим человеком, и мы вместе посмеялись над моим тактическим усердием. И только после того, как я отсмеял свой неискренний смех, желтая волна отчаяния дала мне необходимую ясность мысли.

— Вера, — сказал я, — понимаете, нам очень нужна байдара. У нас впереди восемьсот километров, много замеров и очень мало дней.

Она ничего не сказала, и мы снова выпили «лиманского» и начали говорить о том, о сем, как говорится, хорошо владея собой.

Мы нашли общих знакомых на мысе Биллингса и на острове Врангеля, припомнили разные истории, что с ними бывали, а заодно повспоминали о себе.

И когда мы опять помолчали, размягченные вином и мемуарами, она сказала:

— Байдара у нас есть. Поговорите с Анкарахтыном. Он у меня сейчас единственный незанятый человек. Прямо-таки очень незанятый.

— А что он из себя? — заинтересованно спросил Серега.

Зоотехник хмыкнул. Она сказала:

— Увидите сами.

«Лиманское» и смутная вера в удачу толкнули нас в тот же вечер на поиски человека с хрустящей фамилией Анкарахтын.

Ночи были уже темными. Мы шли по сумеречному безлюдному поселку, загребая сапогами знаменитую гальку.

Желтым свечным и керосиновым пламенем светились отдельные окна. Ночная хитроглазая тишина смотрела на поселок из тундры.

Человек, указавший дорогу, остановился и долго стоял так глядя нам вслед.

Мы обошли найденный дом кругом. Окно светилось. Я долго стучал в сени, потом дернул дверь на себя. Она открылась легко и беззвучно. Молча и нагло между ног шмыгнули на улицу две собаки.

Большеголовый темнолицый человек сидел на койке. На низеньком столике горела керосиновая лампа. Лежали куски черного тюленьего мяса. Стояла бутылка.

Я посмотрел на его лицо и сразу понял, что передо мной сидит чугунный неудачник.

...Он, видимо, был здорово пьян. Некоторое время мы все молчали.

— Я Анкар-рахтын! — вдруг крикнул он с раскатом через «р» и гулко хлестанул себя по груди.

Мы молчали, и тогда он, протрезвев лицом, вдруг улыбнулся, почти любезно, и протянул ру-

Чукотские фотоэтюды В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

ку. Мы столь же церемонно представились и сели за стол.

...Мы просидели в этой комнате до рассвета, и это была действительно тяжелая ночь.

Сидящий перед нами человек был нам нужен, так как именно в нем заключался наш шанс на восемьсот километров, и он знал, что он нам нужен; я чувствовал хитроватые всплески его мыслей, которые он тщательно прятал за темной завесой опьянения. Он хитрил, так как не знал, как решить, и, может быть, если бы он не был пьян, то думал бы тяжело, но прямо.

— Я — моторист, — говорил он с раскатом через «р». — Никто не знает мотор лучше меня. Так?

— Так, — соглашался я.

— Я байдарный капитан. А?

— Верно

Он молча сопел некоторое время в темный угол комнаты, потом говорил почти жалобно:

— Я умею класть печи, и я плотник. Ты умеешь класть печи?

— Нет, — честно ответил я.

— Я Анкарахтын, — гордо сказал он и вдруг разозлился. — Почему мне дали самую маленькую байдару возить туда-сюда возле поселка?

— Наверное, потому, что ты пьешь.

— Пью, — согласился он.

Все-таки дело сдвинулось с мертвой точки. В два часа ночи мы стали составлять непомерно длинный список продуктов, чтобы доплыть до соседнего поселка в семидесяти километрах к востоку отсюда. («Оч-чень маленькая байдара, дальше нельзя».) В три было твердо решено, что он довезет нас до конца маршрута и мы отправим его обратно самолетом. В четыре он отказался от всего и сказал, чтобы мы искали другого байдарного капитана. В шесть утра мы отправились смотреть байдару.

Она стояла на не очень высоких подмостках, и ее можно было хорошо осмотреть, не спуская на землю. Это была так называемая средняя байдара килограммов на семьсот, со старой обшивкой. Потемневшую моржовую шкуру обшивки украшало шесть больших заплат и бессчетное количество маленьких. Одна дырка с чисто лентяйской гениальностью была заткнута куском моржового сала. И только на носовых скулах белоснежной краской выделялся номер: ВН-740.

Анкарахтын молча смотрел в землю, пока мы осматривали байдару. На последних остатках хитрости я сделал решительный ход.

— Конечно, — сказал я. — байдара твоя, капитан, решето. Дальше соседней деревни плыть не имеет смысла.

— Я решил, — трезвым голосом сказал Анкарахтын. — Я отвезу вас до Нешкана и вернусь обратно.

Поселок Нешкан, второй по счету поселок к востоку по нашей дороге, был в четырехстах пятидесяти километрах отсюда. Там, за Колючинской губой, начиналась уже настоящая морская зверобойная Чукотка с обилием вельботов и морских бригад. Это был идеальный вариант, и потому я сказал как можно равнодушнее:

— Ты много сегодня говорил, Анкарахтын. Дай честное слово, или мы будем искать другого байдарного капитана.

— Пожалуйста, — сказал он. — Отвезу.

Однако на следующий день все осталось на своих местах. И так продолжалось еще три дня.

Желтый минор сентябрьского чукотского солнца звучал над поселком. Шальные стаи гаг носились над крышами домов из моря в лагуну и потом с тем же стремительным свистом крыльев из лагуны в море. Их стреляли с крылечек домов. Сбитые птицы падали прямо на улицу. К ним наперегонки кидались люди и собаки.

Восемьсот километров непройденного маршрута толкнули меня на решительный шаг. Развеселый азарт общепоселковой охоты собрал около одного из домов кучу болельщиков. Все было на виду Гремели выстрелы, ахали, ехидничали и смеялись болельщики. И, как бы подтверждая истину, что человеку необходим коллектив, из своей угрюмой норы вылез Анкарахтын. Я громко, так, чтобы слышали все, напомнил ему о честном слове.

В тот же вечер злой и угрюмый как черт Анкарахтын возился при керосиновой лампе с мотором. Я видел, как независимо от выражения лица руки его работали бережно и умело.

На следующий день в два часа дня к берегу подошли первые люди. Это были старик с внуком. Они шли рядом, внук держался за руку деда. Старик сел на землю и закурил. Внук прислонился к вытертой коже его кухлянки и стал смотреть на нас с тихой серьезностью. Пришли три женщины и стали поодаль. Их камлейки пестрели, как весенний луг. Шли мужчины.

Шесть человек стали по трое с каждой стороны байдары. Старик оставил внука и встал седьмым впереди всех. Кто-то сказал вполголоса: «Гогок!» — и байдара поплыла по воздуху. Семь пар нерпичьих торбасов осторожно месили землю.

Тринадцатисильный «Архимед» тонко взвыл после первого же рывка ремня, толпа на берегу стала уменьшаться, резкий ветер стал бить в скулу байдары мелкой разгонной волной, и через низкие борта полетели брызги, тотчас превратившие нас в каких-то двухцветных людей — спереди мы были синими и блестящими, а сзади сухими, красного кухляночного цвета.

Вечером мы пристали к берегу и укрылись от дождя и ветра за поставленной набок лодкой. Дождь шуршал по моржовой шкуре, нагоняя осеннее «дождевое» настроение. Казалось, что прошло совсем немного времени; и я только успел подумать, что пора достать спальные мешки и улечься нормально, как вдруг Анкарахтын молча толкнул меня в плечо и молча же стал переворачивать байдару на киль, отвязывая поддерживающие ее весла.

Было четыре часа утра, уже светало. Ветер стих, но волна все еще била о берег.

В два часа дня мы дошли до ближнего поселка. Здесь нам надо было забрать бензин.

Поселок очень походил на Ванкарем, только улицы покрывала не галька, а трава и размятый тракторными гусеницами торф.

Мы разгружали байдару, и никто не подходил к берегу и не обращал на нас внимания. Метрах в двадцати несколько молодых парней и девушек играли в волейбол. На девчонках были летние платья, на парнях — тренировочные костюмы. Вероятно, это были студенты, приехавшие на каникулы. Я пошел искать правление, а когда вернулся, уладив дела, Анкарахтына не было.

Серега резвился в волейбол, устанавливая дружеские контакты.

Я сидел у байдары, и тягостный змий подозрений грыз мне душу. Этот змий окончательно окреп, когда я увидел Анкарахтына с тремя приятелями. Они шли к байдаре и разговаривали что-то слишком уж оживленно. Капитан наш был навеселе и даже улыбался. Семьсот тридцать километров непройденного маршрута... Но в это время я был представлен Эттувги, Чокве и Танляю; и выяснилось, что через десяток минут трактор подвезет нам бензин, вместо того чтобы тащить его на руках, и что Эттувги, Чокве и Танляй милые люди, которые помогут нам погрузиться.

...Мы плыли мимо низких галечных и песчаных берегов, гигантских береговых обрывов, мимо тысячных гагачьих стай и любопытных тюленьих голов, встречающих и провожающих стук мотора.

На карте сорок седьмого года, которая у нас имелась, полукружиями и квадратиками условных знаков были проставлены фактории, стойбища и отдельные яранги. Мы знали, что ничего этого нет, что первое жилье будет за много километров отсюда за Колючинской губой. Все эти стойбища и яранги были сведены в свое время в немногие центральные поселки. Когда я намечал места для измерений, я всегда старался привязать точки к этим бывшим жилым местам, где нас встречали моржовые и тюленьи черепа, остатки вешал для рыбы и байдарных подставок. Мы делали измерения примерно через десять-двадцать километров, и почти всегда находилось бывшее жилое место, и было как-то приятно видеть сверкающий никель и лак наших приборов среди старого жилого хлама и думать о том, что на хитроумных картах результатов наших замеров, около цифр, появятся забытые названия забытых мест на древней земле.

Я думал о транспорте. Конечно, перевод людей в центральные поселки был в свое время рационален, ибо люди должны жить в домах, для домов необходимо топливо, а пароход-угольщик не может останавливаться около каждого человеческого жилья на необозримом берегу.

Но я думал и о тысячах уток, и о тюленях перед нами, и о рыбе под днищем нашей лодки, думал о неосвоенном и почти не осваиваемом.

На вторые сутки мы подошли к островам Серых Гусей. Это низкие песчаные острова, заросшие метлицей и жесткой осокой. Есть такое понятие — «тихие земли». Об островах Серых Гусей у меня осталась память, как о самом тихом месте на земле. Стоял равномерно-волнистый морской штиль. И я задремал под это качание.

Байдару немного качнуло, и я очнулся. Засаленные ремни обшивки, груда нашего закопченного хлама сразу вернули меня на байдару. Серега сидел, сгорбившись, втянув шею в вырез кухлянки, и смотрел на берег. Только сейчас я заметил его впалые щеки, щетину на лице и что у Анкарахтына, который все время сидит на руле и смотрит только вперед, здорово воспалились глаза.

На следующий день северо-западный ветер, похожий на удар по лицу мокрой тряпкой, загнал нас в узкое горло Колючинской губы. Мы встали под защиту косы, отделяющей губу от моря, и просидели на этом месте ровно пятнадцать дней, ни больше ни меньше.

Я вспомнил острова Серых Гусей, и неясная грусть выгнала меня на улицу. Берега Колючинской губы состоят в этом месте из мелких холмов. Когда-то ледник притащил сюда горы песка и щебня, потом их размыла вода, которая даже камень точит в своем невероятном упорстве, и получились холмы, которые потом заросли травой и были грязно-желтыми в это время года. Я бродил по этим холмам, спускался к безжизненным блюдцам озер между ними и снова поднимался на холмы. Если смотреть сверху, то всюду была страна холмов, и казалось, что весь мир состоит из них и туманной пелены дождя.

...Северо-запад стих и сразу же сменился теплым ураганным югом. Ураганный южный ветер рвал полотнище, тряс поставленную набок лодку, но все-таки это был настоящий ветер, ветер-мужчина Он понравился нам уже тем, что стих на третьи сутки. И мы снова очутились на воде.

Гигантский поток устремлялся в горло губы. Мы заметили это только тогда, когда подошли к самому выходу. Возвращалась вода, выжатая южным ветром. Она несла с собой лед, плавниковые бревна и вздувшийся труп моржа.

Мы смотрели на это с любопытством детей, не ведающих, что перед ними творятся страшные вещи. Мы поняли все, когда «Архимед» взвыл отчаянным ревом бессилия и корпус байдары стал вибрировать от напора воды. Упираясь тяжелыми сапогами в гальку, мы тянули байдару на длинном моржовом ремне. Наглухо закрепленное кормовое весло не давало ей пристать к берегу.

Накиданные штормом валы льда таяли на берегу. Между ними и водой оставалась узкая метровая полоска. Мы шли по этой полоске, обливаясь бессильным потом. С этим потом из нас выходили пятнадцать бездельных лежачих дней, килограммы чая и табачища.

Упираясь и глядя в землю, мы не смотрели вперед. Резкий рывок ремня едва не сбил нас с ног. Громадная льдина стремительно шла навстречу в десяти метрах от нас. Между льдиной и берегом оставалось как раз столько, чтобы смять лодку в лепешку.

Чертом Анкарахтын взметнулся на льдину и великолепным рывком ремня в нужный момент поставил лодку точно под нужным углом. С ремнем в руке наш капитан промчался по внешнему краю льдины, и семисоткилограммовая байдара послушно летела за ним, как привязанный за нитку спичечный коробок. Он был великим байдарным капитаном, этот чугунный неудачник!

...Нас выкинуло на берег ровно через четыре часа, на сей раз по-настоящему. Откуда-то с севера из-за больших свободных пространств, так как лед отогнало южным ветром, шли валы, упрямые, как стенобитная машина. Нам надо было сделать замеры, и я тянул столько, сколько было можно, и еще чуть больше, но приставать к берегу все-таки было необходимо.

Два раза я кивком показывал Анкарахтыну на берег, как обычно, и два раза он не замечал моего кивка. Ему во что бы то ни стало хотелось без приключений добраться до поселка. Я сказал ему в третий раз уже голосом, и он снова сделал вид, что не видит и не слышит.

— Так мы не уговаривались, — сказал я и полез на корму, чтобы самому повернуть лодку.

Анкарахтын бормотнул какое-то чукотское ругательство, но лодку все-таки повернул. Шум на-

ката становился все слышнее и слышнее, пока не стал таким громким, что нельзя было разобрать голос.

Задача заключалась в том, чтобы соскочить на землю, пока нос байдары еще не коснулся берега, и тут же оттолкнуть ее обратно, чтобы она все время была на плаву; и я пробирался на нос с прибором в одной руке и все прицеливался и прицеливался и все-таки сделал не так, как надо. Когда накатный вал поднял лодку так, что сверху стала видна вся коса и трава на ней и накиданный осенними штормами плавник, я прыгнул, но прыгнул не прямо, как надо, а немного вбок. Второй закон Ньютона сработал безошибочно: нос байдары отошел вправо, подставив волне беззащитный борт. Потом была каша: вода, окатившая нас с головы до ног, всплывшие весла, скрежет борта о гальку, хаос и мысль, что все пропало.

...На этом месте мы пробыли три молчаливых дня. Море совсем ошалело, от водяного грохота болела голова и не хотелось говорить.

Здесь была интересная страна. Плоская, красного гобийского цвета и абсолютно безжизненная. За те пятнадцать дней у нас стало худо с продуктами. Осталось что-то около килограмма муки и небольшой шмат моржового мяса. Еще имелось чертовски много чая и полнаволочки лаврового листа.

Метрах в двухстах от берега, почти над самой водой, все тянули и тянули бесчисленные стаи гаг. За день мимо нас проходила не одна тысяча, но на таком расстоянии дробовик был бессилен, а из карабина можно было лупить только наудачу.

Все же в один из вечеров Анкарахтын не выдержал. Он вытащил из чехла свой карабин и стал посылать в стаи пулю за пулей. Я засыпал, и выстрелы все врывались и врывались в прибойный шум и хлопанье палаточного брезента.

Все-таки он сбил одну птицу, и утром мы сварили ее, прибавив для крепости перца, лаврового листа и несколько кусочков моржового сала.

...Три дня я бродил по «гобийской стране» с биноклем и карабином в надежде подстрелить что-либо покрупнее утки. Чукотский загадочный ветер свистел меж черных камней, и странными и удивительными казались заверения в том, что скоро в этих местах будут расти пшеница и по дорогам пылить грузовики.

Я возвращался всегда по берегу моря мимо торфяных темных обрывов с ослизлыми линзами льда. Первая волна наката добегала до подошв, следующая заплескивала до колен, и приходилось отходить, но волна опять догоняла; и казалось, что сейчас будет вал, который воткнет тебя в торфяную расщелину. После волн оставалась желтая, дрожащая на ветру пена. Было неприятно идти сквозь нее. Казалось, что идешь сквозь живое.

На четвертый день мы оттолкнулись от берега с остервенелым намерением во что бы то ни стало доплыть до поселка. Оставалось семьдесят километров и по крайней мере три остановки.

Мы шли мимо мысов с чарующими названиями: Дженретлен, Энмыкай и Выквылхын. Была бортовая качка и птицы, все летевшие и летевшие на запад. За все эти дни мы не видели ни одной птицы, которая шла бы с запада. Казалось непонятным, где на востоке, в каких неведомых миру озерах и лагунах мог таиться этот неистощимый птичий запас.

Мы подошли к Нешкану ночью. Поселок стоял на песчаном берегу, и поэтому неизменный для песчаного берега намывной бар светился бурунными волнами в ста метрах от настоящего берега. Я вопросительно посмотрел на Анкарахтына, но он сидел с непроницаемым видом азиатского бога и все вел и вел байдару тихим ходом мимо домов, где светились окна и жили люди.

Я прозевал тот момент, когда байдара развернулась под прямым углом и, словно подхваченная какой-то надежной ладонью, стремительно понеслась к бару. Мотор взревел, некоторое время байдару трясло, так как винт бил о землю, и... стало тихо.

Мы растолкали сонного продавца, который вначале не хотел просыпаться, потом не хотел идти в магазин. Мы заставили его пойти, и он шел все охотнее и охотнее, а в магазине совсем подобрел.

Мы сидели около того же палаточного брезента, под той же надежной от дождя и ветра моржовой шкурой и пили непьянящее вино и ели, без конца вскрывая консервные банки, вначале для того, чтобы съесть консервы до дна, а потом, чтобы только попробовать. Нам было хорошо, и я говорил, что мы вот так проживем дней пять, отдохнем, что теперь мы обязательно дойдем до конца маршрута.

...На другой день Анкарахтын попросил меня купить трубку.

— Зачем? — удивился я, так как знал, что он курит только знаменитую на севере «Красную звезду».

— Буду плыть обратно, — сказал он. — Буду курить трубку. По-по-по! — Он показал губами, как будет курить.

Мы купили дешевую, за шестьдесят пять копеек корешковую трубку, других не было, и дешевый табак «Моряк», другого не было. Пока мы все это покупали, я понял, зачем ему нужна трубка. У него обратных четыреста пятьдесят. Четыреста пятьдесят километров одному.

За ночь стал штиль. Наверное, это был надежный штиль, ибо сколько же времени может дуть ветер. Мы столкнули байдару на воду. Анкарахтын долго усаживался, потом как-то вполоборота махнул рукой и вроде улыбнулся. Я все не понимал, почему он не хочет задержаться на этом месте, где так много продуктов и есть выпить. Ведь он же любит выпить, знает, что после всего ему открыт у нас безоговорочный безусловный кредит, как говорится, без всяких обязательств и ущемления сторон.

Старик «Архимед» заработал тихонько, и пустая байдара сразу пошла очень быстро. Так ушли из нашей жизни байдара за № ВН-740 и ее капитан Анкарахтын.

После шторма на берегу осталось много каких-то рачков и ленты морской капусты. Светило сентябрьское солнце, и от водорослей сладко пахло больничным запахом.

Мы молча шли к правлению колхоза, чтобы снова начинать добывать, выпрашивать, добиваться, так как впереди были следующие четыреста километров.

И лекарственный запах моря, запах здоровья, шел за нами по пятам.

Человек, который читал мысли

ЗИНОВИЙ ЮРЬЕВ
Рисунки Н. ГРИШИНА

ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Компаньон частного сыскного бюро «Донахью и Флисс» Юджин Донахью услышал: «Заходите, я лежу», — и вошел в номер. В комнате было темно, он остановился. И тут кто-то шмыгнул мимо, дверь захлопнулась, и он услышал, как щелкнул замок.

— Мистер Росс! — позвал он. — Что за шутки?

Никто не ответил. Окна сквозь драпри чуть посветлели, выступив в черноте смутным пятном, и вновь исчезли. «Должно быть, реклама на улице», — подумал сыщик и двинулся к окну. Что-то попало под ногу. Донахью нагнулся и ощупал руками — ботинки. Но они не просто стояли на ковре. Носки их торчали кверху! На полу лежал человек. Донахью отскочил, словно схватился за обнаженный электрический провод, и больно ударился о стену. Он ощупывал ее и жарко молился. Вот он, вот выключатель! Он судорожно нажал кнопку, но темнота не шелохнулась.

Испуганные мысли метались в голове, казалось, они вдребезги разобьют его черепную коробку: «В комнате труп Росса, в кармане — его фото. Дверь заперта. Как доказать, что не я убийца, что все это чудовищная провокация? Позвонить Барби или Трумонду? Но что они могут сейчас сделать, чем могут помочь?»

Внезапно ему почудился слабый стон. Стон повторился. Слава всевышнему — Росс жив! Он пополз, вытянул руку и ощутил что-то липкое. Сейчас сюда войдут, а у него на руках кровь. Он лихорадочно тер пальцы о ковер, пока рука у него не нагрелась.

Щелкнул замок, и Донахью вскочил на ноги. Тонкий луч фонарика, физически ощутимый в темноте, скользнул по лежавшему на ковре телу, прочертил причудливую траекторию и остановился на нем.

— Кто вы? — спросил голос.

— Юджин Донахью, компаньон частной сыскной фирмы «Донахью и Флисс» из Аплейка.

— Что вы здесь делаете?

— Я разыскивал человека по имени Дэвид Росс.

— Видно, вы так обрадовались встрече, что превратили его в лепешку? Я всегда говорил, что эти частные сыщики...

— Он жив, ему нужна помощь, но это не я.

Луч фонарика остановился на лице лежащего человека.

— Боже правый! — вскрикнул Донахью. — Это не Росс.

— Но, надеюсь, это тоже ваш знакомый? Отделать так незнакомого было бы просто невежливо.

— Это же Эрни Фитцджеральд, капитан полиции из Аплейка.

— Ну-ну. Я тоже полицейский, — сказал голос. — И может быть, вы сами расскажете, как и за что вы его так отделали? Или вам нужно для этого нормальное освещение?

ГЛАВА, В КОТОРОЙ ДЭВИД ПРИЗНАЕТСЯ КЛЕР В СВОЕМ УРОДСТВЕ

Дэвид открыл глаза и потянулся.

— Клер, — позвал он.

— Я здесь, милорд и повелитель, — Клер, плавно сгибаясь в поклонах, подошла к кровати с чашкой кофе в руках. — Простите, что ваш утренний кофе недостаточно горяч, но я ждала, пока повелитель соизволит открыть глаза.

У Дэвида мелькнуло ощущение, что все это уже было: он видел когда-то «этот гостиничный номер», пятна солнца на вытертом ковре и это улыбающееся лицо. С самого детства его иногда охватывало такое же тревожное чувство уже виденного, знакомого, но он так никогда и не мог найти потайную дверь воспоминаний.

Он выпил кофе и протянул ей чашку.

— Благодарю вас, моя добрая Клер, и разрешаю сесть рядом с собой.

Она обняла его за шею и уткнулась носом в его плечо, как тогда в Лас-Вегасе.

— Клер, — тихо сказал он, — тебе хорошо со мной?

Она едва заметно вздрогнула. «Это я всегда спрашивала, хорошо ли им со мной... Так не может продолжаться...» — подумала Клер.

— Почему? — спросил Дэвид. — Почему не может?

Она испуганно смотрела на него.

— Что — «почему»? Что — «не может»?

— Мне показалось, — сказал Дэвид, проклиная себя за то, что снова спутал мысли со словами, — что ты подумала о нас...

— Да, подумала, что это не может продолжаться. Я не смогу быть с тобой, каждую минуту я жду попрека. Ты хороший парень, но ты же нормальный человек, не святой. Святые не играют в блэкджек, не бьют с маху пистолетом по голове и не думают о том, сколько запросит эта девка с крашеными волосами.

Слезинки казались странно прозрачными на густо накрашенных ресницах. Голос звучал враждебно:

— Нет, я ни в чем не хочу упрекнуть тебя. Я злюсь на себя: дура, сентиментальная шлюха. Я думала всю ночь, я не хочу никаких истерик — двадцать пять долларов с вас, мистер, по таксе. Ничего не поделаешь, я молода. Приходите через десять лет — будет дешевле. А еще лучше — через двадцать, будет почти задаром...

Окончание. Начало в № 8, 9.

Дэвид почувствовал, как его подхватывает теплая волна нежности.

— Не плачь, — сказал он и, чуть прикасаясь пальцами, погладил ее затылок. — Может быть, тебе особенно и нечем гордиться, но и мне нелегко! Я урод, понимаешь, урод.

— Я этого не замечала.

— Нет, Клер, я урод. — «Зачем я ей все это говорю?» — пронеслось в голове, но он уже не мог остановиться.

...Клер смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Значит, ты так узнал и о снотворном? — прошептала она.

— Конечно, — сказал Дэвид. — Я вышел нарочно, чтобы ты могла подсыпать этой дряни. Мы квиты, Клер, — сначала ты хотела угробить меня, потом спасла.

— И ты знаешь, что я сейчас думаю? — спросила Клер.

— Ты думаешь: «Странное дело, он несет вздор, а я ему верю».

— А еще?

— А еще ты думаешь: «Пропади все пропадом, пусть бы он обнял меня...»

— И я не могу спрятать от тебя никакие мысли?

— Нет.

— Дэвид Росс, пока ты не услышишь от меня плохих мыслей, я буду с тобой. А сейчас о чем я думаю?

— О завтраке.

— Правильно. Кроме того, мне нужно кое-что купить себе. Из-за этой спешки у меня нет ни пижамы, ни зубной щетки.

— Возьми деньги, но зубную щетку я хочу купить тебе сам — в качестве королевского подарка.

— Как скажешь, повелитель.

Человек, сидевший против Юджина Донахью, сверкал, как новенький автомобиль под дождем. Свет отражался от его отполированной лысины, от стекол очков, от наманикюренных ногтей, от зеркала черных туфель.

— Позвольте представиться, — нервно сказал он. — Руфус Китинг. Мне рекомендовал обратиться к вам сенатор Трумонд, мой хороший друг и... Я думаю, вам можно доверять? Сенатор считает, что можно...

Частный сыщик торжественно кивнул головой.

— Если вас послал сенатор...

— Да, да, — поспешно согласился отполированный человек. — Я думаю, что можно рассказать вам все. Сенатор несколько дней назад получил конфиденциальные сведения о том, что в Хорс Шу намечено строительство секретного полигона. Естественно, что мы тут же решили купить там несколько земельных участков. Как только о строительстве будет объявлено официально, а это дело дней, цена их подскочит раз в двадцать.

И вот вчера я узнаю, что земля уже куплена кем-то. Вы понимаете, что это такое? Я не скажу — семьсот тысяч долларов, но полмиллиона практически лежали у нас в кармане. Что вы на это скажете?

— Гм, это бывает.

— Бывает? Этого НЕ бывает. О месте строительства не знал никто! Единственный человек в Пентагоне, который ведает этим делом, — близкий приятель сенатора. К тому же он сам... финансово заинтересован.

— Должно быть, кто-то еще был в курсе!

— Исключается! Вопрос был решен всего три дня тому назад.

— Не волнуйтесь. Вспомните все-таки, с кем вы виделись.

— Ну что ж, это можно попробовать. Утром в тот день сенатор позвонил мне, и мы уговорились встретиться в три часа. Разговаривали в моей машине, и, если только никто не спрятался в цилиндрах или коробке скоростей, ни одна живая душа не могла подслушать наш разговор. Через час я вылетел в Нью-Йорк, у меня там кое-какие дела. Вечером я никого не видел. На следующее утро разговаривал с одним знакомым...

— Кто он?

— Некто Пол Голдберг. Не имеет ни малейшего значения. Разговор у нас совершенно не касался дел.

— Но о чем вы все-таки говорили?

— О чем? Ах, да! Он мне рассказывал об одном прорицателе — «видит все насквозь» и так далее. Некто синьор Габриэль Росси, первый прорицатель папского двора. Я решил съездить к нему. Я человек не суеверный, но чувствуешь себя спокойнее, понимаете? Честно говоря, он меня разочаровал — отсоветовал мне заключать сделку. Я двое суток колебался, потом все-таки связался с агентом по продаже недвижимости в Хорс Шу. Тот меня и оглушил. «Вчера, — говорит, — участки были куплены за двадцать пять тысяч». Как раз столько я и собирался заплатить. Черт его знает, совпадение это или...

— Или что?

— Не знаю, мистер Донахью. Поэтому-то я и пришел к вам.

— А кто купил участки?

— Клер Манверс из Нью-Йорка.

— С кем вы еще разговаривали?

— Абсолютно ни с кем. Во всяком случае, о делах — ни слова. Я хочу, чтобы вы выяснили, кто эта Клер Манверс и откуда она узнала про Хорс Шу.

— Это будет стоить тысячу долларов и еще по тридцать за каждый день расследования.

— Валяйте, Донахью.

Средневековые астрологи не могли и предположить, что их потомки объединятся в профсоюз прорицателей. Но прогресс есть прогресс, и семьдесят пять тысяч современных американских прорицателей астрологов, ясновидящих, предсказателей и гадалок совсем не похожи на своих древних неорганизованных коллег.

Дэвид Росс открыл пухлый телефонный справочник и нашел адрес мистера Абдурахмана Али Сулеймана, президента Ассоциации прорицателей.

Дэвид знал, что мог бы загребать кучи долларов, пойди он в любую крупную компанию и докажи там свои необыкновенные способности. Он мог бы служить им живым детектором лжи, проверяя лояльность и деловую сообразительность служащих, мог бы стать мощным инструментом экономического шпионажа. Но так же твердо он знал, что стоит им поверить в его дар, как жизнь его не застраховала бы ни одна компания. Слишком опасен человек, читающий мысли.

Он мог бы пойти в Федеральное бюро расследований и, уж будьте спокойны, пробился бы к кому надо. Но и там никто не уберег бы его от смертельной дозы отравы или двадцатитонного грузовика.

Вот почему Дэвид оказался перед элегантной секретаршей мистера Абдурахмана Али Сулеймана. Она заученно растянула губы в улыбке и сказала:

— Простите, мистер Сулейман сегодня не принимает. Он погружен в созерцание будущего. Если бы вы заранее позвонили, вам не пришлось бы напрасно приезжать. Очень жаль, но ничем не могу вам помочь.

«Господи, почему так жмет правая? — думала она. — Левая не жмет, а правая жмет. В магазине было в самый раз, а сейчас жмет. Шестнадцать долларов! Черт их подери».

— А вы ее растяните, — сказал Дэвид, улыбаясь.

— Кого вы хотите, чтобы я растянула? — высокомерно вскинула брови секретарша.

— Правую туфлю. Шестнадцать долларов на улице не валяются.

— Вы, вы... — она не смогла даже договорить, выскочила из-за стола, забыв надеть правую туфлю, исчезла за дверью, выскочила обратно и молча кивнула на дверь.

У президента Ассоциации прорицателей не было в кабинете ни одного джинна, ни одного духа. На столе лежала раскрытая на биржевой странице «Нью-Йорк таймс». Президент в респектабельном костюме преуспевающего бизнесмена скептически-настороженным взглядом из-под кустистых бровей быстро и ловко ощупал Дэвида.

— Добрый день, мистер...

— Дэвид Росс.

— Росс?.. Мисс Пибоди тут рассказывала о вас настоящие чудеса, — сказал мистер Абдурахман Али Сулейман с чисто бруклинским акцентом. Он смотрел на Дэвида с брезгливостью врача, которому то и дело приходится иметь дело с симулянтами. «Фокусы... Знаем мы эти фокусы...» — мысли его звучали ворчливо и недовольно.

— Конечно, фокусы, и, конечно, вы их знаете, мистер Сулейман, — вежливо сказал Дэвид, — но другого способа привлечь ваше внимание у меня, поверьте, не было.

Президент Ассоциации прорицателей молча смотрел на Дэвида. «Но этого же не может быть. Я-то это знаю», — слышал Дэвид.

— Конечно, не может, — сказал Дэвид. — У меня просто развита способность анализировать выражение лица. Разумеется, я еще не

профессионал и не могу сравниться с вами в даре прорицания, но я подумал, не поможете ли вы мне найти работу в нашей общей области.

Мистер Сулейман вдруг решительным жестом отодвинул от себя «Нью-Йорк таймс» и сказал:

— Расскажите мне о себе. Вы же понимаете...

— Да, разумеется. Я из Аплейка. Журналист. Холост. В Нью-Йорк приехал всего несколько дней тому назад, чтобы поговорить с вами. Видите ли, моя матушка долгое время была парализована, не могла произнести ни слова, и я как-то незаметно научился по выражению ее глаз угадывать мысли. Потом я тренировался где только мог, бросил работу в газете и приехал к вам.

«Врет, наверное», — думал при этом глава прорицателей.

— Вы, очевидно, думаете: «Врет, наверное», — улыбнулся Дэвид.

— Гм, у вас есть способности. Ладно. Я деловой человек, мистер Росс, я люблю деловой разговор.

Прямо из аэропорта Донахью позвонил по телефону, который ему дал Китинг. Секретарша синьора Росси назначила ему прием на два часа. Он тут же отправился на Лонг-Айленд.

Темно-синий потолок приемной был расписан звездами и знаками зодиака, а на стенах, в стеклянных витринках белели распластанные скелеты неведомых птиц.

— Как вас записать? — улыбнулась секретарша, красивая блондинка в платье с фантастическими птицами.

— Чарльз Пратт, Нью-Йорк, — сказал сыщик.

— Вы хотите получить совет у синьора Росси?

— Да.

— Прошу вас, мистер Пратт, садитесь.

Донахью обернулся и увидел лицо, которое тысячу раз разглядывал на фотографии, которое теперь все чаще снилось ему. «Вот это удача! Искать Клер Манверс и найти Дэвида Росса. Самая большая удача со времени основания фирмы «Донахью и Флисс». Спокойнее, Юджин! Он-то не знает, кто я».

— Здравствуйте, синьор Росси.

— Добрый день, мистер Пратт. Чем могу быть вам полезен? — спросил «папский прорицатель» и нажал кнопку спрятанного магнитофона. Президент Ассоциации прорицателей настаивал, чтобы все разговоры с клиентами записывались на пленку.

— Хочу узнать, что сулит мне будущее, — сказал Донахью и ухмыльнулся про себя: «Такая удача! Теперь-то сенатор Трумонд будет доволен. Пожалуйста, сенатор, вот вам тот розовый подонок, который вздумал разоблачить вашу связь с минитменами. И сенатор скажет: «Благодарю вас, Донахью. Вас ждет великолепное будущее. Наберитесь терпения, не все нам выжидать, придет и наше время».

Прорицатель сидел, прикрыв глаза, словно погруженный в транс. Одной рукой он поглаживал огромный хрустальный шар, стоявший на столе, другой перебирал четки.

— Благодарю вас, мистер Донахью из «Донахью и Флисс»? — сказал прорицатель.

— Что? Что вы сказали? — подскочил сыщик.

— Жаль, что вам удалось выпутаться в Лас-Вегасе.

— Ах ты, мразь! — крикнул сыщик, вскакивая. И снова рухнул в кресло, увидев в руке у Росса пистолет. — Все равно мы найдем способ...

— Хватит пугать меня сенатором и этой вашей бандой минитменов.

Ярость заставила Донахью забыть о пистолете. Перед ним был человек, на котором можно сконцентрировать всю злобу и ненависть неудачника, готового убивать и сжигать, чтобы доказать свою силу и значимость.

Сыщик выбросил вперед кулак, вложив в удар весь свой вес. Он перегнулся через стол, пытаясь достать Росса.

Дэвид качнулся в сторону, изо всех сил дернул Донахью за вытянутую руку. Тот перелетел через стол и тяжело упал, ударившись о стену. Он пытался было встать на ноги, но Дэвид угрожающе поднял пистолет.

— Ничего, — прохрипел сыщик, и в голосе его клокотала ненависть, — ничего. Если минитмены за кого-нибудь возьмутся, они уж не выпустят его из своих рук.

— Я вижу, вы сами взялись предсказывать будущее, — усмехнулся Дэвид.

— Мы не только предсказываем его, мы его создаем, — сказал Донахью, все еще лежа на полу, — тебе повезло сегодня, ты вытащил пистолет раньше. Но рано или поздно мы возьмем оружие, мы, минитмены, во главе с Трумондом, и тогда посмотрим!

— Убирайся, — сказал Дэвид, — убирайся, пока я не нажал на спуск.

Сыщик вскочил на ноги и ринулся к двери. В комнату вбежала Клер.

— Дэвид, что случилось?

— Ничего, Клер, — ответил Дэвид. — Тебе хватает собственных мыслей и собственных страхов. Думаешь, я не знаю, о чем ты думаешь по ночам? Мне порой даже снятся твои сны!

— Уедем отсюда.

— Куда?

— Куда-нибудь.

— Некуда, Клер. Они везде найдут меня... Вот подожди, получим эти деньги, и то я не очень-то уверен в удаче. С другой стороны, они ничего не предпримут, пока земля на твое имя...

— Но как он узнал вас, Донахью? — спросил сенатор Трумонд, поворачиваясь к сыщику всем телом.

— Не знаю, сэр. Я уверен, что он меня никогда не видел раньше.

— А вы как думаете, Китинг?

— Черт его знает, сенатор, как у него это получается, но я начинаю верить, что таким же таинственным способом он узнал и о полигоне в Хорс Шу.

— Дернуло вас идти к прорицателю!

— Кто мог знать, сенатор? К ним ходит куча народу, но кто мог подумать, что он и вправду читает мысли?

— Мысли, мысли, — проворчал сенатор, — слова этого слышать не могу...

— Его можно было бы просто убрать, сэр, — почтительно сказал Донахью, — организация будет счастлива оказать вам небольшую услугу.

— Убрать? — сенатор пожал плечами. — Убрать, конечно, можно. Но полмиллиона тоже не валяются. Если мы избавимся от него, прощай все надежды на аннулирование контракта этой Клер Манверс.

— Послушайте, у меня идея. — Руфус Китинг даже присвистнул от возбуждения. — Я подаю на него в суд за разглашение профессиональной тайны. Я докажу в суде, что рассказал ему о сделке с землей в Хорс Шу и что он воспользовался этими сведениями в корыстных целях. Само собой

разумеется, мы и слова не скажем, что это за земля и для чего она нужна нам.

— А если он это знает?

— Никто ему не поверит. С одной стороны, мы упрячем его в тюрьму, с другой — аннулируем сделку.

— Черт его знает, может быть, в этом что-то есть, — проворчал сенатор.

ГЛАВА, В КОТОРОЙ ДЭВИД ПЫТАЕТСЯ ВЗЯТЬ ЗА РОГА БЫКА ПРАВОСУДИЯ

— Ваша честь, господа присяжные поверенные, леди и джентльмены, — начал свое выступление адвокат обвинения. Он был маленького роста и то и дело подымался на цыпочки, словно подскакивал задорным петушком. — Поверьте, мне неловко даже занимать ваше время — настолько очевидно дело, которое вы рассматриваете сегодня со всем тщанием и беспристрастностью нашего правосудия.

Что же произошло, ваша честь. Руфус Китинг, почтенный финансист, человек кристальной честности и высоких принципов, отец семейства и мой клиент, решает приобрести несколько участков земли в Хорс Шу. Инстинкт финансиста подсказывает ему, что когда-нибудь, возможно, эта земля сможет быть использована для блага общества. Но, ваша честь, как и у каждого человека, у моего клиента есть маленькие слабости. Он сомневается, он боится, он трепещет при мысли, что должен рискнуть деньгами своих детей, может быть, потерять их. Он хочет еще раз убедиться, что эти деньги будут вложены надежно. Он идет к прорицателю, к некоему синьору Габриэлю Росси, о котором ему рассказал знакомый. Ваша честь, господа присяжные заседатели! Леди и джентльмены! Вас, вероятно, удивит, что мой клиент пошел на такой шаг. При слове «финансист» вы, наверное, представляете себе решительного, уверенного в себе человека. Нет, мистер Руфус Китинг не таков. Это кроткий, добрый человек, подверженный постоянным сомнениям и колебаниям. И вот в своей трогательной беспомощности он решает пойти к прорицателю.

Он приходит к нему и рассказывает о предполагаемой сделке. Ему неловко и немножко стыдно, ибо он глубоко религиозный человек и стесняется своих предрассудков. И он рассказывает о своих планах прорицателю. Он верит людям. С открытым сердцем он ждет совета. «Ни в коем случае,— говорит ему прорицатель, — ни за что не впутывайтесь в эту сделку». Но через два дня мой клиент узнает, что участок в Хорс Шу куплен некой мисс Клер Манверс. А мисс Клер Манверс — секретарь и сожительница этого самого прорицателя.

— Я протестую против инсинуаций в адрес мисс Манверс, — сказал Дэвид.

— Протест принят, — сказал судья, — продолжайте.

— Итак, ваша честь, налицо самое гнусное преступление, которое можно только себе представить, — использование профессиональной тайны в личных корыстных целях. Представьте себе, ваша честь, во что превратится мир, если не будет существовать профессиональной тайны: врачи будут шантажировать своих пациентов, исповедники нач-

нут обирать свою паству — я содрогаюсь при одной этой мысли!.. Ваша честь, господа присяжные поверенные, обвинение просит примерно наказать Габриэля Росси, он же Дэвид Росс, за использование профессиональной тайны в корыстных целях и аннулировать контракт на покупку земли в Хорс Шу. Обращаю ваше внимание, ваша честь, что обвиняемому приходится самому защищать себя, ибо ни один уважающий себя юрист...

— Я протестую против намека адвоката обвинения, как клеветнического и не относящегося к делу. Я предпочел защищать себя сам, хотя многие...

— Хорошо, протест принят, — сказал судья. — Обвинение, кончили?

— Да, ваша честь.

— Защита, ваша очередь.

— Ваша честь, господа присяжные заседатели! Я не буду повторять все, о чем говорил адвокат обвинения. Я не буду даже защищаться сейчас. Я ограничусь заявлением, что мистер Руфус Китинг ни слова не говорил мне о своем намерении купить землю в Хорс Шу.

— Ложь! — крикнул с места Китинг, вытирая сияющую лысину.

— Выступает защита, — сухо сказал судья.

— Пока у меня все, ваша честь. Я готов ответить на все вопросы обвинения.

— Вопросы к обвиняемому, — сказал судья.

Адвокат вскочил на ноги и приподнялся на цыпочки. Казалось, он вот-вот закукарекает, захлопает крыльями и взлетит.

— Вы знали о продаже земли в Хорс Шу до визита к вам мистера Руфуса Китинга?

— Нет, не знал, — спокойно ответил Дэвид.

Адвокат оторопело захлопал глазами и опустился на пятки, но тут же снова подался вперед. Голос его звучал торжествующе и ехидно:

— Значит, тем самым вы признаете, что мой клиент рассказал вам о предполагавшейся сделке?

— Нет, не признаю.

— От кого же вы узнали о ней?

— От Руфуса Китинга.

— Защита, — сказал судья, — суд — это не место для парадоксов и упражнений в остроумии. Выражайтесь яснее.

— Я выражаюсь предельно ясно. Руфус Китинг не делился со мной своими секретами, и тем не менее я узнал о сделке именно от него.

«Хватит, — вертелось в голове у Дэвида, — хватит. Хватит мне прятаться от них. Все равно они меня достанут, куда бы я ни забился». Загнанный в угол, он торжествовал при мысли, что заставит их всех затрястись от страха, запрыгать, словно рыбешек на сковородке. Пусть они боятся его, хватит!

— Может быть, вы соизволите разъяснить свое высказывание? — адвокат сочился торжествующей вежливостью победителя, как кошка, играющая пойманным мышонком.

— Ваша честь, — сказал Дэвид, — дело в том, что я умею слышать чужие мысли. Руфус Китинг, придя ко мне, действительно думал о сделке в Хорс Шу. Он думал, что дело верное, раз ему сообщил о намечаемом там строительстве военной базы сам сенатор Стюарт Трумонд...

— Я протестую! — крикнул адвокат.

— Протест отклонен.

— И о том, что ему нужно заплатить одному генералу пятьдесят тысяч долларов. И о том, что через несколько дней за эту же землю можно будет взять не двадцать пять тысяч — сумма, которую он намеревался уплатить, — а полмиллиона.

— Я протестую! — адвокат вытер платком багровый лоб. — Здесь суд, а не клуб фантастов. Все знают, что никто не может читать чужие мысли. Это ложь!

— А кто сейчас думает о том, что пора принять таблетку? У вас, очевидно, повышенное кровяное давление и не в порядке нервы?

— Ложь! — жилы на лбу адвоката надулись, и казалось, они вот-вот лопнут. — Балаган! Фокусы!

— Обвинение! — сказал судья. — Не увлекайтесь. У вас есть еще вопросы к защите?

— Есть, ваша честь. Только что мы выслушали предельно абсурдное утверждение. За всю мою тридцатилетнюю практику ничто меня так не повергало в изумление своей очевидной лживостью, как это показание. Может ли мистер Росс хоть чем-нибудь подтвердить то, о чем он говорил?

— Разумеется, — сказал Дэвид. — Пусть обвинение напишет что-нибудь. Конечно, чтобы я не видел. А потом передаст листок судье или присяжным. Это очень просто — типичный судебный эксперимент.

Дэвид сидел с завязанными глазами и прислушивался к гулу. Мысли людей в зале жужжали, словно потревоженные пчелы. Он вдруг испугался, что не услышит мыслей адвоката в этом хаосе звуков, и почувствовал, как под повязкой на лбу у него выступает пот. «Спокойнее, спокойнее, — умолял он себя, — надо сосредоточиться, Дэвид». Фразы гудели, звенели в чужих черепах, заставляя их резонировать, как пустые бочки. Он лихорадочно ловил их, пропускал сквозь свой мозг, надеясь, что в конце концов в сети останется то, что нужно. А, вот они. Мысли адвоката скакали в тревожном, испуганном танце: «А может быть... А если он действительно... Что написать? Надо что-то написать...» Он нацарапал на листке: «Рыжая лисица перепрыгнула через забор. Шесть плюс три — девять. «Янки» вчера проиграли «Кардиналам».

— Все? — спросил Дэвид.

— Да, — ответил адвокат. Голос его, казалось, потерял торжествующую уверенность.

— С вашего позволения, ваша честь, я не стану даже снимать повязку. На листке бумаги написано: «Рыжая лиса перепрыгнула через забор. Точка. Шесть плюс три — девять. Точка. «Янки» вчера проиграли «Кардиналам». Добавлю только, что я благодарен обвинению за то, что оно сообщило мне результат вчерашнего матча. Я не читал газет и огорчен, что нью-йоркская команда снова проиграла.

Дэвиду показалось, что гул мыслей в зале стал однотонным, будто содержимое всех этих голов застыло, загустело и потеряло способность двигаться.

Судья близоруко поднял листок бумаги к глазам и, не веря себе, запинаясь, прочел:

— «Рыжая лисица перепрыгнула через забор. Шесть плюс три — девять. «Янки» вчера проиграли «Кардиналам». Удивительно, — пробормотал он после томительной паузы. — Ничего подобного я никогда не видел. Обвинение, у вас есть еще вопросы?

«Как можно вести процесс, — крутилось в голове у адвоката, — если противник знает, что ты думаешь? Он знает все, что думаю я, что думает Китинг. Чудовищно! Но надо что-то говорить».

— Вы сами видите, — начал он, — защита воспользовалась своей странной способностью, чтобы прочесть мысли моего клиента. — Голос его вновь

окреп. — Разве это не кража? Разве наши головы чем-нибудь отличаются от наших сейфов?

— Вы, наверное, набожный человек? — перебил Дэвид.

— Да, но...

— Разве вы не помните заповеди «Не обмани»? Прятать свои мысли — значит говорить не то, что думаешь, лгать. Вы считаете, что невозможность солгать представляет угрозу для самого существования нашего общества, не так ли? Значит, мы живем ложью и держимся ложью? И все наше правосудие призвано защищать эту ложь? Но если я нарушил профессиональную тайну, узнав мысли Руфуса Китинга, то генерал, выдавший секретные планы Пентагона за пятьдесят тысяч долларов...

— Я протестую! — крикнул Китинг.

— Ваша честь! — повысил голос адвокат.

— Протест принят. Защита, говорите по существу дела.

— Вот вы, ваша честь, подумали сейчас, что я могу узнать, о чем вы думаете. — Дэвиду казалось, что это говорит кто-то другой, и за этого другого он чувствовал гордость. — А ведь вы — совесть страны, ее неподкупные судьи.

— Защита! Я лишу вас слова.

— Кончаю, ваша честь. Я знаю, о чем вы сейчас думаете: как замять скандал, как не впутать в это дело сенатора Трумонда и Пентагон. Я даже знаю, о каком приговоре вы думаете.

— Мистер Росс, я настаиваю, чтобы вы замолчали. Я обвиняю вас в неуважении к суду!

Адвокат, наклонившись к Руфусу Китингу, о чем-то шептался с ним.

— Ваша честь, — сказал он, — ввиду странных обстоятельств этого дела обвинение просит отложить процесс.

— Просьба принимается, — сказал судья, и Дэвид услышал, как паническая карусель его мыслей начала замедлять вращение.

«Ну и ну, — подумал судья, — еще минута, и я бы рехнулся... Кто бы мог вообразить такое?»

ГЛАВА, В КОТОРОЙ ПРАВОСУДИЕ ОТВОРАЧИВАЕТСЯ ОТ ДЭВИДА

Дэвид возвращался на Лонг-Айленд. Возбуждение схватки, охватившее его вчера на процессе, прошло, и теперь его осаждали тревожные мысли. Он чувствовал вокруг себя какую-то зловещую пустоту, угрожающий вакуум и не знал, откуда ждать удара. Уже темнело. Он не спеша шел мимо аккуратных особняков и думал: куда бежать, куда скрыться от враждебной пустоты? Кто теперь набросится на него, с какой стороны? Человек, читающий мысли! Он видит вас насквозь! Ату его, господа! Сохраним безопасность своих мыслей. Отстоим наше святое право на ложь! Держи его, держи!

— Эй, приятель! — услышал он чей-то голос из стоящей возле тротуара машины. — Не найдется огонька?

— Пожалуйста, — машинально сказал Дэвид, доставая зажигалку и наклоняясь. В то же мгновенье он услышал взорвавшуюся в его сознании чужую мысль: «Сейчас. Правая рука у него в кармане».

Прежде чем Дэвид успел сообразить, что делает, он уже обернулся и резким ударом правой руки сбил стоящего сзади человека с ног. Он почувствовал, как под кулаком что-то хрустнуло.

Второй, выскочив из машины, бросился на Дэвида. Дэвид ударил его ногой в лицо, и тот, падая, увлек его за собой. Тяжелый удар оглушил его, но он смутно почувствовал, как его вталкивают в машину.

«Вот и все», — вяло и безразлично подумал он. На мгновение он пришел в себя от тонкой, пронзительной боли. «Укол». Он быстро проваливался куда-то во мрак. Темнота все густела и густела вокруг, пока он перестал ощущать и ее.

Дэвид очнулся от ощущения невыносимой жажды. Язык, сухой и распухший, с трудом помещался во рту; когда он попытался облизнуть губы, ему показалось, что он провел напильником по наждачной бумаге. То, что он чувствовал, никак нельзя было назвать болью. Боль в какой-нибудь части тела только тогда воспринимается как боль, когда не болит все тело. Дэвид же весь состоял из боли, он был набит ею, как чучело опилками.

Мысль о том, чтобы повернуться на другой бок, согнуть руку или ногу, даже не возникала у него. Он не мог даже заставить себя открыть глаза. И снова забыться он тоже не мог. Он попытался было сообразить, где он, что с ним произошло, но вялые, спотыкающиеся мысли, словно дряхлые старики, присаживающиеся отдохнуть через каждые несколько шагов, никак не могли выстроиться в шеренгу умозаключений.

Дэвид не знал, сколько часов, дней или лет он провел в оцепенении ожидания. Но, наконец, он почувствовал, как жизнь возвращается в его тело.

Он смог открыть глаза. Слабая лампочка без рефлектора висела под самым потолком — жалкое пятно в полумраке. Дощатые стены без окон, никакой мебели. Дэвид лежал на полу. «Привезти за свой счет скромного человека за город и предоставить в его распоряжение целый сарай — да здравствует наш верный старый Стью!» — подумал Дэвид и даже обрадовался, что это получилось у него.

Огромным усилием воли Дэвид заставил себя встать на колени. Тошнота душащим ватным тампоном поднялась по пищеводу. Рвота обессилила его, и он снова упал. «Как они все заботятся о моем сне, — подумал он. — И в Лас-Вегасе и теперь здесь. Эти ребятки сенатора — надежные «патриоты» с пистолетом в одной и со шприцем в другой руке. Как бы они все хотели, чтобы я крепко уснул, желательно даже вечным сном...»

Он прислонился к стене, опустил голову на колени. «Клер, бедняга... Семейный уют, чувство безопасности после ее пьяных поклонников в Лас-Вегасе... Хороший же он для нее муж, ничего не скажешь». Он поймал себя на том, что подумал о Клер как о своей жене. И тут почувствовал такую томящую нежность к ней, какую никогда не испытывал к Присилле. Присилла — как она вела бы себя теперь? Она возникала в его воображении то в кокетливом передничке на кухне, то со стаканом мартини в гостях, то даже в объятиях Тэда. Но увидеть ее в том мире, где он был с Клер, он просто не мог. Спать с Тэдом и говорить с Дэвидом о свадьбе — это она могла, это респектабельно, но удрать с ним, не захватив зубной щетки — фи, как в дурном фильме!.. Бежать нужно с зубной щеткой, с целым чемоданом зубных щеток и с чемоданом тэдов. В одном — зубные щетки, в другом — тэды.

Дэвид не заметил, как задремал и сполз на пол.

Едва войдя в номер «Стэтлера» в Вашингтоне, Клер открыла телефонную книжку. Трамберт, Трекли, Тримбо... Ага, вот он! «Трумонд Стюарт — сенатор Соединенных Штатов Америки от...» Она с трудом поймала сигарету в пачке, прикурила и, лишь затянувшись, набрала номер.

— Секретарь сенатора Трумонда, — послышался в трубке низкий мужской голос.

— Чудесно, — сказала Клер, — у вас замечательный голос, секретарь сенатора Трумонда.

— Простите...

— ...Надеюсь, в один прекрасный день вы сами станете сенатором...

— Что вам угодно?

— Передайте сенатору, что его ждет в «Стэтлере» Клер Манверс, жена Дэвида Росса. Я склонна думать, что он не преминет нанести мне визит. Если он стесняется женщин, пусть захватит вас.

«Господи, сделай, чтобы Дэви был цел и невредим, — думала она, — я знаю, что не заслужила того, чтобы ты мне помог. Я никогда ни от кого не ждала помощи... Пусть он будет цел, прошу тебя, господи!»

Она никогда не была набожной, но сейчас, кроме бога, ей некого было просить. По крайней мере он не подмигнет ей и не скажет: «Хэлло, беби, поговорим сначала о другом...» Драться, царапаться, ругаться — это она могла, но просить...

Сенатор Трумонд приехал со своим секретарем — бесцветным человеком средних лет. Его медленные движения были словно синхронизированы с движениями шефа.

— Чем могу быть вам полезен? — спросил сенатор, не здороваясь, и опустился в кресло.

Он бросил короткий взгляд на секретаря, как будто предупреждая его, чтобы тот был начеку.

— Вы ведь догадываетесь, сенатор, для чего я вас пригласила, — сказала Клер. — Вы, очевидно, ждете, что я сейчас стану на колени и буду умолять вернуть мне Дэвида Росса.

— Мне некогда, мисс...

— Манверс, сенатор.

— Манверс.

— Сначала я хочу рассказать вам, что всю ночь мне пришлось скрываться в городе. Росс не вернулся домой вовремя, и я догадалась, что его пригласили куда-то «в гости», скорей всего с кляпом во рту. Я не раз видела, как это делается. И я знала, что эти джентльмены пожалуют и ко мне.

Сенатор исподлобья смотрел на Клер, возвышаясь в кресле подобно каменному идолу. Несколько раз рот его чуть приоткрывался и снова захлопывался. Лишь с третьей или четвертой попытки он сказал:

— Что вы хотели мне сказать? Я вышел из того возраста, когда мужчина может слушать все, что говорит женщина...

— Как вы галантны, сенатор! По-моему, я говорю именно то, что вам должно быть интересно. Итак, одинокая, беззащитная женщина просит могущественного сенатора помочь ей найти Дэвида Росса.

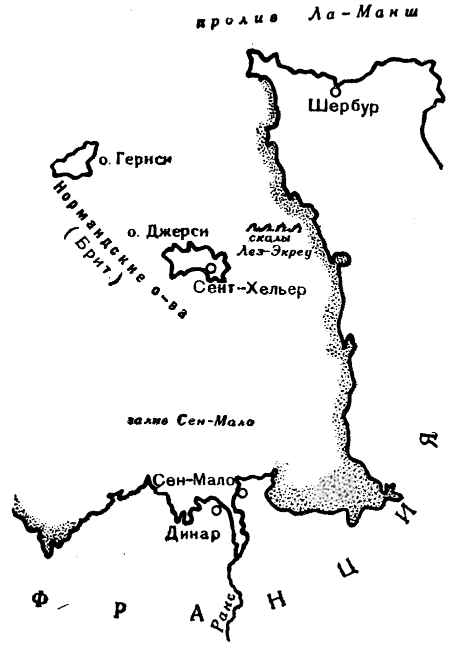
— Я не знаю никакого Росса. Будьте здоровы, мисс...

— Манверс.

— Манверс.

Сенатор слегка нагнулся вперед, положил руки на подлокотники кресла, но Клер видела, что он и не думает встать.

(Окончание на стр. 73)

ДВАДЦАТЬ ЧАСОВ ПРОТИВ ВОЛН

(Окончание. Начало на стр. 39)

двинулся катер. Как только обогнули мол, впередсмотрящий доложил, что видит яхту.

Вскоре спасатели увидели на носу яхты надпись — «Марицелия». Оба мотора на яхте продолжали работать, но палуба была совершенно голой — ни одной надстройки. В холодных сумерках надвигавшейся ночи яхта без единого человека на борту, как призрак, упорно шла навстречу волнам.

Швертбот тоже подошел к яхте, но море было слишком бурным, чтобы попытаться проникнуть на брошенное судно и посмотреть, нет ли кого-нибудь в трюме. Не удалось даже взять яхту на буксир. Однако «Марицелия» и без того шла точно в направлении бухты. Когда всем уже казалось, что неуправляемое судно близко к спасению, огромный вал вдруг изменил курс яхты, и она пошла прямо на скалы «Собачье Гнездо», торчащие из воды метрах в двухстах от входа в бухту.

Утром следующего дня Уинстон де ля Мар, фермер с северного берега острова, увидел, что к его дому, спотыкаясь и почти падая, бредет девушка. На девушке был купальный костюм и свитер. Ее глаза сильно распухли, так что она почти ничего не видела. Лоб рассекала глубокая рана. Кровь струилась и из разбитого затылка. На ногах не было живого места, и они невероятно вздулись.

Пока фермерша готовила грелки, де ля Мар заставил девушку выпить немного кофе. С большим трудом она, наконец, произнесла свое имя и адрес — Эллисон Митчелл из Годалминга, Суррей, Англия. И еще — «Марицелия» разбилась о скалы Лез-Экреу. Затем Эллисон снова потеряла сознание.

Если сказанное девушкой было верно, то тогда выходило, что яхта обогнула восточный берег острова Джерси самостоятельно, без человека за штурвалом, пройдя при этом 40 километров. Другими словами, «Марицелия» проделала путь от скал Лез-Экреу до бухты Сент-Хельер.

С другой стороны, загадкой было уже то, как яхта вообще могла оказаться возле Лез-Экреу — ведь эти скалы лежат совсем в стороне от курса Динар (порт на французском берегу и последнее место стоянки «Марицелии») — Сент-Хельер. Но даже если «Марицелия» и двигалась от скал Экреу вдоль восточного берега самостоя-

тельно, как ей удалось не наскочить на скалистый берег острова и не разбиться в щепы? Дело в том, что этот район опасен для мореплавания даже в самую штилевую погоду, не говоря уже о бешеном шторме с ветром со скоростью полтораста километров в час. А ведь яхта шла навстречу ветру и приливу.

Что же произошло на самом деле?

Когда Эллисон Митчелл поправилась, ее пригласили дать свидетельские показания по поводу гибели Дорис Фрейзер, чье тело было выброшено на южный берег острова почти две недели спустя после трагедии.

Вот что рассказала Эллисон Митчел:

...По пути к континенту погода стояла хорошая, и яхта благополучно добралась до порта Сен-Мало. После небольшой остановки в устье реки Ранс путешественники собирались взять курс на Шербур.

Однако в четверг погода изменилась. Холодный ветер, дождь, на море закипели волны. Вечером путешественники сошли на берег, чтобы поужинать в городе Динаре. Возвращались часов в одиннадцать. Роберт Фрейзер первым заметил густой дым, валивший с яхты. Он прыгнул на палубу и схватил огнетушитель. Остальные поспешили ему на помощь. Кашляя, задыхаясь от дыма, они, наконец, справились с пожаром. Однако весь газ в баллонах успел выгореть. Они остались без топлива, тепла, света.

Казалось, что это небольшое происшествие должно было заставить путешественников переменить свои планы и переждать непогоду в порту. Однако они рассудили по-другому: шторм в 5—6 баллов, который синоптики «обещали» на следующий день, не вызывал у них ровным счетом никаких волнений. Яхта, по их мнению, была отлично оснащена для путешествия в любую погоду. На ней был радиопередатчик и радиотелефон для связи с берегом в случае аварии. Да и расстояние между Динаром и Сент-Хельером было совсем не велико. Обсудив ситуацию, они решили, что вполне могут обойтись на обратном пути без света и камбуза, а ремонт можно будет сделать и дома, в Сент-Хельере.

Так или иначе, в то же утро «Марицелия» отдала швартовы, а через час прошла через шлюзовые ворота.

Яхта шла медленно, моторы с трудом одолевали волну и ветер. Обе женщины — Дорис Фрейзер и Эллисон Митчелл — спустились в каюту отдохнуть.

Вдруг сильная волна ударила в борт, и «Марицелия» резко накренилась. Фрейзер сорвалась с полки и, кажется, сломала руку. Еще одна огромная волна ударила в борт и разбила иллюминатор. Осколками стекла ранило обеих женщин. Заниматься поврежденной рукой Дорис Фрейзер было уже некогда — сквозь разбитый иллюминатор хлестала вода. Яхта быстро оседала. Женщины сами заткнули матрасом иллюминатор.

Время близилось к полудню, и, поскольку «Марицелия» должна была прибыть в Сент-Хельер к двум часам, Майкл Маккоуэн стоял на носу. Наконец он крикнул: «Вижу землю!» Фрейзер тут же попытался дать на берег сигнал по радиотелефону, но оказалось, что антенна разбита волной.

Гигантская волна вздыбилась справа от маленькой яхты, белая кипень воды поглотила палубу. Трое мужчин оказались за бортом. Словно огромная рука, вода вытащила Дорис Фрейзер из каюты на палубу и сбросила в море. Та же волна заклинила дверь, и Эллисон пришлось выбираться из мышеловки через разбитый иллюминатор. Теперь в воде были все пятеро.

Волна снесла все палубные надстройки. Вокруг них плавали коробки, ящики, обломки. Эллисон Митчелл и Роберт Фрейзер уцепились за большую доску, плававшую неподалеку от яхты, и стали звать остальных. Вскоре рядом оказался Майкл Маккоуэн. Подплыла вконец обессилевшая Дорис Фрейзер, а за ней и ее муж.

Яхта была метрах в пятидесяти от них, но моторы работали на полную мощность, и догнать ее не было уже никакой надежды. Они еще долго смотрели, как скрывалась из поля зрения яхта — последний шанс на спасение.

Было около двух пополудни. Когда волны поднимали их, вдали появлялась полоска берега. Видны были дома, деревья и, кажется, даже люди... В воде они пробыли уже долго, но холод теперь не чувствовался — каждая волна подносила их все ближе к земле. Решили не отпускать обломок и держаться всем вместе. Что-то кричали друг другу, шутили, как будто ничего не произошло.

В восемь часов вечера начался отлив. Их снова стало относить в море.

Уже было совсем темно, когда Дорис Фрейзер, ослабевшая, с переломанной рукой, разжала пальцы. Она тут же исчезла под многотонной волной.

Еще в первые минуты после крушения, обнаружив какую-то веревку, прикрепленную к обломку, Майкл Маккоуэн привязал себя к доске. И вот сейчас крутой вал перевернул доску — раз, другой, третий... Веревка затянулась. И Майкл, очутившись под доской, погиб от им же придуманной предосторожности.

Осталось трое. Они держались за обломок, а волны швыряли на них тело захлебнувшегося Маккоуэна. Они еще различали огоньки на берегу, но продолжали цепляться за кусок дерева, надеясь, что их в конце концов прибьет к острову. Люди совсем ослабели.

Мощные удары золн заставили и Джеймса Фрейзера разжать руки.

Теперь их было двое — Эллисон и Роберт Фрейзер. Поняв, что их уносит все дальше от земли, они решили плыть к берегу. Отпустив доску, они вскоре потеряли друг друга из виду. Эллисон Митчелл теперь могла надеяться только на себя. Заметив мигающий огонек, она решила ориентироваться на него. Вдруг огонек погас. Стало совсем темно.

Эллисон уже почти ничего не видела. Веки распухли, их все больше разъедала морская вода.

Ночь прошла быстро. Море несколько успокоилось. Увидев слева от себя скалистый берег, Митчелл поплыла к нему. Потом выбранный ею ориентир исчез, но она продолжала плыть. Крик чайки подбодрил ее.

И вот, наконец, волна бросила ее на скалу, затем протащила и снова швырнула на камни... Земля! Она спасена...

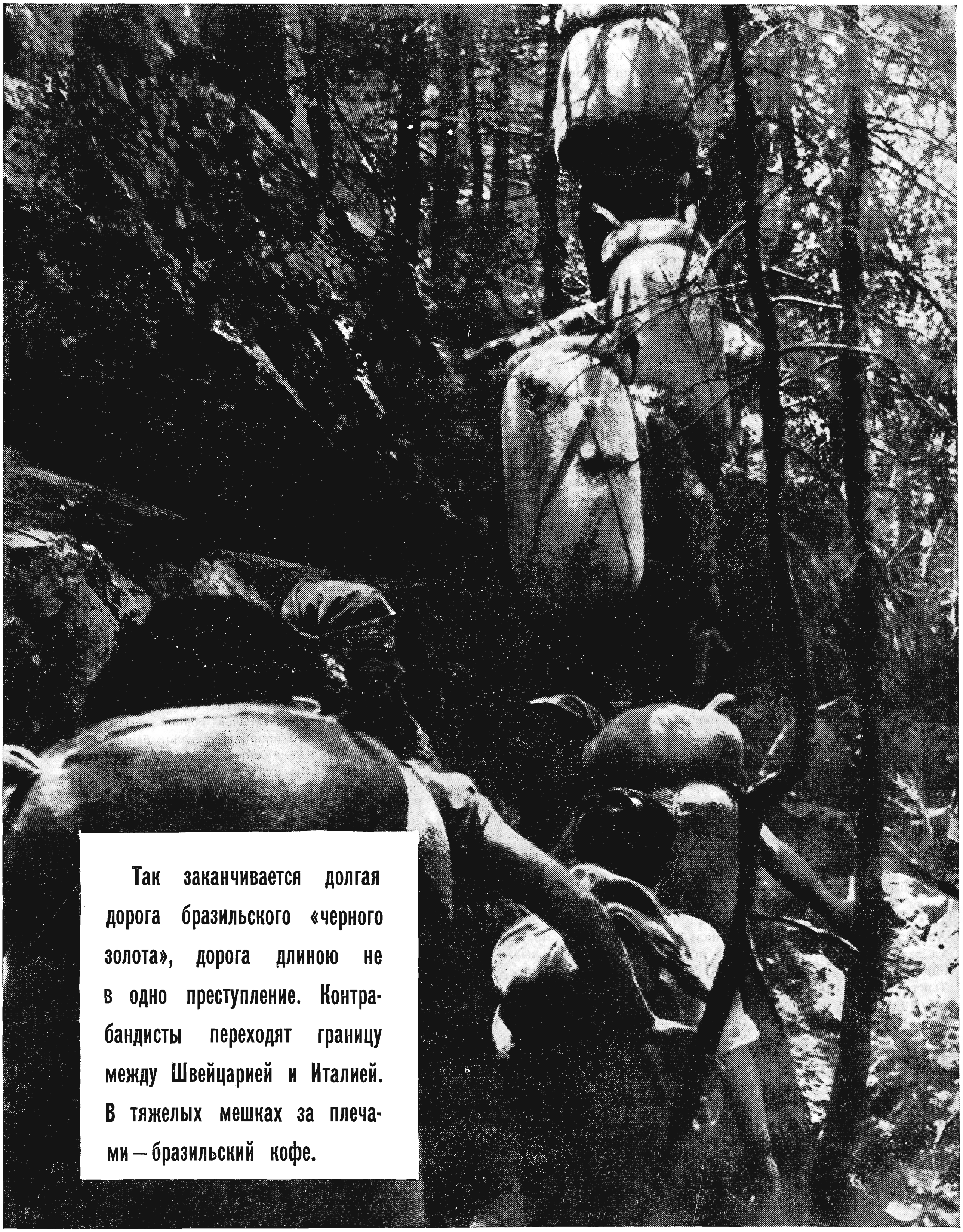
Эллисон попыталась встать. Ноги так ослабли, что уже не держали ее. Эллисон переползла через камни. Медленно встала. Ее сразу бросило в озноб. Но что такое холод, если чувствуешь под ногами твердую, сухую землю!

Перед ней был небольшой кусочек ровной земли, дальше — крутой обрыв. Узкая тропинка, петляя, бежит вверх. Медленно, ползком одолевала она подъем. Казалось, тропинке не будет конца. Не меньше получаса ушло на то, чтобы проползти эти двести метров. А потом она увидела фермера Уинстона де ля Мара и потеряла сознание...

Теперь после рассказа Эллисон спасатели поняли, почему она упоминала скалы Лез-Экреу. Доплыв до северо-восточного побережья острова, Эллисон невольно подумала о том, что яхта потерпела аварию у расположенных неподалеку коварных скал Лез-Экреу. Она даже не предполагала, что проделала вплавь огромное расстояние от бухты Сент-Хельер, на юге острова, до его северо-восточной оконечности. Мерцающий свет, который Эллисон увидела сквозь ночную тьму, был не чем иным, как светом маяка, расположенного на юго-восточном берегу острова. Земля была рядом, но сильное течение пронесло обессиленную, израненную девушку мимо. Двадцать часов волны и течения играли жизнью Эллисон, то поднося ее к самому берегу, то снова бросая в открытое море. Но девушка не сдалась. Проплыв по крайней мере двадцать пять километров, она все-таки выбралась на землю.

Б. СЕНЬКИН

ТРОПОЙ ЧЕРНОГО ИМПОРТА

Так заканчивается долгая дорога бразильского «черного золота», дорога длиною не в одно преступление. Контрабандисты переходят границу между Швейцарией и Италией. В тяжелых мешках за плечами — бразильский кофе.

«ПОМНИ, ПРЕДАТЕЛЬ!»

Нужно отдать должное напористости таможенников аэропорта Буэнос-Айреса. Им все же удалось добиться разрешения и вскрыть чемодан скромного и застенчивого дипкурьера.

Нужно отдать должное и «скромности» дипкурьера. «Все этим занимаются», — сконфуженно бормотал он, прощаясь со ста двадцатью четырьмя контрабандными шкурками голубой норки. Курьер был лишь жалким дилетантом, простаком-любителем по сравнению с прожженными профессионалами, прибравшими к рукам больше двадцати процентов всего импорта стран Латинской Америки.

Среди «специалистов» по контрабанде распространено мнение, что в этот район мира есть смысл везти любой товар: его всегда можно сбыть в какой-нибудь латиноамериканской стране. Известия о возможности заработать бешеные деньги распространяются быстро, потому-то асы контрабанды из Танжера, средиземноморских портов и Северной Америки спешно перенесли свои штаб-квартиры во Флориду, в Кингстон на Ямайке, в Тринидад или Панаму, а филиалы — в столицы Латинской Америки.

...Десятый этаж небоскреба на одной из центральных улиц Рио-де-Жанейро. Сюда в оффис фирмы, по всему видать процветающей, поднимаются ежедневно сотни клиентов. Каждый из них, прежде чем попасть в это здание, заручается рекомендацией и обязан предупредить о своем прибытии по телефону, указать точное время и узнать пароль.

У дверей лифта гостя встречает верзила двухметрового роста с оттопыренным задним карманом брюк. На десятом этаже верзила передает посетителя с рук на руки двум «коллегам». Те, доведя гостя до конца коридора, оставляют его перед дверью «Здесь». За ней вторая дверь с мерцающей надписью «Помни, предатель!» и изображением черепа и скрещенных костей. Наконец и эта дверь позади.

Можно подумать, что здесь расположилась огромная выставка образцов товаров какой-то могучей фирмы. Проспекты автомобилей и прогулочных катеров, магнитофонов и приемников, рулоны тканей, белье, ящики с бутылками виски. Цены ниже, чем в магазинах Рио-де-Жанейро, платить можно наличными или чеками, но только в «твердой» валюте. Но что это? Ярлыки, проспекты, этикетки свидетельствуют, что здесь представлены товары самых разных фирм — от американской «Дженерал моторс» и японской «Хитати» до западногерманского «Грюндиг» и нидерландского «Филлипса». Собрал их здесь, в крупнейшем городе Латинской Америки, многоликий и многорукий спрут — контрабанда.

На чем же строят контрабандисты свой бизнес? Прежде всего они используют слабость промышленности латиноамериканских стран, нехватку многих товаров. В некоторых из этих стран, чтобы обеспечить постоянный рынок сбыта своим товарам, закрывают границу для определенных иностранных товаров или же устанавливают на них высокие таможенные пошлины. Таким образом, создается разность цен — разность между ценой на товар в той стране, где его произвели, и ценой в стране, куда его экспортировали.

Ясно, что в том случае, когда пиратам от контрабанды удается обойти таможенные заграждения и продать на черном рынке свой товар, они получают огромный доход.

Например, автомобили, сделанные в Соединенных Штатах, стоят на черном рынке латиноамериканских стран в три раза дороже, чем в США. Тем не менее никаких затруднений в сбыте рыцари черного рынка не испытывают. Ведь эта цена ниже официальной, «магазинной». Можно привести примеры и «встречной перевозки». За мешок кофе весом в 60 килограммов, стоящий в Бразилии 2 доллара, в США «дают» 2 ящика шотландского виски. Теперь уже 2 ящика виски проделывают обратный путь и продаются, скажем, в Бразилии за полторы сотни долларов.

Каждая финансовая операция контрабандистов — это тяжелый удар по экономике той страны, где орудуют эти в полном смысле слова диверсанты. Размеры же этих махинаций чрезвычайно обширны: от бутылки виски до самолетов. По подсчетам английского журнала «Уайд Уорлд», ущерб, нанесенный контрабандистами в 1964 году Аргентине, составил 300 миллионов фунтов стерлингов. Ущерб, нанесенный Бразилии, — 400 миллионов.

КАПИТАНЫ КОНТРАБАНДЫ

Один из предводителей контрабандистов, орудующих в Латинской Америке, англичанин по кличке Эль Капитан. Аргентинская и бразильская полиция хорошо знает, как он выглядит, на него заведено пухлое досье. Но... Эль Капитан неуловим.

Эль Капитан владеет тремя грузовыми пароходами (два из них зарегистрированы в Либерии и один в Панаме), несколькими самолетами и целой флотилией быстроходных моторных лодок.

Эль Капитан не гнушается никакими доходами, но излюбленная статья его бизнеса — автомобили. Тарифная наценка на машины составляет триста процентов. Для Эль Капитана это звучит как приглашение к контрабанде. В июне прошлого года были проданы с аукциона полторы тысячи конфискованных таможней машин. Полагают, что треть из них принадлежала Эль Капитану. Но это лишь небольшая доля его оборота.

В Мар-дель-Плата (Аргентина) он завез из США пятьдесят три самолета. Полиция узнала об этом только тогда, когда деньги за них уже были в руках контрабандиста. Этот матерый пират разработал разные методы обмана таможни. Так, он долго использовал два грузовых самолета, причем на одном переправлял легальный товар, а на другом — контрабанду. К тому времени, когда полиция спохватилась, Эль Капитан уже загреб солидный куш.

Кадиллак получил свою кличку благодаря «специализации» на подпольной торговле автомобилями. У него есть даже собственный завод по сборке машин близ Сан-Паулу. Недавно он разрешил одному репортеру сделать снимки

По материалам зарубежной прессы.

этого завода, заверив, однако, что, если тот проговорится о его местоположении, репортеру придется нырнуть в глубины Атлантики.

Эскальдо известен как самый жестокий и «беспринципный» даже среди не склонных к «сентиментальности» капитанов контрабанды. Он единственный, кто занимается импортом «живого товара» — девушек из Европы, Африки, Азии и Соединенных Штатов на рынки Буэнос-Айреса, Баия-Бланки, Каракаса. «Живой товар» особенно в цене у богатых скотоводов, использующих женский труд на своих гасиендах.

На совести у Эскальдо много преступлений. Одно из них он совершил в колумбийском порту Картахена, убив двенадцать человек — всю команду одного из своих катеров. Причина? Один из них, кажется, сообщил что-то полиции.

«Ворон ворону глаз не выклюет», — гласит пословица. Гангстеры и в самом деле никогда не сообщают друг о друге в полицию. Они предпочитают не вмешивать официальные власти в свои темные дела. Зато уж они никогда не упускают возможности потопить лодку противника, захватить его рынок сбыта и вообще любым способом перегрызть глотку конкуренту. Не так давно, например, перуанские газеты сообщили о схватке двух бандитских шаек на катерах в открытом море. В результате «выяснения отношений» было убито десять человек.

СЕТИ ПРИХОДЯТ ПУСТЫМИ

Правительства некоторых латиноамериканских стран пытаются объединиться в борьбе против контрабанды, серьезно подрывающей основы экономики. Была привлечена и международная организация полиции Интерпол. Но «уловы» таможенников и полицейских офицеров мизерны по сравнению с тем, что проплывает мимо сети. Правда, в прессе появляются иногда всякие истории о победах над контрабандистами.

Рассказывают, например, об одном офицере таможни в Ресифи. Его удивило огромное количество швейцарского шоколада, который вдруг стали импортировать по воздуху через Западную Африку. Прежде всего производство шоколада в Бразилии достаточно хорошо развито и не боится иностранной конкуренции, поэтому цена на заграничный шоколад не намного выше цены на шоколад местный. Другими словами, нажиться на разности цен здесь весьма трудно. Кроме того, весь шоколад провозился в толстых плитках — таким всегда бывает ореховый шоколад. В то же время — и чиновник проверил это — швейцарцы редко кладут орехи в шоколад. Наконец, вызывало удивление и то, что шоколад перевозился таким дорогостоящим путем. Чиновник решил вскрыть несколько плиток. Выяснилось, что в некоторых из них лежали алмазы. Таможенник вынул камни, заполнил пустоты шоколадом и переправил его по назначению. Таким образом было получено еще три партии шоколада, прежде чем Эль Капитан понял, что игра проиграна.

В порту Сантус (Бразилия) заметили, что все докеры, участвовавшие в разгрузке одного танкера, были, что называется, «под мухой». И напивались они всякий раз, когда именно этот танкер приходил в порт. Провели расследование. Оказалось, что в одном из отделений танкера вместо нефти провозили виски.

Вот как организована борьба с контрабандистами в районе порта Белен (Бразилия).

Инспектор морской полиции имеет в своем распоряжении катер, два «джипа» и шестьдесят пять полицейских. В их обязанности входит контроль над побережьем протяженностью в 625 миль и сотнями необитаемых, густо заросших островков. Но контрабандисты, по сведениям зарубежной печати, используют даже... подводные лодки.

К тому же крупные контрабандистские шайки имеют платных информаторов и в самой полиции и на таможне.

И нельзя поэтому не согласиться с унылой оценкой перспектив борьбы с контрабандой, данной в отчете аргентинской полиции: «Это какое-то чудовище с сотней голов и тысячью ног. Ему помогают длинные трудноохраняемые границы, запутанное законодательство и отсутствие действенных средств борьбы».

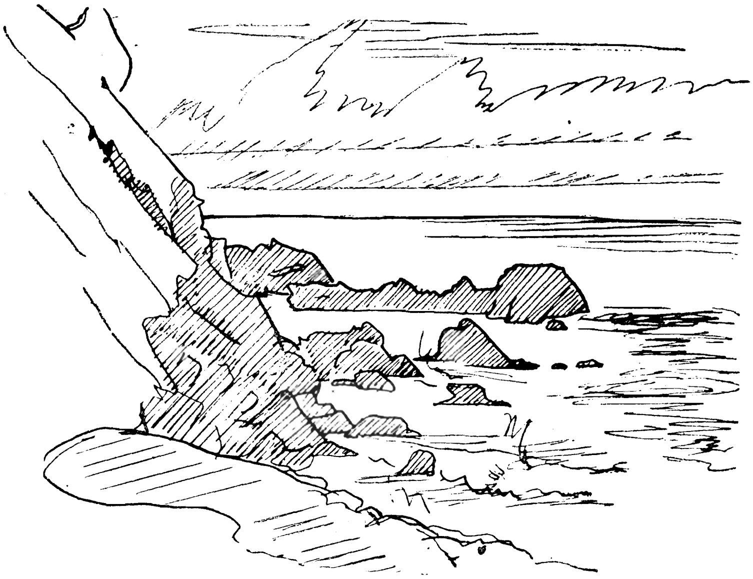
Г. ГАЕВ, И. ПОДКОЛЗИН

МИНУТЫ ПОДВОДНОГО МИРА

АННА МИРЛИС

Неслышно скользят косяки рыб над зарослями водорослей. И вдруг, словно повинуясь неведомой команде, вся рыбья стая шарахается врассыпную. Что вспугнуло рыб? На этот раз незнакомые звуки, принесенные из другого мира. Слышится шелест воды, бульканье, глухие удары. В прозрачных голубых сумерках, окутанные седой пеленой пузырьков, появляются существа в масках, с баллонами за спиной, с ластами на ногах. Они держатся за рукоятки громоздких торпедовидных аппаратов — подводных скутеров.

Громоздятся скалы, сплошь покрытые мохнатыми водорослями и раковинами моллюсков. Дно устлано красным бархатным ковром причудливых актиний. Неподвижно лежат, поджидая добычу, крапчатые морские звезды. Безглазый и безногий морской еж медленно ползет по камню. Огромные крабы тяжело переваливаются на длинных подламывающихся ногах. Проплывают похожие на диковинные ожившие цветы кальмары. Плоская камбала прижалась к песчаному дну. А вот и герой фантастических историй — осьминог. Он двигается толчками под действием водяной реактивной струи. Его щупальца снизу усеяны белыми пуговицеобразными присосками. Под лучами прожектора это чувствительное и нервное животное меняет свою окраску, превращаясь из белого в оранжевое, из коричневато-серого в пунцово-красное...

Экзамен на «ихтиандров»

Работа на глубине требовала большого мужества, находчивости, самообладания и особого, подводного «чутья». Надо было уметь мгновенно реагировать на окружающее, в совершенстве владеть под водой и нервами и телом, надолго запасаться терпением, чтобы «поймать» интересные кадры.

Сочетания различных условий требует съемка в морской стихии. Среди них тихое море, ясное солнце, прозрачная вода и, конечно, подходящая «натура». Такой перечень может привести в уныние любого кинематографиста. Приходится в буквальном смысле «ждать у моря погоды». И первое время периоды вынужденной бездеятельности угнетающе действовали на операторов. Однако установившееся правило — всегда, в любое время быть в состоянии боевой готовности, даже если с утра опустился туман и льет дождь, — мобилизовывало.

Так складывалась тренированная, сплоченная группа кинематографистов-подводников.

Три летних сезона шли подводные съемки на Черном море. Накапливался опыт, росло мастерство. Пришла пора браться за большое, серьезное дело. Темы и сюжеты для задуманного панорамного подводного фильма решили искать там, где фауна и флора более красочная и экзотическая, — в Тихом океане.

«Робинзоны» с острова Монерон

На Черном море операторы чувствовали тепло еще до погружения, по тону воды. Иное дело на Монероне. Какими бы солнечными и яркими ни были здесь дни, от моря веяло холодом и суровостью. И все же этот заброшенный остров с кинооператорской точки зрения оказался идеальным. Всех членов группы поразила здесь необычайная прозрачность воды. Даже сквозь двенадцатиметровую толщу было отлично видно дно. Операторы нашли здесь все, о чем мечтали, — хорошую перспективу, прекрасный цвет воды, замечательные объекты для съемок.

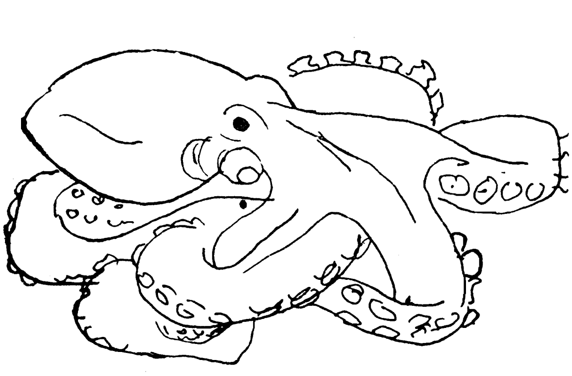
Монерон — гористый вулканический островок с обрывистыми скалистыми берегами. Его западное побережье покрыто застывшей изверженной лавой. Есть здесь и удобная бухта, где можно в случае шторма причалить, не разбившись о скалы. А штормы у острова, как все скоро убедились, бывают свирепые.

Ручная камбала

Разбив лагерь и осмотрев остров, участники экспедиции занялись важным делом: подкормкой рыбы. Это была попытка приручения будущих «артистов», причем попытка новаторская. Биологи не могли подсказать, как «сблизиться» с обитателями моря, но предупредили, что рыбы боятся человека, уходят от света, шума аквалангов. Очевидно, это было справедливо лишь для определенных пород рыб. Камбалу, например, легко подманивали с помощью ее любимого блюда — морских ежей. Когда в воде разбивали твердые, колючие панцири ежей, камбала приплывала на запах. Окуни на ежей не «клевали». К ним подобрали другой «ключ» — разделывали в воде бычков или ершей. Привлекаемые запахом свежего мяса, окуни охотно подплывали ближе.

Рыбы быстро привыкли к участникам экспедиции. Они были крайне «любопытны», а

Рисунки М. МИТУРИЧА

иногда даже назойливы. Особенно сдружились операторы с камбалой, ставшей потом героиней будущего фильма. Когда Олег Лебедев спускался под воду со своим громоздким аппаратом, камбала, чувствуя его приближение уже по шуму воды, подплывала и ложилась у ног оператора; нередко ее приходилось отгонять от аппарата.

Снимали двумя аппаратами — панорамным и простым. Одновременно с панорамным фильмом готовился обычный дубль. Его снимал второй оператор — Анатолий Голубчиков.

Водитель плавучей базы Марк Бриль стал актером. Он отлично держался под водой, имел свой подводный почерк, непринужденно обращался с камбалой и был «на короткой ноге» с осьминогами. Иногда в паре с Брилем под воду опускался Виктор Бушуев.

Появление в пустынных местах, на необитаемом острове людей, которые занимались таким редким делом, как подводные съемки, привлекало внимание рыбаков. Они интересовались аппаратами и приборами и, как ни странно, аквариумом. Действительно, в аквариуме они видели давно знакомых морских обитателей, свою ежедневную добычу, однако видели они их на этот раз плавающими, живущими. Здесь снимали то, что в море снять было невозможно: крупные планы. Работа с обитателями аквариума оказалась не легкой. Кальмары погибали через час-полтора, отравляясь собственной защитной жидкостью. Тяжело приходилось и осьминогам. Вода в аквариуме менялась каждые два часа, но это не помогало. Мысль использовать для «проветривания» воды кислородные баллоны пришла значительно позже.

Осьминоги и кальмары — ночные животные, они на свету моментально закрывают глаза, и киноаппарат фиксирует вместо глаз только белые кружочки с узкими щелками.

Осьминоги нервничали, меняли окраску, и их приходилось долго успокаивать, поглаживая рукой по голове. Кстати, к осьминогам относились с некоторой опаской и брали их в руки осторожно, избегая хищного крючковатого клюва животного. Дело в том, что в определенные периоды укусы осьминога становятся такими же ядовитыми, как змеиные. Но в общем-то осьминог животное миролюбивое и добродушное...

«...у моря погоды»

Хорошие дни можно было пересчитать по пальцам. Не успела группа высадиться на острове, как познакомилась с непроглядными туманами, моросящими затяжными дождями и свирепыми штормами.

Иногда погода менялась так резко и неожиданно, что ребята, застигнутые штормом в открытом океане, подвергались большой опасности.

Как-то в легкой лодочке из дюралюминия операторы ушли за четыре километра от берега. С увлечением они снимали в тихой, прозрачной воде осьминогов. Уже возвращаясь домой, ребята заметили, что с севера потянул свежий ветерок. Вскоре небо сплошь затянуло тучами. Немного спустя резкими порывами задул ветер. По воде пробежали судороги ряби, сразу возникли крутые волны, вокруг закипели барашки. Начинался шторм. Положение становилось угрожающим. В свисте ветра и реве волн не было слышно стрекота мотора, и ребятам показалось, что он заглох. Тогда лодку разбило бы о скалы. Волны уже накатывались на корму, но мотор упрямо тянул. Чудом суденышко проскочило в бухту и пристало к берегу.

А на следующий день операторы снова отправились к своим осьминогам.

Шли дни. Были отсняты основные программные кадры со скутерами, осьминогами, камбалой. Дальше, по планам группы, намечались съемки лова крабов, трепангов и сайры. Время «монеронской робинзонады» подходило к концу. Киноэкспедиция должна была перебраться в район Владивостока.

Бегство крабов

Ловлю крабов и трепангов предполагали снимать в освоенном уже районе острова Путятин, в заливе Петра Великого. Здешняя вода даже отдаленно не напоминала монеронскую. Она была зеленой и мутной. До глубины трех метров еще можно было кое-что разглядеть, но ниже царил сплошной зеленоватый мрак. Плавать в такой воде было страшновато.

Надо было подыскать воду, близкую монеронской хотя бы по цвету. Иначе картину просто невозможно монтировать.

Много времени ушло на поиски места с подходящей водой, а когда его нашли, то оказалось, что крабов в этом районе не ловят. Решили прямо из сети взять несколько десятков «актеров», погрузить их в шлюпку с водой и перевезти в намеченный для съемок район. Очутившись на свободе, крабы стали улепетывать. Собрать их в одном месте оказалось невозможным. Так и не удалось снять лов крабов.

Не легче оказались и съемки лова сайры, которые велись в открытом море с корабля. Рыбаки нарекли сайру звучным именем — «ночная жемчужина». Ловят ее ночью. Под светом синих фар она действительно играет жемчугом. Но, думается, ее за другое прозвали так. Сайра, как и жемчуг, дается не всякому. Хитрая рыба.

Захватив с собой лампы и прожекторы, операторы много раз опускались в пучину ночного океана под киль корабля.

Сайра то появлялась, то быстро исчезала.

Однажды, когда ребята несли очередное дежурство в океане, в свете прожекторов появилась акула. Ее длина достигала двух с половиной метров. Хищница, застыв на месте и вяло шевеля плавниками, уставилась на операторов. Свидание с акулой не входило в их планы, но что оставалось делать: ребята продолжали съемку. Сайра, заметив хищницу, разбежалась. Ушла и акула.

Двадцать семь минут идет первый в мире панорамный подводный фильм «На подводных скутерах», но, чтобы создать его, потребовалось восемь месяцев нелегкого труда.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЧИТАЛ МЫСЛИ

(Окончание. Начало на стр. 59)

— Вы ожидаете, мистер Трумонд, что я возвращу вашему приятелю эту землю. Так вот, сэр, я и не подумаю этого сделать, а вы доставите Дэвида Росса сюда, в «Стэтлер», не позднее завтрашнего дня.

Где-то в самой глубине утробы сенатора послышалось слабое бульканье. Подымаясь по пищеводу, оно в конце концов превратилось в скрипучий смех.

— Вы глупая баба, Манверт или как там вас. Вы были шлюхой и ею останетесь, на большее у вас не хватит ума. Послушайтесь моего совета: возвращайтесь в Лас-Вегас и зарабатывайте себе на кусок хлеба своими прелестями, пока они у вас еще есть. Вам не видать этой земли, уж поверьте мне. У нас, слава богу, пока еще есть порядок, и сенатор значит побольше уличной девки.

Трумонд, наконец, встал и направился к двери.

— Вы настоящий джентльмен, сенатор. Я в восторге от вашей речи и рада, что нашу мораль блюдут такие законодатели, как вы. Да, вы умеете пользоваться магнитофоном?

— Это еще что?

— Магнитофон. Купила сегодня специально по случаю вашего визита. Надо же развлечь гостя...

— Слушайте, вы...

— Нет, уж послушайте вы.

Клер сняла крышку и нажала кнопку. Медленно поползла тоненькая пленка. Послышался голос Дэвида и в ответ ему...

— Узнаете? Это Юджин Донахью, ваш частный сыщик, поверенный и, конечно, убежденный минитмен. Подождите, подождите, он это скажет сам, и про вас расскажет, и про ваши планы. Он ведь не знал, бедняга, что папский прорицатель, он же Дэвид Росс, имеет обыкновение записывать свои беседы с клиентами на пленку. На всякий случай.

Аппарат изрыгал хриплые проклятья Юджина Донахью, и имя Трумонда, казалось, наполняло гостиничный номер. Сенатор снова опустился в кресло. Когда магнитофон умолк, он медленно проговорил:

— Это у вас единственная пленка?

Клер рассмеялась.

— За кого вы меня принимаете? Я скопировала запись, и копии спрятаны в разных, но одинаково надежных местах. Если я не позвоню утром всюду, где они хранятся, завтра же копии будут у вашего соперника. Пресс-конференцию и заявление о том, что почтенный сенатор Трумонд — минитмен, сделает он сам. С другой стороны, если завтра Дэвид Росс будет здесь, все пленки будут уничтожены. И еще одно условие, на которое вы, я уверена, с радостью согласитесь. Подготовьте все документы. Я подарю купленный мною участок в Хорс Шу вашему приятелю, а он мне подарит ровно сто тысяч.

— Это грабеж.

— Вы и так хорошо заработаете, сенатор. Можете ничего не говорить, завтра я жду Росса.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, КОТОРОЙ, ОДНАКО, ВРЯД ЛИ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, ЧИТАВШЕГО МЫСЛИ

Машина свернула с шоссе на узкую боковую дорогу и, попискивая рессорами, направилась к гряде невысоких холмов.

— Клер, — сказал Дэвид, глядя на ее смуглые руки, лежавшие на руле, — ты ведь до сих пор не сказала мне, куда мы едем. И даже в мыслях ты скрываешь это от меня...

Клер посмотрела на него. Отек под глазом Дэвида был изжелта-зеленым.

Дэвид положил ей руку на плечо. Он хотел было улыбнуться, но почувствовал боль в разбитой губе. Минитмены сенатора не зря отказывают себе по субботам в гольфе или партии в кегли. Что-что, а обрабатывать физиономии они научились. Чем не политическая программа? Для хорошего политика важно не столько ловко говорить самому, сколько ловко заткнуть рот другому. Примеров тому в истории сколько угодно. Он представил себе, как сенатор с клинообразной головой на одеревеневшей шее выступает сейчас с пафосом: «Наш священный патриотизм... Защита свободы...» Филантропы! Они готовы бесплатно раздавать свой патриотизм, даже вбивать его в голову...

Машина в последний раз качнулась и остановилась. Дэвид открыл глаза.

— Смотри, — сказала Клер, показывая на небольшой домик в лощинке, — я здесь родилась. Мать еще жива. Я ей ничего не сообщила, я не знала, захочешь ли ты...

— Какая разница, Клер... Ты пойди к ней, а я приду потом. Прости, Клер. Я никого не хочу видеть. Не могу. Не могу слышать эти бесконечные, копошащиеся мыслишки, будь они прокляты. Будь проклята мысль, если она лжива.

— Дэвид...

— Не могу, понимаешь, не могу я больше. Я мечтаю о вымершем мире. Ни одного человека, ни одной мысли. Пустые, чистые города, пустые, чистые дома, поезда, машины... Никого. И мы идем с тобой, и сквозь асфальт начинает прорастать трава, и в открытые окна машин влетают птицы. И я слушаю, слушаю — и ни одной мысли. Иди, Клер.

— Дэвид... ты придешь?

— Приду.

Дэвид растянулся на траве. Теплый ветерок лениво скатывался с холма. Он нес с собой запах приближающегося вечера, запах травы и нагретой земли. На мгновение ему показалось, что сейчас он услышит мысли земли и зелени — спокойные, честные мысли о дожде, зерне и плодах, о скорой осени. Но все вокруг молчало в сытом, удовлетворенном покое летнего вечера. И казино «Тропикана», и капитан Фитцджеральд, и минитмены, и сенатор Трумонд, и сам предсказатель папского двора Габриэль Росси начали казаться Дэвиду чудовищной химерой.

Он задремал, а когда открыл глаза, солнце уже садилось за пологий холм. Он привстал и огляделся. Вдалеке, на той дороге, по которой они приехали, ярко вспыхнул зайчик. Должно быть, машина. Сейчас она покажется из-за поворота. Но зайчик не двигался. Машина стояла.

«Следят, — равнодушно подумал Дэвид. — В конце концов какая разница, кто там сейчас смотрит в бинокль — Донахью или Фитцджеральд... Круг замкнулся».

Сутулясь, он побрел к домику в лощине.

СПОРТ ЛЕСОРУБОВ

Как известно, дровами, досками, стройматериалами деревья становятся не сразу, прежде их надо спилить. И хотя в наше время темп работы все больше определяется техникой, искусство «пилы и топора» по сей день высоко почитается в среде лесорубов. Этому искусству и посвящены традиционные праздники лесорубов Канады.

Соревнования требуют всесторонней подготовки: нужно свалить, очистить, разделать дерево, погрузить и сплавить бревна. Один из сложнейших «аттракционов» — сплав леса. Уверенно балансируя на бревне, победитель доказывает свое мастерство. Ну, а проигравший, конечно, очутится в воде.

Соревнования пильщиков требуют своей сноровки. Победитель показал отличный результат. Семидесятипятисантиметровое бревно он распилил за одну минуту семнадцать секунд.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

ЭБСОЛОМ И ЭКОНОМИЯ

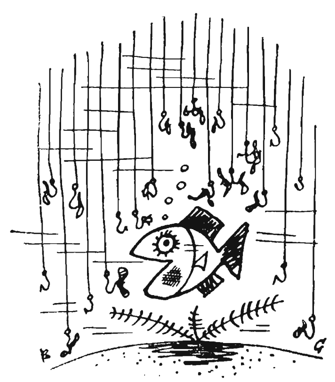
От Лондона до Сидкапа рукой подать — четыре часа на машине. Можно было бы добраться и быстрее, но мешают «пробки» на дорогах.

И Роуланд Эбсолом купил вертолет. Теперь Эбсолом добирается до службы — он «состоит» директором и одновременно хозяином завода — за какой-нибудь час. (На снимке вы видите утреннее прощание с семьей.)

Дотошные журналисты, рассказавшие даже о том, во что обходится Эбсолому горючее для вертолета, забыли, однако, написать, во что обошелся Эбсолому сам вертолет. Но хотя их и можно упрекнуть в отсутствии любопытства, то юмора им не занимать: они предлагают рабочим завода Роуланда Эбсолома перенять опыт шефа.

БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫЛОВИШЬ И РЫБКИ ИЗ ПРУДА...

...тем более, если к этому пруду, где, по слухам, была-таки рыба, пробиться можно было лишь с огромным трудом. Ничего странного: во время соревнований в Японии по ловле удочкой на территории в 600 квадратных метров уместилось 4 тысячи рыбаков.

ЭЛЕКТРОСВАРНОЕ СЧАСТЬЕ

Известно поверье о том, что подкова приносит счастье. Скульптор Алазини из швейцарского города Берна, видимо, рассудил: чем больше подков — тем больше счастья, а может быть, и славы. Так появилось на свет это творение. Правда, из лошадиных подков у Алазини почему-то получился осел. Но здесь мы уже вторгаемся в тайную тайных творчества, где столько зависит от случая и минутных ассоциаций...

ЗАБЫЛИ БЕГЕМОТА

Полиция города Индиана в североамериканском штате Пенсильвания «извлекла» из бюро находок города изголодавшегося бегемота. Толстокожего забыл в одном из фургонов бродячий цирк. «Находка» весила три тонны. Когда директор цирка явился за своей собственностью, ему пришлось внести, кроме платы за хранение, еще и штраф «за бесчеловечное обращение с животными».

ОБЕЗЬЯНА, У КОТОРОЙ НЕТ КОНКУРЕНТОВ

Хотя ей и года нет, все посетители манчестерского зоопарка без ума от нее. Дело в том, что Ли в свободное от «работы» в зоопарке время увлекается игрой в кегли.

— Еще бы, ей, конечно, легче, — оправдываются завсегдатаи кегельбана. — При игре она может запросто менять левую руку на правую, правую — на левую ногу и так далее.

А факт остается фактом: шимпанзе Ли — признанный фаворит манчестерского кегельбана. Конкурентов у нее нет.

ОБЖАЛОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

В маленькой деревне близ Больцано (Италия) «суд присяжных» приговорил петуха к смерти, с отсрочкой приведения приговора в исполнение. Петуха обвиняли в том, что он нападает на людей и наносит им серьезные царапины. Последней жертве забияки удалось поймать птицу на месте преступления и представить ее на суд. Было решено дать петуху последний шанс исправиться: его окольцевали и отпустили на свободу. Если в дальнейшем окажется, что кто-либо из жителей деревни будет исцарапан петухом с кольцом на лапке, смертный приговор будет приведен в исполнение немедленно.

ИМПОРТ БЛОХ

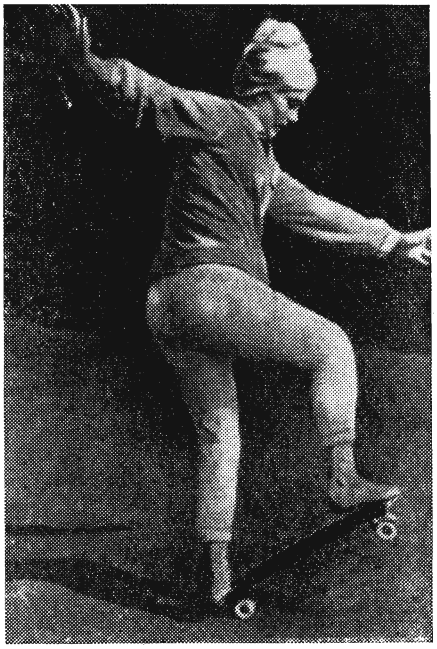
Дрессировщики блох в Англии всерьез обеспокоены затянувшимся «блошиным кризисом» в стране.

Популярный укротитель пожаловался журналистам: «В последний раз мы вывезли блох из Португалии. Бедняжки, не перенеся британского климата, издохли... Пылесос и современная архитектура скоро всех их погубят и похоронят наше прекрасное ремесло».

КОШКИ, МЫШКИ И СОСЕДИ

Похоже на то, что кошкам грозит безработица. Японская фирма «Осака» выпустила в продажу хитроумный прибор, гарантирующий полное избавление от мышей и крыс. Через неодинаковые промежутки времени устройство «Осака» издает пронзительное мяуканье. Для пущего страха вспыхивают два зеленых «кошачьих» глаза.

Куда же денутся крысы? Фирма нашла блестящее, по ее мысли, решение. В рекламном проспекте написано буквально следующее: «Это устройство является непревзойденным в борьбе с крысами. Можете поверить нам — крысы переселятся к вашему соседу».

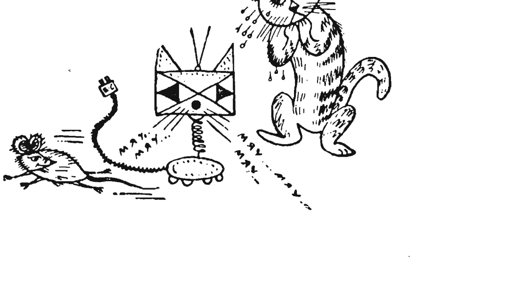
ДОСКОМАНИЯ

Пэт Макги из Калифорнии стала недавно чемпионкой среди девушек по катанию на досках. Как это видно на снимке, она может проехаться даже на двух задних колесиках.

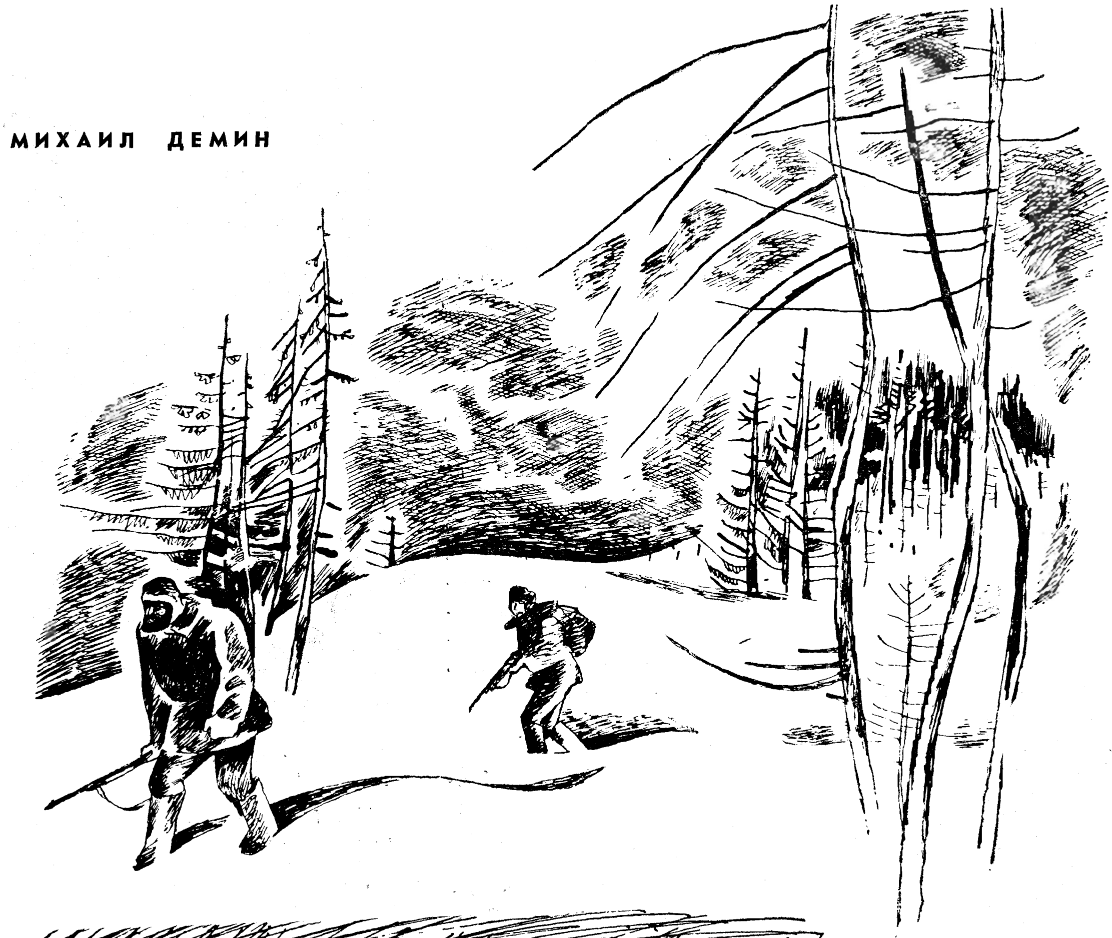
Четыре года назад на пологой, спускающейся вниз улице Сан-Франциско появился какой-то чудак. Он поставил на мостовую доску с двумя парами подшипников, вскочил на нее и, смущенно улыбаясь, покатил вниз.

Он напрасно стеснялся: с тех пор доски с берегов Тихого океана докатились до Атлантического побережья. По нью-йоркским улицам, отчаянно размахивая руками, несутся новички, небрежно, на одной ноге, катят кандидаты в чемпионы, мчатся стоя и сидя, балансируя на мусорной корзине и устроившись на лежащем товарище. Едут по прямой и объезжая пивные бутылки.

Надо ли удивляться, что скольжение «по наклонной плоскости» не для всех кончается благополучно? Двое «лихачей» уже попали под машину.

МИХАИЛ ДЕМИН

Голос в сумраке

Рассказ

Рисунки А. ГОЛИЦЫНА

Мы услышали странный этот голос перед ночью; был час тишины, и сквозь ветви сочился поздний свет — ослабнувший и словно помертвелый, — и тайга стояла нечеткая, вся в размытых тенях, в сером дыму.

Мы шли по завалам, увязая в сыпучем снегу, усталые и сильно зазябшие.

— Шабаш, ребята! — сказал, останавливаясь, Ананьев. — Ни день, ни тьма — самое время отвратное, будь оно неладно... Пора ночлег изготавливать.

И в этот момент донесся из сумрака голос.

Непонятный это был голос. Он возник на негромкой ноте, летел над тайгой и рвался с коротким всхлипом. Словно бы кто-то задыхался там — плакал или смеялся тоскливо... Нет, скорее плакал. А может, грозил?

— Эт-то еще что? — спросил, стукнув зубами, практикант Гриша; тревога метнулась по его лицу.

— Не пойму, — сказал Ананьев. — Сроду не слыхивал...— Он надвинул брови. — Не слыхивал, нет! А уж я-то, кажется, здесь все наскрозь понимаю...

Охотник-промысловик, старый лесной скиталец, он познакомился с нами случайно и не очень давно в одном из тазовских сел.

— Геологи? — спросил он. — Куда же это вы топаете вдвоем, на зиму глядя? Сгибнете не за понюх, ай-ай!.. — и тут же с легкостью согласился проводить нас к низовьям Таза.

— В тайге что любезно? — говорил он. — Воля! Иди хоть на сто верст, дыши — не надышишься...

Где-то на Туруханке имелся у него дом и, кажется, семья, но, судя по всему, бывал он там не часто и не любил оседать. Косматый, в медной нечесаной бороде, был он угрюм и беспечен и весь пропитан сыростью и кислым самосадным духом. Он стоял теперь, переминаясь в снегу, сопел, налаживая папироску.

Голос шел с заката — из-за тусклой еловой гривы, — тосковал невнятно и перемежался хриплым клекотом. Он полон был смятения и ярости, этот голос, и звучал, забирая все выше и все пронзительней... И вдруг пресекся. Всхлипнул шумно — вздохнул.

И сразу же в уши нам мягко надавила тишина.

— Зверь какой-то... — сказал Гриша.

— Ясное дело, — усмехнулся старик. — Только вот какой?

Лицо его напряглось. Некоторое время он помалкивал, распустив морщины, цедя сквозь усы кудрявый дымок. Потом он медленно потащил из-за спины дробовик.

— Что-то не так, ребята... Нехорошее что-то — нутром чую! Пятый десяток по тайге хожу, такого зверя еще не слыхивал. Ну ладно! — Он обтер рукавом ружейные стволы. — Ты, Гриша, насчет костра хлопочи, а мы сходим разузнаем — мы недолго!

— Боязно чего-то маленько, — сказал Гриша. Он посмотрел на меня внимательно. — Тебе как?

— Да нет, ничего, — забормотал я, поеживаясь, — пустяки...

— Боязно! — тихо и просто сказал старик. — А как же? В тайге надо бояться. Бояться надо — трусить нельзя! Этот закон что для зверя, что для человека един Ну ладно, потопали.

Еще раз, близкий и недолгий, пронесся крик в тишине... Мы брели, углубляясь в пасмурные хвойные недра. Грива густа была и нехожена, и только путаный звериный лаз рассекал подлесок — уводил в низину; там ельник распадался.

Я смотрел в напряженную, качающуюся стариковскую спину: он шел впереди неслышным, каким-то щупающим шагом... Внезапно он замер.

— Тут! — прошептал он, умеряя дыхание. — Есть такое дело! Гляди, гляди...

Заснеженное овальное озерцо открылось нам. Оно лежало в пологих берегах, светилось зеленовато. Вокруг толпились стволы, висли низкие мохнатые кроны.

В центре его темнела полынья, и там — в белесоватых мглистых клубах — угадывалось смутное движение: кто-то там, у края пролома, дышал и ворочался тяжело.

Звучно плеснулась вода. Потом затихло все. И тотчас Ананьев повернулся ко мне — придвинулся плотно

— Нерпа! — шепотом воскликнул он. — Полярный тюлень... Ну дурак же я старый, господи! Как это я раньше не сообразил? Но вот непонятно — как ее сюда занесло, в сторону от реки?

Пристально и осторожно обошли мы берега. Потрогали лед — он был еще слаб и всхрустывал, прогибаясь. И старик сказал:

— Она, глупая, сюда весной заплыла — по большой воде.. За рыбой, ясное дело! А после вода опала. Теперь вот она и мается и плачет... Жалко!

— Жалко, да... Хотя чего ж плакать? — сказал я. — Воды хватает — отсидится.

— Так ведь одна!

Ананьев поднял лицо, прищурился; далекий тихий свет разливался в глубине его глаз.

— Одна! — сказал он строго. — Это ты можешь понять? Ну, потом жизнь тебя достанет — поймешь... Нерпа семьей живет; ей, как человеку, в одиночку нельзя Нипочем нельзя! Да и не знаю, отсидится ли. — Он опустился на корточки в снег, медленно чиркнул спичкой. Помолчал недолго. — Тут, я вижу, рысь бродит... Гляди — наследила! К полынье хотела подобраться. И ведь подберется, подлая... Нет, браток, тут заплачешь!

Мы воротились не скоро. Тянуло морозом с реки; снежок подсох и позванивал ломко, и было зябко нам и неуютно в сплошной этой непроницаемой тьме. Еще не рождалась луна — стояли последние осенние ночи.

— Проводник-то наш каков, а? — укладываясь, сказал мне Гриша. — Помнишь. «Бояться надо — трусить нельзя..»

Я оглянулся на старика. Он сидел по другую сторону костра и таким запомнился мне надолго — угловатым, всклокоченным, недвижным...

Дымные отсветы шатались по его лицу, а за спиной — из глубины тайги — все тосковал, все звал и оплакивал кого-то одинокий, томительный голос.

Утром Ананьев сказал, поскребывая в медной бороде:

— Я, ребята, обещался свести вас к Тазовской губе... Она — вот она — за излучиной. Километров двадцать, не более того. Здесь дойдете сами.

Он говорил, занавесив бровями узкие свои, чуть припухшие глаза Он смотрел на восток — туда, где клубилось над хребтами белое ледяное солнце.

— Уж вы, ребята, не обижайтесь, а я — домой! Полгода ведь не был, не спал в тепле — шутка сказать. Нынче целую ночь думал... А вы шустрые, вы дойдете, дотопаете свободно!

И мы простились с ним, досадуя.

Мы были молоды и нетерпеливы. Мир, исполненный страстей и раздумий, казался нам простым, разделенным отчетливо на свет и на тень... И много еще предстояло увидеть нам и постичь.

Веселая ярмарка женихов

Каждую осень к подножью марокканских гор Высокого Атласа, к гробнице святого Сиди-Ахмеда идут караваны. Всадники съезжаются со всех сторон, развьючивают верблюдов и лошадей, ставят пестрые тенты шатров К концу дня лагерь разбит, можно начинать праздник. В начале палаточной «улицы» выстраиваются молодые всадники. По сигналу, пришпорив коней, они срываются с места и несутся туда, где ждут их строгие судьи. Это девушки, их родители и родственники. Они будут оценивать искусство джигитовки, меткость в стрельбе на полном скаку, силу и ловкость. Это не обычное соревнование. Ведь в этом состязании выигрывают не кубок и не приз, в нем выигрывают... жену. Если покажешь себя настоящим мужчиной, тебя может выбрать в мужья первая красавица. Такова традиция у этого берберского племени аит-хадиду — решающее слово в выборе мужа принадлежит самой девушке; испокон веков женщины этого племени — и это в мусульманской стране! — не носят паранджу.

Около недели длится «ярмарка женихов». Конные соревнования сменяются танцами девушек, по вечерам звучат песни.

К концу недели начинают играть свадьбы. Если верить старикам, самые прочные браки как раз те, что заключаются во время этих праздников.

ТАЙНЫ МОРСКИХ ИСПОЛИНОВ

Уже много веков ученые, путешественники, моряки с интересом и удивлением наблюдают за дельфинами. Изображения этих животных спелеологи обнаруживают в пещерах, исследователи старинных рукописей — на папирусах, водолазы — на поднятых со дна моря амфорах.

Аристотель приводит свидетельства древних рыбаков о нежном и добром характере дельфинов, их привязанность к детям.

В любом порту, где швартуются океанские корабли, можно услышать рассказы о дельфинах, которые пытаются помочь попавшим в беду людям: тех, кто тонет, они подталкивают к поверхности, плывущих оберегают от акул.

Не обошли этих животных вниманием и литераторы. Александр Беляев, создав скитальца морских глубин Ихтиандра, дал ему в спутники веселого доброго дельфина.

Что же это за зверь — дельфин? Выдумка или правда рассказы о его необыкновенной смышлености? Верно ли, что дельфины не только разговаривают друг с другом, но и пытаются копировать человеческую речь и даже вступать в общение с людьми?

На многие эти вопросы отвечает книга американского физиолога Джона Лилли «Человек и дельфин» (издательство «Мир», М., 1965). В ней — факты, только факты, накопленные в результате многолетних изучений дельфинов, в частности одного из видов этих животных — афалин, которые водятся и в нашем Черном море.

Джон Лилли утверждает: центральная нервная система афалин настолько совершенна, так высоко организована, что эти животные в своем развитии превосходят всех остальных млекопитающих и приближаются к человеку.

Однажды афалину, введя предварительно наркоз, выпустили в бассейн. Дельфин тотчас подал сигнал бедствия. Два других подплыли к пострадавшему, нырнули под него и подняли к поверхности. Здоровые животные заботливо поддерживали беспомощного дельфина, чтобы он не заваливался на бок и мог дышать. Все это время они обменивались звуками, переговариваясь между собой.

И уж совсем фантастическим выглядит эпизод, в котором дельфин стал неожиданно передразнивать ученого: экспериментируя с дельфином, тот продиктовал секретарю показания магнитофона: «На счетчике ленты триста двадцать три фута», и дельфин вдруг отчетливо повторил первую часть этой фразы! «Мы сталкивались со многими такими случаями во время опытов», — утверждает автор книги.

Книга «История слепого кашалота» (издательство «Наука», 1965) принадлежит перу советского ученого — профессора А. Томилина. Она итог исследований многих китообразных.

Книга начинается с рассказа о событии, случившемся лет сто назад. Английские китобои вели промысел в океане. Однажды после долгой охоты им удалось загарпунить огромного самца-кашалота. Началась разделка туши, и тут обнаружилось, что кашалот был слеп. А ведь он хорошо питался — иначе бы не вырос в такого исполина! Вот и сейчас в его желудке много пищи, в том числе гигантский кальмар с восьмиметровым щупальцем. Как же охотился слепой кашалот, как ориентировался, выбирал путь в океане, уходил от опасностей?..

Вы прочитываете страницу за страницей и постепенно приближаетесь к разгадке тайны слепого кашалота: китообразные снабжены биологическим эхолокатором, очень точным и безотказным. Гидроакустическое «ощупывание» толщи воды — основной способ поисков добычи и ориентировки в океане. И тут вы вспоминаете о звуколокаторах летучих мышей и некоторых насекомых. Да, и тридцатиметрового кашалота и крошечную тлю природа снабдила органами, действующими по одному и тому же принципу!

Человек с запасом воздуха в легких может нырнуть в глубину метров на сорок и пробыть под водой полторы-две минуты. Но и это под силу лишь отдельным рекордсменам-ныряльщикам. А кашалот погружается на километр и больше, может охотиться там, почти два часа не вентилируя легкие. В главе «Неподражаемые ныряльщики» А. Г. Томилин раскрывает и этот секрет морских исполинов.

Еще одна интересная глава. Зарегистрировано немало случаев, когда киты и дельфины, целые

стада этих животных вдруг выбрасываются на берег и погибают от удушья или теплового удара. Так, однажды на мели у северо-западного побережья Тасмании оказалось 37 кашалотов. В другом случае на берег острова Цейлон выбросилось 97 малых косаток, а на побережье Аргентины — 835 этих животных.

Как указывает А. Томилин, обычно такие случаи происходят в непогоду, когда волны поднимают у берегов ил и песок, вода загрязняется, насыщается пузырьками воздуха. В этих обстоятельствах биологические локаторы китообразных дают ложные сигналы. Неосторожно приблизившиеся к мели животные оказываются в ловушке, а достаточно одному из стада попасть в беду и подать сигнал тревоги, как на помощь бросаются остальные и... тоже погибают.

Сколько загадок раскрыли ученые, изучающие морских животных! И сколько еще непознанного, таинственного в физиологии и образе жизни китов и дельфинов!

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

КНИГИ О ПОКОРЕНИИ ГЛУБИН

Аслезов С., Добров А., Внуки Нептуна. Изд-во «Советская Россия», М., 1964. Книга о спортсменах-подводниках Московского энергетического института: об их путешествиях, приключениях и работе под водой.

Акимушкин И. И., Приматы моря. Географгиз, М., 1963. Много разных легенд связано с обитателями моря, в частности с различными головоногими моллюсками — осьминогами, кальмарами и т. п. О них и идет рассказ в этой книге.

Богданов Д. В., География голубого континента. Изд-во АН СССР, М., 1963. Вместе с автором, участником многих океанографических экспедиций, читатель совершит морское путешествие от Арктики до Антарктики и познакомится с многообразной жизнью Мирового океана на разных широтах земного шара.

Голованов Я., Штурм бездны. Географгиз, М., 1963. Об истории проникновения в глубины моря, о современных задачах и инженерных проблемах, стоящих перед океанографами, повествует эта книжка.

Гэскелл Т. Ф., Под глубинами океанов. Изд-во иностранной литературы, М., 1963. Руководитель кругосветной экспедиции на английском гидрографическом судне «Челленджер» рассказывает о строении и рельефе океанского дна и о новейших геофизических методах его исследования.

Диомидов М. Н., Дмитриев А. Н., Покорение глубин. Изд-во «Судостроение», Л., 1964. В этой книге читатель найдет описание современных глубоководных аппаратов — исследовательских подводных лодок, гидростатов, батискафов. Авторы предлагают читателю заглянуть и в будущее — представить глубоководную технику завтрашнего дня.

Море. Изд-во иностранной литературы, М., 1960. Сборник «Море» составлен крупнейшими океанографами Франции и охватывает круг самых разнообразных проблем — от истории океанографии до промышленного использования морских ресурсов.

КАК Я РЕШИЛ СТАТЬ ЛАСТОНОГИМ

Однажды в руки мне попалась тоненькая книжка. Более чем скромная обложка, тусклые клише. Только марочка на обложке — уходящий в глубину силуэт аквалангиста — что-то затронула в душе. Перелистал внимательно несколько выпусков «Библиотечки спортсмена-подводника».

«Русалка стилем «дельфин» плавно идет на меня и, развернувшись у самого аппарата, уходит вдаль. Отлично, но это была репетиция. Все по местам. Взмах рукой, русалка снова ныряет — съемка началась удачно. С глубины десятка метров мне отлично видно все наверху...»

«Плыву вдоль кромки камышей. Их стволы как какой-то сказочный лес, настоящие подводные джунгли. Вдруг замечаю золотую чешую сазана. Он стоит, зарывшись в камыши, чуть шевеля плавниками...»

Меня, тогда еще не принадлежавшего к племени аквалангистов, особенно взволновали очерки, в которых подводники рассказывали о съемке сказочного фильма в Черном море, и погружении в подземные озера Крымских гор, и о работах в голубых водах Аральского моря.

Стало обидно: люди осваивают новую стихию, а тебе неведомо ее таинственное очарование, ее неповторимые краски, ее удивительные обитатели. Тогда-то и родилась у меня мысль «записаться» в ластоногие.

Вот уже протоптана «тропинка» в московский клуб «Дельфин» и стали привычными слова: акваланг, кинобокс, гипервентиляция... Снова держу я в руках последние выпуски «Библиотечки спортсмена-подводника» (издательство ДОСААФ, М., 1965). Но теперь меня уже интересуют другие статьи. Специфика подводной охоты и киносъемки, новейшие глубоководные аппараты, достижения советских и зарубежных исследователей в покорении глубин — сколько разных проблем затрагивают эти статьи, быть может, несколько сухие, но «до краев» наполненные информацией и советами тем, кто погружается в глубины!

Теперь я не расстаюсь с «Библиотечкой». Правда, достать выпуски трудно, ведь тираж очень небольшой, и подписаться на нее пока нельзя. Но разве напрасно готовился я в охотники, хотя и подводные? Я рыщу по книжным магазинам и оставляю открытки с заказом очередного выпуска, а в случае неудачи заказываю через Книготорг.

Море ждет меня...

Л. КОСТИН

ВОКРУГ СВЕТА

№ 10 ОКТЯБРЬ 1965

СОДЕРЖАНИЕ

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются   Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А03895. Подп. к печ. 22/IX 1965 г. Печ. л. 5 (8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 600 000 экз. Заказ 1546. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Продолжается подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Вокруг света».

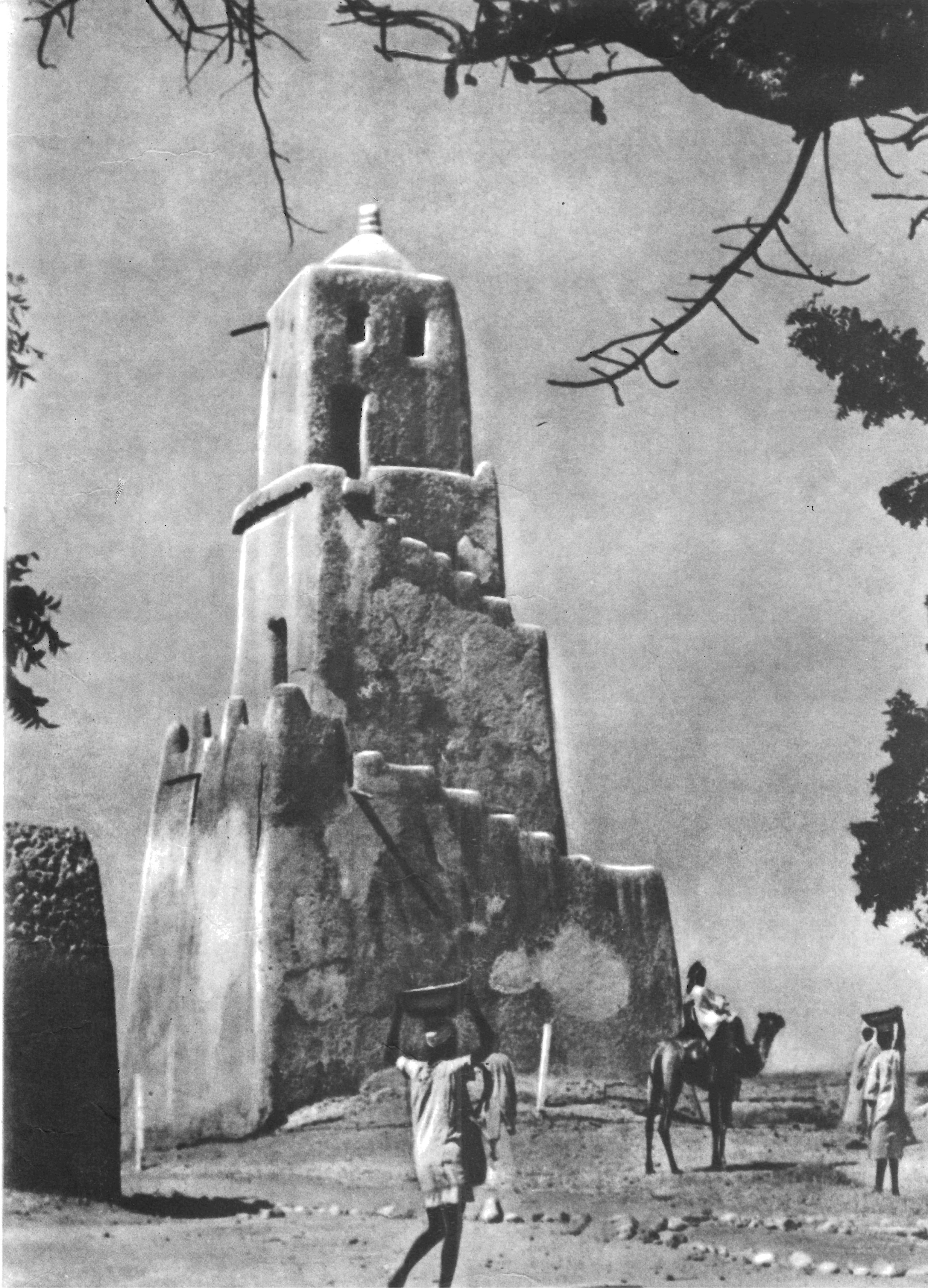
НЕ ЗАБУДЬТЕ: подписка на срок с 1 января 1966 года заканчивается повсеместно 25 ноября с. г.

В настоящее время подписка принимается на любые сроки во всех пунктах «Союзпечати», общественными распространителями по месту работы, районными отделениями «Союзпечати» и отделениями связи (почтовыми отделениями).

Подписная цена: на год — 7 руб. 20 коп., на 6 месяцев — 3 руб. 60 коп.

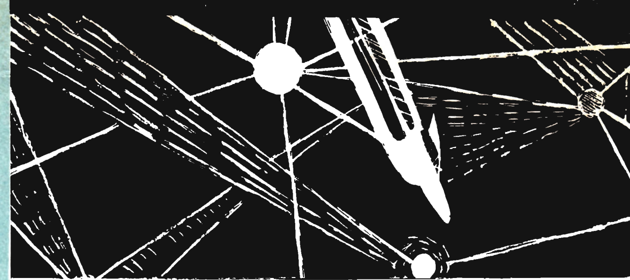
На первой странице обложки: ИРАН. Самая оживленная торговля утром: пока не наступила жара, пока солнце еще низко. По традиции пекари «развешивают» хлеб у входа пекарни-магазина.

На третьей странице обложки: НИГЕРИЯ. Минарет, спиралью поднимающийся к небу, первым встречает путников из Сахары. Сюда, в город Кацина, лежащий у северной границы Нигерии, к началу уборки земляных орехов стекается множество людей из отдаленных оазисов великой пустыни.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

ПРИГЛАШАЕМ К ПОДПИСКЕ НА 1966 ГОД

Наука в наши дни развивается со стремительной быстротой. Не успев привыкнуть к поразившему нас открытию, вдруг узнаем о новом, еще более поразительном. Поезд летит, набирая скорость, а за окном — незнакомая природа обитатели неведомых краев, надписи на непонятном языке.

Даже специалист-ученый чувствует себя не совсем свободно в этой вновь открываемой стране. Как же постичь ее, как прочитать иероглифические надписи науки человеку, не искушенному в специальной области?

На помощь приходят научно-популярные брошюры.

«Новое в жизни, науке, технике»

Они рассказывают о самом новом и самом интересном в важнейших областях знаний: развитии марксистско-ленинской теории и практике коммунистического строительства, в экономике, естественных и точных науках, литературе и искусстве, международных событиях, жизни молодежи.

Авторы брошюр — ведущие ученые, общественные и политические деятели, специалисты народного хозяйства и передовики труда, мастера искусств, писатели и журналисты.

По сериям «История», «Философия», «Экономика», «Техника», «Сельское хозяйство», «Литература и искусство», «Международная», «Биология и медицина», «Физика, математика, астрономия», «Молодежная» выходит по две брошюры в месяц, средним объемом 2,5 печатного листа.

Подписная цена на одну серию:

на год — 1 р. 80 к.,
на полугодие — 90 коп.,
на квартал — 45 коп.

По сериям «Химия», «Естествознание и религия», «Наука о Земле», «Радиоэлектроника и связь» выходит по одной брошюре в месяц, объемом по 3 печатных листа.

Подписная цена на одну из этих серий:

на год — 1 р. 08 к.,
на полугодие — 54 коп.,
на квартал — 27 коп.

Для тех, кто хочет обстоятельно знать основы наук в свете новейших открытий, выпускается специальная серия брошюр «Народный университет» по семи факультетам: естественнонаучному, технико-экономическому, сельскохозяйственному, литературы и искусства, правовых знаний, педагогическому, здоровья.

Общий объем брошюр по каждому факультету составляет 60 печатных листов в год.

Подписная цена на один факультет:

на год — 1 р. 80 к.,
на полугодие — 90 коп.,
на квартал — 45 коп.

Подписка на все серии и факультеты принимается в пунктах подписки «Союзпечать», городских и районных узлах связи, почтамтах, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и организациях.

Индексы серий и факультетов в каталоге «Союзпечати» на 1966 год 70057 — 70075, 70090.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «З Н А Н И Е»

